НОВАЯ ПОЛЬША

№10 (178) 2015

ПРЕЗИДЕНТ ПНБ: ПОКОНЧИМ С ЭКСТРЕМАЛЬНЫМ КАПИТАЛИЗМОМ

КАК СДЕЛАТЬ, ЧТОБЫ БЫЛО БОЛЬШЕ ДЕТЕЙ?

А. ЗАГАЕВСКИЙ: НЕСКОЛЬКО СТИХОТВОРЕНИЙ В МАЖОРЕ И МИНОРЕ

Г. ГЕРЛИНГ-ГРУДЗИНСКИЙ КАФКА В РОССИИ

Ю. ЧЕХОВИЧ ПОЭМА О ГОРОДЕ ЛЮБЛИНЕ

ПОЛЯКИ ОБ ИВАНЕ БУНИНЕ

ВАРШАВА

ISSN 1508-5589

**Вы можете подписаться на «Новую Польшу»,
перечислив деньги на наш счет и отправив нам по почте,
факсу или электронной почте копию подтверждения оплаты
с пометкой: *prenumerata.***

Деньги просим перечислять на счет издателя «Новой Польши»:
Instytut Książki
ul. Z. Wróblewskiego 6
31-148 Kraków

Подписка в Польше:
Название банка: BANK GOSPODARSTWA KRAJOWEGO
Номер счета: PL
81 1130 1150 0012 1269 2720 0001
Цена 1 экз. — 8 зл.
Цена годовой подписки — 96 зл.

Подписка за границей:
Название банка: BANK GOSPODARSTWA KRAJOWEGO
Номер счета: PL
81 1130 1150 0012 1269 2720 0001
SWIFT CODE: GOSKPLPW
Цена годовой подписки — 70 евро или 100 долларов

Информация о подписке за границей:
Тел. +48 22 608-27-95
Факс: +48 22 608-25-05
e-mail: nowpol@instytutksiazki.pl

Информация о подписке в Польше:
Тел./факс: 22 608-24-88, 22 608-23-74
e-mail: czaspatron@instytutksiazki.pl

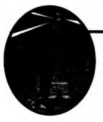
Журнал «Новая Польша»
допущен к распространению на территории Российской Федерации
Решением Министерства Российской Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
(Свидетельство регистрации средства массовой информации ПИ №77-1063 от 3 ноября 1999 года)
Приглашаем всех читателей посетить интернет-сайт «Новой Польши»:www.novpol.ru

НОВАЯ ПОЛЬША

№ 10 (178)
2015
октябрь

ISSN 1508-5589

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК



ПОКОНЧИМ С ЭКСТРЕМАЛЬНЫМ КАПИТАЛИЗМОМ 3
Беседа с Мареком Белькой, президентом Польского национального банка

Виктор Кулерский 10
ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

КАК СДЕЛАТЬ, ЧТОБЫ БЫЛО БОЛЬШЕ ДЕТЕЙ 20
Беседа с Ireной Вуйцицкой

Лешек Шаруга 23
ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

Эльжбета Савицкая 26
НЕСКОЛЬКО СТИХОТВОРЕНИЙ В МИНОРЕ И МАЖОРЕ

Игорь Белов 29
ПРЕДСТАВЛЕННЫЙ МИР

Анна Фелига 34
ЮЗЕФ ЧЕХОВИЧ, «ПОЭМА О ГОРОДЕ ЛЮБЛИНЕ»

Юзеф Чехович 37
ПОЭМА О ГОРОДЕ ЛЮБЛИНЕ

Эльжбета Савицкая 48
КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА

Эва Фуртак 52
ПОСЛЕДНИЙ ТАКОЙ ПЕРЕПИСЧИК

Густав Герлинг-Грудзинский 54
КАФКА В РОССИИ

Кароль Яниковский 59
КЛАССИКИ РОКА ДЕРЖАТ УДАР

Тадеуш Зубинский 63
ПРОЩАНИЕ

Эугениуш Соболь 66
БУНИН НА ЧУЖБИНЕ

Рената Лис 69
ТРИДЦАТЬ ЧЕМОДАНОВ (Отрывок из книги «Во льдах Прованса»)

Аркадиуш Хабера 79
ПОЛЯКИ ОБ ИВАНЕ БУНИНЕ

Переводчики: И. Адельгейм, И. Белов, Е. Гендель, В. Окунь, О. Лободзинская, С. Политыко, Е. Шиманская

© Фото: East News (стр. 3), K. Dubiel dla Instytutu Książki (стр. 26), E. Lempp (стр. 29), Muzeum Lubelskie (стр. 35, 36)

Редакционный совет
Стефан Братковский
Генрик Возняковский
Ежи Клочовский
Кароль Модзелевский
Януш Тазбир
Станислав Цёсек

Ежи Помяновский
(главный редактор)

Редколлегия
Элиза Вольская
Галина Дубик
Никита Кузнецов
Виктор Кулерский
Ирина Лаппо
Петр Мицнер ***(зам. гл. редактора)***
Евангелина Скалинская
(секретариат)
Гжегож Пшебинда
Ежи Редлих
(зам. гл. редактора, секретарь редакции)
Эльжбета Савицкая
Лешек Шаруга
Дмитрий Шевионков-Кисмелов
(главный художник)

Графика и макет
Дмитрий Шевионков-Кисмелов

Техническая редакция
Паулина Зеленая

Адрес редакции
INSTYTUT KSIĄŻKI
al. Niepodległości 213
02-086 Warszawa
Ал. Неподлеглости, 213
02-086 Варшава
тел: **(22) 608 27 95; 608 25 65**
факс: **(22) 608 25 05; 608 27 96**
e-mail: **nowpol@instytutksiazki.pl**
Информация о журнале
для стран СНГ
Издательство МИК, Москва,
ул. Большая Переяславская, д.15, кв.49
тел: **621-41-42**
e-mail: **mic@inbox.ru**

Журнал издается по поручению Министра Культуры и Национального Наследия Республики Польша
WYDAWCA:
Instytut Książki, ul. Z. Wróblewskiego 6, 31-148 Kraków
DZIAŁ WYDAWNICTW:
al. Niepodległości 213, 02-086 Warszawa
tel/fax (22) 608 24 88
Тираж 2700 экз.

ПОКОНЧИМ С ЭКСТРЕМАЛЬНЫМ КАПИТАЛИЗМОМ

Поднять заработную плату, обложить налогами богатых и финансовые операции.

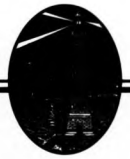
С Мареком Белькой, президентом Польского национального банка, беседует Мацей Стасинский

— Завершается греческая драма. Кто виноват? Только ли греки, налоговые воры и мошенники? Или может быть, Европейский союз тоже не без вины?

— В вашей рубрике «Вот так история» я прочитал памфлет профессора Аркадиуша Стемпина о том, что Греция — это паршивая овца Европы, которая развалит Евросоюз так же, как в XIX веке развалила Латинский валютный союз. Детерминисты скажут, что греки никогда не построят нормальное государство, потому что слишком любят свою греческую сущность. Но это ловушка детерминизма.

Возьмем, к примеру, Финляндию. Сто лет тому назад это была беднейшая страна Европы, там просто был голод. И вклад финнов в европейскую цивилизацию был самый незначительный. А сейчас? Или возьмем поляков — в течение 300 лет мы были черной дырой Европы, а сегодня нам могут позавидовать многие.

Поэтому я считаю, что у греков может получиться. Понятно, что они тоже хороши. У них слабое, клановое государство, политика и экономика основаны на знакомствах. Но ведь и евро оказался для них ловушкой. Общая валюта была изобретена для умелых и способных адаптироваться.



Создавая зону евро, Евросоюз совершил много ошибок, и принятие туда Греции было одной из них. Греки могут с этим справиться, отказавшись от евро и вернувшись к драхме — девальвируют ее и выйдут на прямую. Будет смутное время, но они справятся, как говорят американцы.

Однако их выход из Евросоюза стал бы нарушением принципа, согласно которому можно «записаться», но нельзя «выписаться». Кроме того, если бы рухнула зона евро, а такой риск есть, — это было бы катастрофой для ЕС и общего рынка, смутное время наступило бы для всех.

Вот почему нужно успокоить ситуацию в Греции и вокруг нее. Дать ей вернуться на путь роста. Как? Инвестировать, например, в туризм. И не бояться. У одного греческого острова туристический потенциал, как у половины Польши.

У плана спасения, разработанного Евросоюзом, и стратегии правительства Ципраса не так много различий. Греции нужен пакет помощи в несколько десятков миллиардов евро. Это нелегко, но европейцы избегут безвыходной ситуации и сбросятся, договорятся.

Придумают какой-нибудь компромисс. Разложат долг до греческих календ, а проценты уменьшат. Греки и дальше будут платить, но на практике это приведет к частичному прощению долга. Так же, как нам списали в начале трансформации.

— Но для нас это было наградой за амбициозную программу Бальцеровича.

— Для них, в какой-то степени, тоже. Ведь это неправда, что они не провели никаких реформ. Они снизили дефицит бюджета почти на 10 процентных пунктов относительно ВВП. То есть, они все же что-то сделали, хотя и слишком мало, с учетом их ситуации. И с тем, что они не платят налогов, я тоже не согласен.

Доля налогов в ВВП Греции составляет 36%, а в Польше — 32%. Так что, может быть, нам не стоит перебарщивать с критикой. Греки — не жулики и не мошенники.

Европа требует от Ципраса того же, что он требует от греков: покончить с привилегиями и расточительством. А если реформы начнет столь левая сила, как СИРИЗА, то уж слева на него не будет никаких нападок.

Станет ли это продлением агонии или частью терапии? Надеюсь, что терапии, притом удачной. Нужно поддержать хорошую атмосферу вокруг Греции. Я призываю ездить туда отдыхать.

— Где находится Польша после четверти века перемен? Что с нашей моделью развития? И с нашими «возмущенными», которые говорят, что страна в разрухе и finis Poloniae…

— Польша — уже страна не бедная, а довольно продвинутая. Польские фирмы присутствуют за границей, инвестируют там — мы не только импортеры капитала. Но, в определенном смысле, мы подходим к концу цикла экстенсивного развития. Мы построили — как кто-то красиво назвал это — экстремальный капитализм.

Наша проблема вот в чем: способна ли та модель развития, которая у нас была до сих пор — этот экстремальный капитализм — тянуть нас дальше еще 15 лет. Статистика не лжет и показывает, что доля заработной платы в ВВП мала и продолжает уменьшаться. Это означает, что до сих пор польская конкурентоспособность основывалась на низкой стоимости рабочей силы и низких налогах, особенно для предпринимателей. Сейчас меня обольют помоями, мол, говорю скандальные вещи, так как налоги высокие и нужно их снижать.

А я говорю, что здравоохранение, образование и многое другое недофинансировано именно потому, что налоги низкие. Сейчас каждая партия обещает снижение налогов. Так это же означает катастрофу! Либерализм Фридмана поселился у нас четверть века тому назад. Но тогда Бальцерович и Осятынский ввели хорошую налоговую систему.

Проблема не в уровне налогов, а в их структуре.

В Польше налоги низкие и относительно простые, особенно на фоне других стран. Угнетает не сама система налогообложения, а то, как их взымают.

Кстати, сейчас у нас сильная конституционная и правовая защита от разных «греческих болезней». Но порой мы заходим в этом слишком далеко. У нас излишний правовой и налоговый порядок. В погоне за соблюдением буквы закона нам порой отказывает разум. Мы попали в ловушку буквального правоприменения. Пример тому — закон о государственных заказах, который намного строже

директив Евросоюза. У нас всегда выигрывает самое дешевое предложение, даже если оно идиотское. Ведь если чиновник не выберет самое дешевое, его сразу берет в оборот прокуратура.

В Польше идет бесконечная борьба налогоплательщика с налоговой службой. Иногда налогоплательщик попадает в ловушку, часто не по своей вине. Загнанное в угол государство борется с налоговыми мошенниками, так как прекрасно знает, что всегда можно перестать платить и перебраться на Кипр. Но инструменты в этой борьбе убийственные. Налогоплательщик сам должен оценить, надлежащим ли образом обложена налогом его сделка, и никто ему в этом не поможет. А чиновник боится, что оценит что-нибудь неправильно, и ему влепят штраф. Либо у налогоплательщика получится, либо он разорится. Ему грозит потеря дела всей его жизни. Государство выступает в роли угнетателя, потому что должно взыскать налоги, которые и так слишком малы по сравнению с потребностями. Вот поэтому, с точки зрения налогоплательщиков, чиновник заведомо придирается к ним.

Тем временем, нужно бороться с налоговыми патологиями. Например, в Польше не удается покончить с массовым мошенничеством, когда отопительное масло используется как топливо. Разница в акцизе приводит к тому, что с ней жульничают, а государство теряет ежегодно несколько миллиардов злотых. Также нужно ликвидировать — как я это называю — «внутренние офшоры», относящиеся не к сельскому хозяйству, а к сельской местности. Между прочим, добавлю, что, как ни парадоксально, это может быть выгодно многим фермерам: ведь тогда они смогут пользоваться налоговыми льготами. Следующее, это злоупотребления в области самозанятости, то есть явление псевдопредпринимательства. Я имею в виду принуждение, например, медсестер или уборщиц к регистрации хозяйственной деятельности. Ведь для фирм это способ уменьшить оплату налогов.

Мы просто должны цивилизовать налоги, чтобы они стали справедливее. Люди с низкими доходами платят у нас налоги выше, чем на Западе, а богатые — ниже. Увеличение освобождаемой от налогов суммы обойдется очень дорого, но на это нашлись бы деньги, если ликвидировать эти патологии.

Кроме того — и это имеет ключевое значение — наши ожидания растут быстрее, чем успехи. Похоже, что люди просто отвергают достижения нашей трансформации!

— Что же делать, если у нас жалкие зарплаты? Как насчет так называемых «мусорных договоров»* и других кабальных форм зависимости, что с неуверенными в завтрашнем дне фрилансерами и лишившимися стабильной перспективы прекариями?

— Я предпочитаю не употреблять понятие «мусорный договор». В каком-то смысле мы все работаем на таких условиях. Трудовой договор никого не спасет от увольнения, в лучшем случае, оно произойдет через три месяца. И у нас, и во всем мире будут востребованы более гибкие формы трудоустройства, и нам не избежать этого. Нельзя рассчитывать, что проработаешь на одном месте всю жизнь или хотя бы длительное время. Сегодня закон у нас этому не способствует. Пенсионеры должны иметь возможность работать (если они этого хотят), например, три дня в неделю в течение восьми месяцев в году.

Но все формы трудоустройства должны быть равны с точки зрения оплаты налогов и взносов в соцстрах. Все без исключения. Пусть люди работают и дают работу, как кому удобно, но без махинаций с налогами или взносами.

Моя дочь работает на основании договора, который не дает ей долгосрочных социальных гарантий, и неплохо себя чувствует в качестве прекария. Зато страдает упомянутая уже уборщица, вынужденная работать за минимальную оплату или в самозанятости, то есть становиться предпринимателем, так как многие фирмы перевели услуги по уборке на аутсорсинг. Реформа рынка труда, о которой я говорю, не приведет к автоматическому повышению заработной платы, но исключит патологии, вынуждающие людей соглашаться на нездоровые формы трудоустройства.

Я убежден, что наш путь развития, основанный на очень низкой стоимости рабочей силы, заканчивается.

А почему не растет заработная плата? Не знаю. Потому что нет сильных профсоюзов? Возможно. Но ведь демографическая структура ухудшается, мы стареем. В свою очередь, существует множество свободных рабочих мест, которые не находят отражения в низком уровне безработицы. По критериям Евросоюза

* «Мусорными» называют в Польше разного вида невыгодные для работника временные трудовые соглашения, не дающие уверенности в завтрашнем дне и возможности брать кредиты. Прим. ред.

безработица составляет уже менее 9%. Но у нас очень низкий уровень профессиональной активности — около 60%, тогда как в Швеции он около 75%. Значит, есть люди, которые могли бы выйти на рынок труда, если бы он был гибким. Может быть, это позволяет удерживать низкую заработную плату.

Существует и проблема эмиграции. Однако — как подсказывает мне интуиция — люди эмигрируют по разным причинам, не только из-за высокой зарплаты. В Лондоне поляки зарабатывают в три-четыре раза больше, чем здесь, но жизнь там стоит втрое дороже, так что реально получается почти то же самое, что в Польше. И все же люди уезжают. Может быть, из-за атмосферы в стране они ищут счастья за границей? И там они хотят и могут работать продуктивнее, чем на родине.

Когда произошел теракт в Лондоне, моя дочь работала официанткой. Ресторан закрыли, метро остановилось. Дочь жила очень далеко. Но пошла на работу пешком, шла больше часа, так как транспорт не ходил. На месте были только владелец, управляющий и поляки. Работникам других национальностей даже в голову не пришло явиться.

Если столько людей эмигрировало, то в Польше заработная плата должна расти, ведь не хватает рабочей силы. Но она не растет.

Я считаю, что рынок труда нужно привести в порядок и при этом сделать гибким. Он не должен создавать алиби для налоговых аферистов, как сейчас. Это должно поломать модель развития, основанную на эксплуатации работников. Возможно, это звучит как изложение левых взглядов, но все к этому идет. Такие изменения не произойдут со дня на день, однако эти процессы нужно запускать.

— А не грозит ли нам ловушка чрезмерного инвестирования европейских фондов в инфраструктуру, а не в человеческий капитал? Так произошло в Португалии и Испании. Разве нам не следует инвестировать скорее в мозги, чем в кирпич?

— В мозги инвестировать нужно, и это важнее, но нам все еще нужны инвестиции в бетон и кирпич. Мы должны завершить модернизацию инфраструктуры, построить автомобильные и железные дороги. Конечно, проблема есть. Ведь в мозги инвестировать труднее. Нужно знать, как и во что, да и те, в кого инвестируют, тоже должны знать, что им нужно и зачем им это.

С бетоном легче и дешевле разобраться чиновникам, как в Польше, так и в Брюсселе. А европейские фонды мы должны использовать быстро. И мы делаем это образцово. Филармония в Щецине — просто чудо! А стоила несколько десятков миллионов евро. В Германии таких денег хватило бы разве что на подземные гаражи. Это еще один миф, что мы строим слишком дорого. Мы должны использовать эти деньги, и делаем это — к счастью — очень эффективно.

Проблема и в том, чтобы умело управлять тем, что уже построено, и зарабатывать на этом. Национальный стадион, кажется, уже зарабатывает. «Атлас Арена» в Лодзи тоже окупается.

— В мире обсуждают кризис капитализма. А в Польше нет. Что будет дальше с этим капитализмом? Есть кризис или его нет?

— Проблема реальная, хотя бы потому, что об этом все говорят. В Польше это трудная тема, так как мы помним, к чему у нас привело отсутствие капитализма, то есть реальный социализм. Сначала мы пережили этот ад, а потом полный хаос. Наконец мы все-таки добились неслыханного цивилизационного успеха. Поэтому мы не говорим о кризисе капитализма. Даже наш популизм, например, у сторонников Кукиза, скорее либертарианского толка, чем левого, как у греческой СИРИЗЫ или испанского «Подемоса».

На Западе уже 20-30 лет тому назад заметили, что крупные компании способны подчинить себе национальные государства и выйти из-под контроля. Когда-то эти крупные компании называли концернами, теперь их называют корпорациями. Прошло два десятилетия, и теперь даже корпорации зависят от милости других корпораций, только уже чисто финансовых. Финансовый сектор господствует над реальной экономикой. Он организовал мир таким образом, что в один миг может перевести онлайн неограниченный капитал. Большинство таких сделок — валютные спекуляции. При этом отказались от любых налогов на финансовые операции, таких как знаменитый налог Тобина.

— Даже Кристин Лагард, глава Международного валютного фонда, заявляет, что капитализм переживает кризис и нуждается в обновлении.

— Кристин пришла в МВФ, когда я уже ушел оттуда. Я встречаюсь с ней по разным поводам, но лучше знаком с Домиником Стросс-Каном.

Однако следует знать, что громкие выступления г-жи Лагард на различных крупных конференциях — это не исключительно ее личное мнение, но точка зрения, выработанная целой командой. Это точка зрения Фонда как института. Пересмотр позиции МВФ относительно современного капитализма начался еще при ее предшественнике. Я был свидетелем того, как МВФ из защитника и представителя «Вашингтонского консенсуса» превращался в его критика, постепенно переставая рассматривать его как откровение и непоколебимую истину.

Г-жа Лагард юрист и ее горизонты не ограничены экономическими доктринами. Вдобавок, в ней больше от американки, чем от француженки. А это очень важно. Ведь такие выдающиеся экономисты, как Джеффри Сакс, Дэвид Липтон или даже Стенли Фишер, с тех пор как были приверженцами политики раннего Бальцеровича, прошли долгий путь, став критиками неолиберализма. За границей Лешек Бальцерович — это фигура, достойная памятника. Как Лех Валенса. Он остался в истории. Польша была подопытным кроликом, и опыт удался. Это неслыханно, как нам удалось выйти из такого трехсотлетнего цивилизационного отставания. У Польши важная роль в истории экономической политики. Мы служим примером.

— Но когда «Газета выборча» пишет о кризисе капитализма, Лешек Бальцерович обвиняет нас в левых взглядах.

— На Западе либеральный нарратив в духе Бальцеровича сегодня выглядит уже неким фольклором. Мир очень изменился и усложнился. МВФ — это большой научно-исследовательский институт. Он может быть политизированным, но по-прежнему весьма компетентен. Там на самом деле думают, проводят исследования, дискутируют. Часто, однако, экономисты становятся рабами моделей, от которых им трудно освободиться. Рационализм по-прежнему бродит по страницам экономической литературы, тогда как люди не руководствуются чистой рациональностью.

Дэни Родрик ставит под сомнение тезис о том, что свободный рынок — это необходимая ступень развития для бедных стран. Новые веяния проникают в МВФ. В первую очередь, однако, причиной пересмотра взглядов на экономику послужил кризис.

Доминик Стросс-Кан считал, что кризис затронет прежде всего страны Восточной Европы. Он опасался, что первый удар примут Литва, Латвия, Эстония и мы. Поэтому меня пригласили в МВФ. Европейский департамент должен был сдержать этот удар, и у нас получилось. Экономика ни одной из стран не рухнула.

Тогда МВФ предлагал классические рецепты — либерализовать и урезать расходы — и давал деньги взаймы. Но уже тогда было заметно, что не всегда виноваты сами страны: жертвами кризиса становятся государства, проводящие хорошую, рекомендованную ранее политику. И им все равно достается. Рушилась система, основанная на импорте капитала. В МВФ начали делать выводы: хватит третировать невиновных, не нужно так сурово, не вмешиваемся во все детали. Впрочем, это вмешательство раздражает многие страны, например, Турцию 15 лет тому назад или нынешнюю Грецию.

Из т.н. тройки — МВФ, Европейская комиссия и Европейский Центральный банк — именно Фонд ведет наиболее приязненную социальную политику.

Во второй фазе кризис охватил ядро западной экономики: Португалию, Испанию, Ирландию, Италию и т.д. Испанская экономика, к примеру, была слишком крупной, чтобы МВФ смог помочь ей в одиночку.

Уже тогда было понятно, что часть долга Греции придется простить. Но этого нельзя было делать, потому что это стало бы заразным — возникли ли бы подобные требования у других стран. Программы спасения были с самого начала очень трудными. Именно логика ЕС, а не МВФ, требовала действовать жестко. И оказалось, что еврозона ухудшает положение слабейших стран, а общая экономическая политика становится инструментом дивергенции, а не конвергенции.

В МВФ появились новые, «еретические», взгляды: что дело дошло до вредного преобладания финансового сектора над сектором реальной экономики. Что нужно допустить контроль движения капитала. Дело пахло скандалом! Они извивались, как ужи на сковородке, но в конце концов

признали, что это необходимо. Даже если контроль движения капитала противоречит рынку и финансовым институтам.

Кроме того, появилось мнение, что ультранизкая инфляция — это не обязательно хорошо. Ведь это неправда, что если мои реальные заработки уменьшаются с ростом инфляции, то произойдет эскалация требований повышения заработной платы и инфляционная спираль затянется еще туже. Люди поступают вовсе не столь рационально и часто поддаются иллюзии денег. Они готовы примириться с уменьшением реальной заработной платы, если это одновременно происходит в группах, на которые они равняются. И совсем не обязательно все начнут требовать повышения оплаты труда и, как результат, вырастут процентные ставки.

В том числе и поэтому Оливье Бланшар, главный экономист МВФ, вышел с предложением повысить инфляционную цель до 4% с нынешних 2%.

Несколько бóльшая инфляция предоставляла бы поле для маневра в монетарной политике, а кроме того, можно было бы относительно безболезненно решить проблему чрезмерной задолженности. Но это тоже вопреки интересам финансового сектора и банков. Только вот если должника — особенно, когда им является демократическое государство — прижать слишком сильно, дело может закончиться катастрофой.

К тому же МВФ начал критически высказываться об экономике и политике США. Раньше это было невозможно представить.

— Так что будет с капитализмом?

— Мы имеем дело с началом нового мышления. Капитализм где-то заблудился. Реальная экономика стала придатком финансового сектора.

Движение капитала онлайн — это дьявольское изобретение. Потому что оно происходит виртуально, а реальная экономика ходит по земле. Хвост вертит собакой. Раздутый финансовый сектор дестабилизирует экономику, углубляет социальные диспропорции, высасывает таланты, так как способные люди, получив образование, идут работать в банк вместо лаборатории, фабрики или, скажем, предприятия по очистке города, потому что в финансовом секторе самые высокие заработки. Финансовый капитал входит также на рынок сырья, в том числе сельскохозяйственного, дестабилизируя его. Отсюда эти гигантские колебания на рынке нефти и прочего сырья, которые усиливают и без того уже огромную нестабильность мировой экономики.

Когда-то решили, что рынок нужно дерегулировать и позволили самим финансовым институтам, то есть банкам, делать это согласно их собственным предложениям, потому что они якобы лучше могли оценить риски. И что же? Мягко говоря, получилось не очень хорошо — риски они оценили не лучше, а хуже, а потери от краха переложили на государство, то есть на налогоплательщика.

В результате, социальное неравенство не только сохраняется, но и углубляется. Откуда берется неравенство? Частично из развития технологии. Однако Тома Пикетти доказывает, что расслоение — внутренняя логика капитализма. А вот Эдвард Прескотт не так уж в этом убежден. Хорошо, что дискуссия об этом продолжается.

Неравенство может стать двигателем развития, а может — его тормозом и дестабилизатором. Это касается особенно Европы, которой грозит стагнация. До сих пор следующим поколениям жилось здесь лучше, чем предыдущим. Сегодня они видят, что так уже не будет.

В глобальном масштабе межконтинентальное неравенство уменьшается, так как растут Китай, Индия, Индонезия, Бразилия или Африка. Но европейцы, особенно молодежь, ощущают это и платят за прогресс Китая.

— На крупных конференциях богатейших и могущественнейших тузов современного капитализма в Давосе или Лондоне доминирует панический тон. Нужно что-то сделать, ведь капитализм вырождается, отсеивает все больше людей. Говорится об «инклюзивном капитализме». Что из этого следует?

— Появляются первые ласточки перемен. Созревает осознание необходимости регулирования финансового сектора. Но раз однажды допустили дерегуляцию, то теперь трудно вернуться к регулированию. Ведь финансовый сектор исключительно силен и очень компетентен, а также

эффективен в самообороне, что парализует действия государства. А национальные интересы бывают противоречивыми.

Пока не видно шансов на введение всемирного, глобального налога Тобина. Этот налог был придуман в качестве лекарства от необоснованных валютных колебаний. Сегодня даже малюсенький налог ликвидировал бы валютные спекуляции. Почему бы его не ввести?

Ведь т.н. high-frequency trading тоже можно было бы ликвидировать одним движением. Но снова поднимется крик, что это покушение на банки.

— Такой налог в Чили назывался encaje. Он спас эту страну от кризиса 1998-2000 годов, когда из соседних стран, таких как Бразилия или Аргентина, в одну секунду испарились десятки миллиардов долларов капитала…

— Вот именно. Нужно добраться до фирм, которые не платят налоги. В последнее время этим занимается ОЭСР, которая хочет ограничить офшоры. Это защита капитализма, защита мелкого и среднего капитала, который честно платит налоги. Этот Mittelstand — малые и средние фирмы — социальный оплот здорового капитализма.

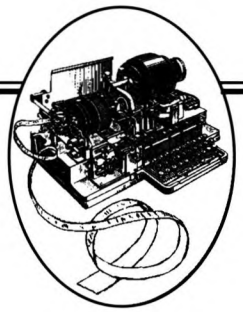
Интеллектуальный климат меняется. Теперь МВФ хвалит Мексику за попытки контролировать капитал. Все шире круг согласных с тем, что не нужно бороться с инфляцией любой ценой. Мы не хотим, чтобы капитализм рухнул, так как неизвестно, что могло бы прийти ему на смену. Примеры государственного устройства Китая и России в культурном плане нам чужды.

Не знаю, легко ли исправить капитализм, но знаю: хорошо, что серьезные люди понимают, что дела плохи. В этом смысле от кризиса есть какая-то польза.

Здоровый бизнес нуждается в предсказуемости. Правила могут быть жесткими, но неизменными. Например — у нас мало банкротств, потому что закон защищает кредиторов, но каждый хочет избежать банкротства, так как это означает жизненный крах. Так обстоит дело и во всей Европе, которая защищает священные права кредиторов. Но в США банкротств очень много, так как закон защищает потенциального банкрота перед кредиторами, если, конечно, банкрот не смошенничал, а страдает невинно в результате кризиса или плохой конъюнктуры и т.п. Активы фирмы защищены от кредиторов. И там человек после банкротства, если он был честен, получает второй шанс.

Да, капитализм, похоже, нужно защищать от него самого.

gazeta WYBORCZA.PL



Виктор Кулерский

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

» **Президент Анджей Дуда на экономическом форуме в Крынице: ЕС как сообщество суверенных национальных государств, два фундамента европейской безопасности — НАТО и Евросоюз, для перехода на евро необходимо провести референдум, несогласие с системой квотирования приема мигрантов.** ***(По материалам «Газеты выборчей» от 9 сент.)***

» «Президентский график на первые сто дней каденции Анджея Дуды обнародовал вчера министр Кшиштоф Щерский. (...) 23 августа — Эстония (...), 76-я годовщина пакта Молотова-Риббентропа (...). 28 августа — Германия (...). 15 сентября — Лондон (...), годовщина «Битвы за Англию». (...) 21-22 сентября — Эрфурт. Встреча глав государств стран Восточной Европы. 26-29 сентября — Нью-Йорк. Пленарная сессия ООН. (...) 8-9 октября — Венгрия. Саммит Вишеградской группы. 3-4 ноября — Румыния. В Бухаресте пройдет встреча руководителей стран «восточного фланга НАТО». (...) Ноябрь — Пекин. Саммит «Восточная Европа — Китай»». *(Павел Вронский, Агнешка Филипяк, «Газета выборча», 18 авг.)*

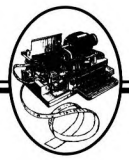
» **«Произнесенные президентом Анджеем Дудой в Таллине слова о государственном суверенитете, соблюдении норм международного права и несогласии с их нарушениями содержат протест относительно пропагандируемой Россией политики «сфер влияния». (...) Под этими словами подписалось бы большинство поляков, разделяющих рациональный подход к внешней политике», — Адам Даниэль Ротфельд, бывший министр иностранных дел.** ***(«Газета выборча», 24 авг.)***

» «Еще до визита Анджея Дуды в Таллин мы стали свидетелями беспрецедентного события. Российский суд в Пскове приговорил сотрудника эстонских спецслужб к 15 годам лишения свободы якобы за контрабанду оружия и незаконное пересечение границы. По версии официального Таллина, Эстон Кохвер был похищен сотрудниками ФСБ. (...) В этом контексте визит Дуды в Таллин носит далеко не символический характер». *(Збигнев Парафьянович, «Дзенник газета правна», 24 авг.)*

» **««В Берлине Анджей Дуда продемонстрировал дружественный облик польского консерватора. Я бы расценил его визит как своего рода декларацию о том, что он не будет вторым Лехом Качинским. Что будет лично заботиться о доброжелательных польско-немецких отношениях», — комментирует Кай-Олаф Ланг из берлинского Фонда науки и политики. (...) Президент Германии Йоахим Гаук (...) выразил недовольство слабым развитием гражданского общества в странах бывшего восточного блока, жители которых не хотят помогать беженцам. (...) Проблему беженцев Анджей Дуда также обсудил с немецким канцлером Ангелой Меркель».** ***(Бартош Т. Велинский, «Газета выборча», 29-30 авг.)***

» «19 августа, в день Преображения Господнего, на Святую Гору Грабарку приехал президент Анджей Дуда. (...) «Считаю, что президент, как высшее должностное лицо в стране, обязан с уважением относиться к тем местам и связанным с ними традициям, которые многое значат для Польши и ее граждан. А это место, безусловно, значит очень многое», — сказал президент Дуда. (...) Он также заявил, что одной из важнейших задач, стоящих перед президентом, является создание в обществе атмосферы единства, независимо от национальности и вероисповедания граждан, а также их отношения к вере и религии. (...) Президент подчеркнул, что идеалы братства и соборности органично нашли свое выражение в православной вере». *(Анна Радзинкевич, «Пшеглёнд православный», сент.)*

» **«Михал Плацинский: «Во время памятных мероприятий [по случаю годовщины начала Второй мировой войны] проходивших на Вестерплатте, президент Анджей Дуда и премьер-министр Эва Копач встали рядом, но не пожали друг другу руки. Как это выглядит с точки зрения государственного церемониа-**



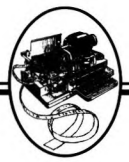
ла и этикета?». Януш Сидора, специалист по дипломатическому протоколу: «В политической практике такое поведение неприемлемо, тем более, что рукопожатие считается элементарным признаком хорошего тона. Даже заклятые враги, скажем, представители Ирана и Израиля, садясь за стол переговоров, пожимают друг другу руки. А на недавнем саммите «большой двадцатки» руководители стран, не одобряющих поведения России, поздоровались с Путиным, пусть даже потом российский президент сидел за столом один. (...) В ситуации же с Вестерплатте президент должен был подойти к госпоже премьер-министру, поскольку он является первым лицом в стране, а премьер, после маршалов Сейма и Сената, лишь четвертым»». *(«Жечпосполита», 2 сент.)*

» «Глубокоуважаемый господин президент! (...) Во время трехдневных торжеств по случаю 35-ой годовщины [подписания] «августовского соглашения» и рождения «Солидарности» Вы ни разу не упомянули имени Леха Валенсы. (...) Так себя не ведут, господин президент», — Ярослав Курский, первый заместитель главного редактора «Газеты выборчей», бывший пресс-секретарь лидера «Солидарности» Леха Валенсы. *(«Газета выборча», 2 сент.)*

» **«Решение президента Дуды направить в Сенат предложение о назначении референдума на день парламентских выборов, носит откровенно пристрастный характер. (...) Сначала референдум в качестве орудия текущей политической борьбы использовал Бронислав Коморовский при поддержке партии «Гражданская платформа»: назначив референдум на 6 сентября, он поставил партию «Право и Справедливость» в трудную ситуацию. Теперь «Гражданской платформе» предстоит расхлебывать ей же заваренную кашу. (...) Две главные политические партии, собравшие под свои знамена в общей сложности 60-70% политически активных поляков, решили сообща подпилить ветку, на которой сидят, фактически сузив полномочия парламента по принятию важных для общества решений. (...) Обе партии — и, что самое главное, Польша — заплатят за это весьма ощутимую и даже болезненную цену, постепенно делегитимизируя решения каждого очередного правительства и каждого очередного парламента», — Людвик Дорн, бывший министр внутренних дел, вице-премьер и маршал Сейма. *(«Газета выборча», 21 авг.)***

» «Все более широкие политические круги начинают теперь требовать проведения референдума по очередному очень важному вопросу. В результате политика превращается в балаган. (...) Не стоит забывать, что законотворчество требует специальных знаний, умения анализировать реалистичность (и последствия – В.К.) того или иного решения. Законодатель также должен обладать конкретными знаниями в тех областях, которые подлежат правовому регулированию. Подавляющее большинство граждан таким интеллектуальным багажом не располагает. Кроме того, парламент имеет возможность пользоваться услугами экспертов, а сам законопроект попадает к парламентариям, уже побывав в руках специалистов. Это совершенно другой уровень решения вопросов, но мы и так недовольны качеством наших законов», — проф. Анджей Цолль, бывший глава Госизбиркома, председатель Конституционного трибунала и уполномоченный по гражданским правам. *(«Польска», 24 авг.)*

» **«Первым был Бронислав Коморовский, который использовал референдум для того, чтобы во втором туре президентских выборов привлечь на свою сторону электорат Павла Кукиза. Хитрость не удалась. (...) Неосмотрительный шаг Коморовского открыл дорогу следующим инициаторам очередного референдума, решившим поставить на всенародное голосование вопрос о снижении пенсионного возраста, мотивируя тем самым голосовать за «Право и Справедливость» избирателей, не имеющих ни малейшего представления о демографических мегатрендах, как называют это явление социологи и экономисты. (...) Независимо от того, кто выиграет октябрьские выборы, я уже сейчас предлагаю выдвинуть на следующий референдум ряд вопросов, волнующих общественность, и только жду, когда [под гражданской инициативой о проведении референдума] наберется шесть миллионов подписей. Вопрос, в частности, такой: поддерживаете ли вы перенос Вавельского замка в Торунь? А еще лучше: поддерживаете ли вы выход Польши из солнечной системы? «Да» или «нет»?», — Яцек Рамотовский. *(«Дзенник газета правна», 27 авг.)***



» «Президент Анджей Дуда отреагировал на просьбу маршала Сената Богдана Борусевича, поинтересовавшегося, каковы будут последствия предложенного референдума. (...) На пресс-конференции Борусевич сообщил (...): «Я спросил о последствиях, поскольку вопрос о снижении пенсионного возраста показался мне слишком общим. На это я услышал, что ответить на мой вопрос не представляется возможным в связи с его общим характером»». *(«Газета выборча», 29-30 авг.)*

» **«Предложенного Анджеем Дудой референдума не будет. Большинством голосов (53 к 35) Сенат отклонил инициативу президента». «Президентский проект референдума содержал три вопроса. Хотят ли поляки, чтобы «пенсионный возраст был снижен, а право на пенсию зависело от трудового стажа», поддерживают ли они «сохранение в прежнем виде и режиме лесного холдинга «Государственные леса», а также хотят ли они, чтобы «предусмотренный законом обязательный школьный возраст был повышен с шести до семи лет». (...) Все эти вопросы взяты из предвыборной программы «Права и Справедливости»». *(Павел Вронский, «Газета выборча», 5-6 сент.)***

» Референдум, проведенный 6 сентября и организованный еще президентом Бронславом Коморовским, провалился из-за низкой явки. В голосовании приняло участие всего 2 млн 384 тыс. человек, что составляет 7,8% от общего количества избирателей. За создание одномандатных избирательных округов на выборах в Сейм высказались 78,75% проголосовавших, за то, чтобы политические партии по-прежнему финансировались бы из госбюджета, отдали свои голоса 17,37% избирателей (и почти 83% выступили против), а введение правила, при котором сомнения относительно применения норм налогового права трактуются в пользу налогоплательщика, поддержали 94,51% участников референдума. Стоимость референдума составила 84 млн злотых. *(По материалам «Жечипосполитой» от 8 сент.)*

» **«Будущий президент летал самолетом в Познань, всякий раз оставаясь там на ночь, когда проводил занятия со студентами Высшей школы педагогики и управления в Новом-Томысле, городке, расположенном в 60 км от столицы Великопольского воеводства. За авиаперелеты и ночлег в гостинице платил Сейм, в 2012-2014 гг. потративший на эти цели 11 тыс. злотых. (...) Нынешний президент был тогда депутатом от партии «Право и Справедливость», избравшимся в парламент через краковский избирательный округ, и собственным офисом в Западной Польше не располагал. (...) Будучи депутатом Сейма, Дуда проводил в Новом-Томысле лекции и семинары с несколькими группами студентов, заработав на этом более 280 тыс. злотых. (...) «Депутат имеет право на бесплатные авиаперелеты внутри страны, но исключительно в рамках реализации своих депутатских полномочий», — комментирует проф. Марек Хмай, специалист по конституционному праву. *(Михал Кшимовский, Войцех Цесля, «Ньюсуик Польска», 24-30 авг.)***

» «Президент Дуда отреагировал на ситуацию только через три дня. (...) В интервью телеканалу «TVP Info» он заявил: «Это поклеп и очередная инсинуация. В Познани я не читал лекций, а выполнял свои депутатские обязанности. (...) Я вел депутатскую работу, а не семинарские занятия». (...) Уже после нашей публикации в интернете появилось расписание занятий за 2014 г., из которого следует, что Анджей Дуда, тем не менее, вел занятия в Познани. (...) Возможно, истинное положение вещей установит прокуратура, которая сейчас занимается этим вопросом». *(Михал Кшимовский, Войцех Цесля, «Ньюсуик Польска», 31 авг. – 6 сент.)*

» **«Даже за преступления, совершенные до вступления в должность, президент отвечает только перед Государственным трибуналом. А для этого необходимо согласие двух третей всех членов Национального собрания [Сейма и Сената]. (...) Ситуацию могли бы исправить соответствующие изменения в законодательстве, которые ограничили бы возможности для злоупотреблений со стороны депутатов и усилили бы контроль за народными избранниками. Но даже самые прогрессивные поправки к законам не смогут изменить менталитет». *(Петр Житницкий, «Газета выборча», 28 авг.)***

» «Когда я сегодня смотрю на проблемы Анджея Дуды, который, получая депутатскую зарплату и жалованье университетского преподавателя, умудрялся еще и использовать для личных целей

бюджет Сейма, то думаю, что для 90% деятелей [бывшей] «Солидарности» всё это просто непостижимо. А вот для нового поколения политиков такие истории — в порядке вещей. Набедокурить в испанском отеле, залезть в бюджет Сейма, покупать сигары и вино на бюджетные дотации для партий — новая политическая элита проворачивает такие дела без малейших осложнений. Очень хорошо, что пресса ловит подобных политиков за руку, однако эти люди, к сожалению, продолжают пользоваться поддержкой избирателей». *(Збигнев Буяк, «Польска», 28-30 авг.)*

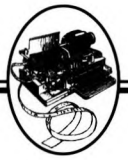
» **««Ньюсуику» удалось выяснить, на каких условиях руководитель профсоюза «Солидарность» Петр Дуда (совпадение фамилий — случайность) отдыхает (...) в Колобжеге в роскошном номере «люкс» пансионата «Балтика», ночь в котором стоит почти 1 300 злотых. Как утверждают сотрудники пансионата, Дуда либо пользуется этими апартаментами бесплатно, либо они обходятся ему в стоимость служебного ночлега, составляющую 85 злотых. Профсоюзный лидер не платит за изысканные блюда и алкоголь, которые ему доставляют прямо в номер. Он также не платит за различные омолаживающие процедуры. По сведениям, полученным от персонала «Балтики», всякий раз, когда Дуда возвращается домой, сотрудники пансионата кладут ему в багажник несколько килограммов свежей рыбы, которая также достается ему бесплатно. Нам удалось пообщаться с десятком свидетелей. (...) Наши собеседники — сотрудники профсоюза, рабочие, водители, официанты, обслуживающий персонал, повара пансионата — подтвердили имеющуюся у нас информацию. (...) Мы располагаем также письменными заявлениями, в которых наши свидетели выражают готовность в случае необходимости повторить в суде то, о чем нам рассказывали. (...) Пансионатом «Балтика» управляет компания «Деком», принадлежащая независимому профсоюзу «Солидарность»». *(Михал Кшимовский, Войцех Цесля, «Ньюсуик Польска», 7-13 сент.)***

» «Предложение президента Анджея Дуды по изменению формата переговоров относительно ситуации на Украине с тем, чтобы подключить к этим переговорам, наряду с Германией, Францией и Украиной, еще и Польшу, удивило не только правительственные круги Берлина, Парижа и Киева, но и официальную Варшаву. Президент Украины Петр Порошенко заявил, что не видит необходимости в изменении уже сложившегося формата переговоров». *(Ян Видацкий, «Пшеглёнд», 31 авг. — 6 сент.)*

» **«Польша всячески соблазняла украинцев перспективами интеграции с ЕС и НАТО, позиционируя себя в качестве «адвоката» Украины в Европе, «посредника» между Брюсселем, Вашингтоном и Москвой. Но когда Путин вторгся в Крым и на Донбасс, (...) наша страна внезапно вышла из игры. Мы не оказали украинцам серьезной финансовой поддержки, не поставили им оружие, не ввели дополнительных санкций против России. (...) Поэтому, когда само существование Украины оказалось под угрозой, Порошенко пришлось вести переговоры с Германией, способной остановить очередные агрессивные поползновения Кремля. (...) На контакты же с Польшей у Порошенко просто нет времени, причем до такой степени, что в течение первых ста дней президентского срока Анджея Дуды лидер Украины не нашел в своем графике даже двух часов, чтобы принять в Киеве польского президента». *(Енджей Белецкий, «Жечпосполита», 26 авг.)***

» «На протяжении последних двух лет оказываемая Польшей помощь Украине увеличилась в три раза, достигнув 29 млн злотых в год — и это только по линии Министерства иностранных дел. (...) С 2005 г. наша помощь Украине составила в общей сложности 90 из 250 млн евро, израсходованных нами на поддержку всех стран Восточного партнерства. (...) Во время своего январского визита в Киев премьер-министр Эва Копач заявила, что Польша предоставит Украине правительственный кредит в размере 100 млн евро на развитие и поддержку реформ. (...) Значительная его часть пойдет на модернизацию и расширение приграничной инфраструктуры Украины, при этом исполнение целого ряда заказов возьмут на себя польские фирмы», — Конрад Павлик, заместитель министра иностранных дел. *(«Газета выборча», 20 авг.)*

» **«Согласно аналитическим данным австрийского института экономических исследований WIFO, по количеству потерянных рабочих мест Польша среди жертв российско-украинского конфликта занимает второе мес-**



то после Германии. (...) Сельхозпроизводители требуют от Брюсселя вмешаться в ситуацию на рынке молока, свинины, фруктов, чтобы компенсировать потери, оказавшиеся следствием российского эмбарго на европейские продукты питания. (...) Среди россиян снизился интерес к поездкам в Европу. И Польша — одна из тех стран, на которых это явление негативно отразилось сильнее всего». ***(Анна Слоевская, «Жечпосполита», 28 авг.)***

» «В первом полугодии 2015 г. сотрудники пограничной службы задержали 2 865 иностранцев (из не входящих в ЕС государств), попавших в Польшу нелегально. Это почти на тысячу человек больше, чем за тот же период прошлого года, когда таких задержанных оказалось 1 961. В свою очередь, за весь прошлый год этих лиц было около 4,3 тыс. (на 800 человек больше, чем в 2013 году). (...) Впрочем, немногие иностранцы хотели бы остаться в Польше насовсем. В 2014 г. ходатайства о предоставлении статуса беженца подали 3,2 тыс. человек, из которых свыше тысячи заявителей составляют граждане Украины. В текущем году (до июля) таких ходатайств было уже 4,9 тыс., в том числе 1,5 тыс. от украинцев». ***(Гражина Завадка, «Жечпосполита», 19 авг.)***

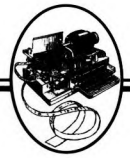
» **«В среднем на содержание иностранца, ходатайствующего о предоставлении ему статуса беженца, тратится около 16 тыс. злотых в год. (...) В настоящее время решения о признании их беженцами в Польше ожидают 3 911 человек, из них 1 091 человек проживает в специальных центрах для беженцев. (...) «Польша обеспечивает человеку, ждущему решения, удовлетворение самых основных потребностей, потом еще год как-то его опекает», — говорит Малика Абдулвахабова, 19-летняя чеченка, живущая в Польше. (...) Даже если министерство внутренних дел и управление по делам иностранцев и располагают какими-то планами на случай приема Польшей 30 тыс. беженцев, по-прежнему непонятно, что делать с ними потом».** ***(Сильвия Чубковская, «Дзенник газета правна», 7 сент.)***

» «В субботу премьер-министр Эва Копач подчеркнула, что мы готовы принять группу из 2 тыс. беженцев, уже согласованную с Европейской комиссией. Но готовы ли мы принять еще 8 тыс. человек, а то и более? (...) Директор управления по делам беженцев Рафал Рогаля заявил в пятницу, что у нас есть кризисный сценарий, предусматривающий прием пяти, десяти и даже тридцати тысяч беженцев. (...) Что касается первой группы беженцев из 2 тыс. человек, то ЕС вернет Польше по 10 тыс. евро за каждого принятого ей человека с Ближнего Востока и по 6 тыс. евро за каждого человека из лагерей для беженцев, (...) находящихся в Греции и Италии. (...) Если мы примем группу из 10 тыс. беженцев мы можем получить 240-400 млн злотых, что превышает ту сумму, которую мы сейчас тратим на опеку над беженцами». *(Анна Цесляк-Врублевская, «Жечпосполита», 7 сент.)*

» **«Брюссель предлагает странам ЕС принять 180 тыс. беженцев. На долю Польши в таком случае придется почти 13 тыс. человек (не считая предыдущих договоренностей), главным образом из Сирии, Ирака и Эритреи. Для этих трех стран Европейская комиссия готова запустить чрезвычайный механизм квот (количество таких квот пропорционально численности населения той или иной европейской страны, величине ВВП, уровню безработицы и количеству беженцев, которые были приняты этой страной ранее). (...) Польша сопротивляется такому квотированию. (...) За 35 млн злотых наша страна на год может быть освобождена от обязанности принимать беженцев».** ***(Анна Слоевская, «Жечпосполита», 10 сент.)***

» «Мы не должны принимать мусульман, поскольку среди них есть экстремисты, которые со временем станут серьезной угрозой безопасности поляков», — Збигнев Зёбро, лидер «Солидарной Польши». *(«Газета выборча», 10 сент.)*

» **«Большинство так называемых политиков — это люди, у которых нет ни собственных взглядов, ни характера, боящиеся собственной тени и только вынюхивающие, где бы еще урвать хоть какой-нибудь процент поддержки. Чувствуя, что общество беженцам не радо, они ведут нечестную игру, обвиняя соперников в слишком легкомысленном отношении к мусульманской угрозе, нависшей над целомудренной христианской Польшей. И это одна из самых больших мерзостей, которые можно было наблюдать в нашей стране в последние десятилетия», — Влодзимеж Цимошевич, бывший премьер-министр, министр иностранных дел и маршал Сейма, в настоящее время сенатор.** ***(«Польска», 7 сент.)***



» ««Я был странником, и вы приняли меня», — повторяют слова Евангелия польские епископы. (...) Папа Римский Франциск также напоминает о христианском милосердии по отношению к беженцам. (...) Неужели мы забыли, что сами были нацией беженцев, к которым целые столетия проявляли милосердие другие народы? Неужели мы живем в нищете? «Я был странником, и вы приняли меня». Теперь эти люди — странники...». *(Богуслав Хработа, «Жечпосполита», 7 сент.)*

» **«Каждый четвертый респондент считает, что Польша не должна принимать беженцев. 37% участников опроса, напротив, не возражают против такой перспективы, но при условии, если ООН или ЕС выделят деньги на содержание этих людей. 10% готовы принять только христиан. И лишь 16% опрошенных не стали выдвигать никаких условий. Что делать в случае массового наплыва беженцев? Почти треть поляков считает, что нужно просто закрыть границы, в том числе границы ЕС. 18% выступают за создание лагерей для беженцев за пределами Евросоюза. За то, чтобы принять мигрантов, высказываются 30% опрошенных (опрос института «Homo Homini», 4-5 сент.). На вопрос, готовы ли вы пустить беженцев к себе домой, большинство опрошенных (61%) твердо ответили «нет»».** ***(Томаш Кшижак, «Жечпосполита», 7 сент.)***

» «Разве мы забыли, что 20 млн человек польского происхождения живут за пределами Польши, эмигрировав по политическим мотивам, ради заработка либо в связи с многократными изменениями границ и принудительными переселениями, столь частыми в непростой, а иногда и весьма драматической польской истории?» — Жан-Клод Юнкер, председатель Европейской комиссии. *(«Дзенник газета правна», 10 сент.)*

» **««Записи и комментарии на странице телеканала «TVN24» в Фейсбуке будут проанализированы нами с точки зрения уголовного права», — пообещал Рышард Рогатко, глава окружной прокуратуры Варшавы. (...) Вот лишь некоторые комментарии расистского характера: «Можно снова открыть «Освенцим», теперь для иммигрантов, и подвести к нему газопровод»; «Пусть и крематории восстановят». Мы поинтересовались, кто эти пользователи. Это обычные поляки, счастливые родители, успешные профессионалы. К примеру, Куба, который предлагает «подвести газопровод», живет в Великобритании, работает фотографом, снимающим автомобили. (...) Роберт — болельщик силезского футбольного клуба, задается вопросом: «Интересно, найдутся ли в ЕС умные люди, которые прикажут стрелять в этих иммигрантов из Северной Африки и не только». (...) Михал (...) недавно продал свой «ситроен». На профиле в Фейсбуке он пишет: «Ждем приезда иммигрантов. Как человек образованный, планирую заняться реставрацией газовых камер...»».** ***(Бартош Т. Велинский, Мариуш Ярошевский, «Газета выборча», 7 сент.)***

» «Национально-радикальному лагерю запретили проводить в Варшаве манифестацию против приема Польшей иммигрантов». *(«Дзенник газета правна», 10 сент.)*

» ***«Воевода отменил решение мэрии». («Газета выборча», 11 сент.)***

» «Принять участие в манифестации Национально-радикального лагеря пообещали 44 тыс. человек». *(«Газета выборча», 10 сент.)*

» **«В 2015 году Польша отмечает 76-ю годовщину начала Второй мировой войны. (...) В те страшные годы миллионы поляков бежали из Польши в другие европейские страны, США или Канаду. (...) Во время Первой мировой войны как минимум 200 тыс. жителей Галиции бежали в Австрию. (...) В годы коммунистической Польши, особенно в период военного положения в 1981-83 гг. и позднее, страну покинули свыше 30 тыс. человек, выехав в качестве беженцев в другие европейские (и не только — В.К.) страны. (...) Что случилось с Польшей в последние годы? Создается впечатление, что Польша потеряла не только движение «Солидарность» (...), но и – что гораздо страшнее – совесть», — проф. Нестор Капуста, Венский музыкальный университет. Перевел Анджей Эрлих.** ***(«Газета выборча», 7 сент.)***

» «В минувшем учебном году в Люблине обучались 4 395 иностранцев. Это на 1,3 тыс. человек больше, чем годом ранее. Больше всего среди них украинцев — 2,8 тысяч. Много студентов из Тайваня (327), США (181), Беларуси (180) и Норвегии (146). (...) В 2014-15 учебном году иностранцев в наших ВУЗах было в общей сложности 46 101 — это значит, что за год их количество выросло на 28%. (...) Украинцы состав-

ляют половину приезжающих к нам студентов. (...) Большинство зарубежных студентов — 62% — выбирают общественные науки, 10% — гуманитарные. (...) Технические специальности интересуют лишь 12% приезжих, медицина — 9%. (...) Подавляющая часть тех, кто приезжает в Польшу учиться, выбирает направления, специалистов по которым у нас и так более чем достаточно», — говорит Артур Раган, представитель агентства по трудоустройству «Work Express»». *(Сильвия Чубковская, Анна Виттенберг, «Дзенник газета правна», 27 авг.)*

» **««В ближайшее время мы рассмотрим вопрос о заключении с официальным Минском соглашения по размещению в Беларуси российских военно-воздушных баз», — заявил в среду премьер-министр России Дмитрий Медведев. (...) «Наблюдается эскалация милитаристской активности в Центральной Европе в непосредственной близости от польских границ, — считает генерал Богуслав Пасек, советник министра национальной обороны. — Москва ведет военно-политическую игру, прекрасно зная, что никакой угрозы для России и других стран Польша не представляет. Это Россия перешла к политике устрашения, а никак не НАТО»». *(Руслан Шошин, «Жечпосполита», 4 сент.)***

» «Россияне по собственной инициативе собрали деньги на издание книги «Убиты в Катыни». Она выйдет к 76-ой годовщине агрессии СССР против Польши и станет напоминанием о жертвах сталинского преступления, которое Кремль очень хочет предать забвению». «В уже готовой к печати книге собрана вся доступная на сегодняшний день информация о каждом из 4 415 поляков, убитых в Катыни. (...) По словам Александра Гурьянова, куратора польской комиссии общества «Мемориал», занимающейся судьбами поляков, ставших жертвами большевистского режима, «публикация этой книги станет своеобразным ответом на занятую российской военной прокуратурой позицию по делу о трагедии 1940 года»». *(Вацлав Радзивинович, «Газета выборча», 17 авг.)*

» **На Брудновском кладбище в Варшаве «ученые вскрыли пласт земли возле кладбищенской стены. (...) Были обнаружены останки шести взрослых людей и одного ребенка. (...) Причиной смерти троих из них стал так называемый «катынский выстрел» в затылок. Кроме останков, ученые нашли также послание, вырезанное на зубной щетке (...): «Казимире Адамкевич, Демблин, ул. Липова, 35. Адрес отправителя: камера смерти. «Заря», АК, Орлик. Кенска Зигмунт». Там же была указана дата: 8 марта 1946 года. Поручик Зигмунт Кенска (...) участвовал в сентябрьской кампании 1939 года. В начале 1940 года вступил в Союз вооруженной борьбы, а затем в Армию Крайову. До июля 1944 сражался в партизанском отряде майора Мариана Бернацяка по прозвищу Орлик. После войны продолжал борьбу в рядах восстановленного отряда под командованием Орлика». *(Марек Козубаль, «Жечпосполита», 7 авг.)***

» «В 2015 г. военные расходы нашей страны составят (...) более 38 млрд злотых. Это самый большой оборонный бюджет в истории Польши. (...) Расходы нашей страны на вооружение выросли в течение двух лет на 13%, а за последнюю декаду – на 38%. (...) Располагая личным составом в количестве 100 тыс. военных, польская армия по своей численности находится на седьмом месте среди армий НАТО в Европе. (...) Некоторые подразделения наших вооруженных сил принадлежат к самым современным в Европе. Речь идет, в том числе, о войсках специального назначения, насчитывающих 3 тыс. военных. Программа модернизации армии на 2014-22 гг. предусматривает инвестирование на соответствующие цели в размере 130 млрд злотых. (...) Скорее всего, правящие круги и общественность Польши не согласились бы на такое масштабное усовершенствование армии, если бы не политика Владимира Путина». *(Павел Вронский, «Газета выборча», 1 сент.)*

» **«Военные расходы на основные программы модернизации армии в 2014-22 гг.: система противовоздушной обороны — 26,5 млрд зл., приобретение новых боевых кораблей и военно-морского вооружения — 13,3 млрд зл., многоцелевые вертолеты —11,8 млрд зл., модернизация бронетанковых и механизированных войск — 9,6 млрд зл., колесные бронетранспортеры — 7,6 млрд зл., модернизация ракетных войск и артиллерии — 7 млрд зл., интегрированные системы поддержки, командования и отображения поля боя — 5,2 млрд зл., боевые вертолеты — 4 млрд зл., индивидуальное снаряжение и вооружение солдата в**

рамках программы «Титан» — 3,1 млрд злотых. Источник — министерство национальной обороны». *(«Впрост», 31 авг. — 6 сент.)*

» «Пока что наш Дом ветерана боевых действий за пределами отечества выполняет функции современного реабилитационного центра для раненых военных. (...) Но придет время, и здесь будут жить постоянные пансионеры. Ветераны состарятся, их семьи не смогут уделять им постоянное внимание. (...) Еще несколько лет назад военные не желали идентифицировать себя с понятием «ветеран», а сегодня они гордятся полученными ранами, которые раньше им приходилось скрывать от родных. Они выступают по телевидению, открыто рассказывают о своих проблемах. (...) В военных миссиях за пределами страны принимало участие около 110 тыс. человек. 12 700 из них — это ветераны с соответствующими удостоверениями, пользующиеся правами, предоставленными им специально принятым в Сейме законом. Пострадавших у нас около 700, из них статус пострадавшего ветерана получили 572 человека», — подполковник Лешек Стемпень, директор Центра ветерана боевых действий за пределами отечества, сапер, который потерял в Афганистане ногу, подорвавшись на мине. *(«Газета выборча», 3 сент.)*

» **«Генерал Дариуш Лючак заявил, что Агентство внутренней безопасности обнаружило в Подлясье так наз. ячейку логистической поддержки Исламского государства. (...) «Мы раскрыли базу джихадистов, — комментирует генерал. — Это группа людей, которая добывала деньги, готовила места отдыха и лечения. Нам известны случаи лечения раненых боевиков в частных польских больницах. (....) В середине мая по обвинению в организации логистической поддержки для террористов было задержано несколько человек. Эти люди находятся под стражей»». *(Анджей Станкевич, «Жечпосполита», 4 сент.)***

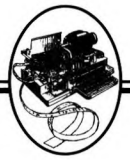
» «Поляки, сражавшиеся в Китае против японских войск — генерал Витольд Урбанович, пилот Американской добровольческой группы, (...) и доктор Станислав Флята, руководитель Международной миссии «Врачи – Китаю» (...) — вписали важные страницы в историю нашей дружбы. Как посол Китайской народной республики в Польше, я благодарю Вас за Вашу помощь и поддержку. (...) Китай и Польша являются стратегическими партнерами. (...) Вместе с Польшей мы готовы сообща работать во имя расширения реального сотрудничества», — Ху Йян, посол КНР в Польше. *(«Жечпосполита», 2 сент.)*

» **«Похоже на то, что демократия, как мы ее знаем, перестала быть политической системой, которую свободный рынок предпочитает всем остальным. (...) Скорость принятия решений, которую может предложить демократически избранное правительство, значительно менее привлекательна для капитала, нежели оперативность диктатора. (...) Недемократическая модель по многим параметрам оказывается более выгодной для капитала», — Эльжбета Мончинская, председатель Польского экономического общества. *(«Газета выборча», 6-7 июня)***

» «Никогда еще человечество не было таким многочисленным, никогда еще не появлялось на свет столько людей, для которых просто не было бы места — и речь не только о рабочих местах, но и о месте в будущем. (...) И направленный против такой ситуации бунт может оказаться совершенно чудовищным. (..) Эти молодые племена стихийно творят что-то вроде нового порядка, очертания которого нам совершенно не знакомы. Важную роль здесь играют новые технологии, которые, скорее, на их стороне, чем на нашей. И этот новый порядок может быть ужасен. Как и многим старикам, мне остается только радоваться, что я до всего этого не доживу», — проф. Збигнев Миколейко *(«Польска», 17 авг.)*

» **«Количество желающих посетить музей в Освенциме так велико, что в длинных «хвостах», выстроившихся в кассы, стоят трамидаторы — профессиональные «стояльцы» в очередях. Эти люди предлагают свои услуги тем, кто не хочет маяться у входа несколько часов». «В прошлом году музей посетили более полутора миллиона человек. За первое полугодие этого года наши кассы продали свыше миллиона билетов. (...) В разгар сезона музей в Освенциме ежедневно посещают 8 тыс. человек». *(Габриэля Кухарская, «Газета выборча», 26 авг.)***

» «Засуха продолжается. (...) И хотя уже не один министр сельского хозяйства обещал построить специальные водохранилища, этого так и не было сделано. (...) Водный баланс Польши сегодня считается одним из самых худших в



Европе — мы находимся на втором или третьем месте с конца, где-то на уровне Египта. (...) И если нынешняя осень окажется не слишком дождливой, (...) а зима будет бесснежной, уровень грунтовых вод понизится еще больше. Это станет катастрофой». *(Кристина Нашковская, «Газета выборча», 27 авг.)*

» **««По прогнозам министерства сельского хозяйства, в середине недели убытки должны были составить 550 млн злотых, но выяснилось, что это еще не конец. (...) Стоимость убытков, понесенных сельскохозяйственной отраслью, мы узнаем лишь в середине сентября. Это будет примерно 2-3 млн злотых», — считает Владислав Серафин, председатель Национального союза сельхозпроизводителей, крестьянских артелей и ассоциаций. (...) Засуха может нанести урон промышленности, особенно энергетике. Польские электростанции чаще всего берут воду для охлаждения энергетических блоков из рек и озер». *(Анна Цесляк-Врублевская, «Жечпосполита», 24 авг.)***

» «Парки, скверы и даже газоны освежают воздух и насыщают его кислородом. В то же время столичная политика «ухода» за городскими зелеными насаждениями привела к вырубке 150 тыс. деревьев за последние шесть лет. Все газоны даже в сильную жару скашиваются почти под корень, превращаясь в безжизненную зону, вместо того, чтобы день за днем вырабатывать кислород. Если хотя бы небольшую часть суммы, которая тратится на срезание травы, направить на ее полив, насколько бы сократились выезды машин «скорой помощи» и сутолока в больницах в жаркие летние дни». *(Аркадиуш Шафранец, «Пшегленд», 31 авг. — 6 сент.)*

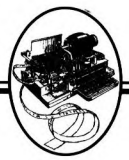
» **«В результате изменений, внесенных в природоохранное законодательство, снижены санкции за самовольную вырубку деревьев». *(Уршула Мировская-Лоскот, Михалина Тополевская, «Дзенник газета правна», 15 июня)***

» По распоряжению руководства Бещадского национального парка построены ступеньки, ведущие на самую высокую гору Бещад — Тарницу. Подобные ступеньки будут вести почти на каждую вершину, расположенную в границах парка. *(по материалам «Газеты выборчей» от 29-30 авг.)*

» **«Согласно отчету Высшей контрольной палаты о финансовой ситуации в лесном холдинге «Государственные леса», эта фирма тратит деньги в основном на повышение зарплаты своих сотрудников, дороги, мосты и офисы (зачастую роскошные). Средства на сохранение и защиту лесов и лесных экосистем, а также на содержание ресурсов и угодий, составляют всего 13% всех расходов, бьет тревогу «Газета выборча»». *(«Тыгодник повшехный», 30 авг.)***

» «Решающая беседа между премьер-министром Дональдом Туском и Павлом Войтуником перед тем, как последний согласился возглавить Центральное антикоррупционное бюро (ЦБА), должна была выглядеть примерно так. «Ну, так как?», — спрашивает в решающий момент Туск. «Должен вас предупредить, что на этой должности для меня не будет никаких «священных коров». И что может наступить такой день, когда я не отвечу на ваш телефонный звонок», — замечает Войтуник. «Именно об этом я и толкую», — говорит Туск. «Тогда я согласен», — отвечает Войтуник. (...) Всё больше обстоятельств указывает на то, что Войтуник не бросал слов на ветер. Тот факт, что в поле зрения ЦБА попал такой влиятельный деятель «Гражданской платформы», как глава Высшей контрольной палаты Кшиштоф Квятковский, служит этому отличным доказательством. Однако это не единственное громкое дело с участием ведущих политиков, которым в последнее время занимается ЦБА. Возглавляемая Войтуником структура за последние несколько лет стала самым настоящим бичом политиков, злоупотребляющих своими полномочиями». *(Витольд Гловацкий, «Польска», 4-6 сент.)*

» **«Депутатами была принята иная версия поправок [к закону], нежели та, которую представили на подпись президенту. Вдобавок в ходе законотворческих процедур была нарушена конституция. (...) Президент получил (...) версию, содержащую поправки, отвергнутые в ходе голосования в Сейме. (...) «В зале заседаний Сейма царит бардак, так что некоторые депутаты даже не слышат докладчика», — утверждает депутат Роберт Кропивницкий. (...) «Это совершенно беспрецедентная ситуация, никогда не сталкивался с чем-то подобным», — признается профессор Марек Хмай, специалист по конституционному праву. В 2014 г. в силу вступило 1 995 новых нормативно-правовых актов, занимающих в общей сложности 25,6 тыс. машинописных страниц». *(«Дзенник газета правна», 14-16 авг.)***



» Поддержка партий: коалиция «Право и Справедливость» / «Польша вместе» / «Солидарная Польша» — 38%, «Гражданская платформа» — 23%, Коалиция левых сил — 8%, движение Павла Кукиза — 6%, крестьянская партия ПСЛ — 5%, «СовременнаяPL» — 5%, КОРВиН («Коалиция обновления Республики – Вольность и Надежда») — 3%, не определились с симпатиями — 9%. Опрос института «Homo Homini», 4-5 сентября. *(«Жечпосполита», 10 сент.)*

» **«Как социолог, готов поспорить, что за весьма солидной порцией ненависти и морального осуждения, доставшейся правящей партии, а также за апофеозом «Права и Справедливости» стоит католическая Церковь: значительная часть духовенства и католические масс-медиа во главе с политическим лидером польской Церкви — о. Тадеушем Рыдзыком. Расхожие фразы вроде «Польша в упадке» и «Нет уж больше польской Польши» стали на удивление часто встречаться в высказываниях разных пошляков, которые при этом напрямую ссылаются на авторитет священников, причем не только на содержание их проповедей, но и на многочисленные повседневные реплики духовенства по поводу и без», — проф. Иренеуш Кшеминский.** ***(«Газета выборча», 3 сент.)***

» «Поляки очень динамично развиваются в материальном смысле, но при этом топчутся на месте в смысле духовном. Они застряли в мертвой точке национальной рефлексии. (...) Мы стали себе врагами. Мы вредим сами себе. Наш патриотизм совершенно антигосударственный», — Ян Клята, режиссер, директор Старого театра в Кракове. *(«Ньюсуик Польска», 24-30 авг.)*

» **«У девушки, которая работала в этой пиццерии еще год назад, теперь новая татуировка на шее. Не уверен, что это прогресс, но, во всяком случае, некая перемена. Удивительно, до чего сейчас популярны в Польше все эти кольца и тату, бросающиеся в глаза на наших пляжах. (...) Любопытно, совпадают ли политические симпатии татуированных и украшенных пирсингом людей?», — Томаш Яструн.** ***(«Пшеглёнд», 17-23 авг.)***

» «Молодой предприниматель Яцек Яницкий рассчитывает на то, что мода на поедание насекомых придет и в Польшу. (...) «Я остановился на сверчках. (...) Взрослых сверчков я кладу в морозильник (...). Затем их запекаю и мелю в мелкую муку. И только потом добавляю к своим продуктам», — объясняет Яницкий. (...) Высшим шиком считаются батончики из сверчков, которые на вкус напоминают зерновые вафли». *(Михал Фронк, «Газета выборча», 17 авг.)*

» **«По мнению Анджея Крушевича, директора варшавского зоопарка, ветеринара и орнитолога, Варшава — самая близкая к природе из всех европейских столиц. «Я не знаю другой столицы в Европе, где бы вили гнезда орланы. Случалось, что таких птиц у нас зимовало не меньше восьми», — говорит Крушевич. Здесь можно увидеть черных аистов, отдыхающих на песчаных перекатах Вислы. Есть также лоси, олени, косули, а кабаны — это уж просто чума. (...) В столице появилось также очень много лис, которые подъедают корм, предназначаемый городскими службами для бездомных кошек. Самое главное, что им есть где спрятаться, поскольку правый берег Вислы практически дикий. Это привлекает из окрестных лесов более крупную живность, птиц, а также бобров, барсуков и выдр. В городе куда больше зеленых территорий, чем в других столицах».** ***(Анна Гвоздовская, «Впрост», 24-30 авг.)***

КАК СДЕЛАТЬ, ЧТОБЫ БЫЛО БОЛЬШЕ ДЕТЕЙ

С Иреной Вуйцицкой беседует Павел Вронский

Семейная политика — не волшебная палочка, по мановению которой через девять месяцев родится больше детей.

— Верховная контрольная палата опубликовала — как это было названо в СМИ — «разгромный доклад», в котором утверждается, что в Польше отсутствует эффективная политика социальной защиты семьи, т.е. просемейная политика. Ведь показатель рождаемости по-прежнему гораздо ниже, чем показатель смертности. Почему рождается так мало детей?

— Я позволю себе использовать определение «семейная политика», которая является элементом социальной политики. У меня складывается впечатление, что используя слова «просемейная политика», мы как бы предполагаем, что до сих пор в Польше проводилась антисемейная политика.

Что же касается вопроса о количестве рождений в 2015 году — этого я не знаю. Так же, как я не знаю, почему в прошлом году детей родилось несколько больше. Семейная политика — не волшебная палочка, по мановению которой через девять месяцев родится больше детей. Результаты ее можно оценить лишь в более далекой перспективе. Рассуждая о семейной политике, мы затрагиваем достаточно сложную материю. Она касается весьма личного, более того, интимного решения, почему женщина и мужчина хотят или почему они не хотят иметь ребенка. Тут в игру вступают экономические, социальные, культурные обусловленности. Например, некоторые исследования показывают, что растет количество польских женщин, которые не имеют детей, поскольку не могут встретить партнера, с которым этого ребенка они хотели бы завести. Как же в подобной ситуации склонить женщину к рождению ребенка? У вас есть какая-нибудь идея?

— По телевидению показывали передачу, где говорилось о том, что фермер ищет жену.

— Но существует также проблема работающих женщин, особенно с высшим образованием. Исследования показывают, что одним из факторов, ввиду которого женщина не решается завести ребенка, является просто отсутствие соответствующего кандидата, который смог бы стать отцом этого ребенка.

— Еще недавно считалось, что «мужик должен быть лишь чуть красивей черта».

— Исследования на эту тему были бы весьма интересны. Одним из важных факторов, видимо, является изменение социальной роли женщин. Сейчас уже нельзя сказать, что предел мечтаний женщины — найти себе хорошего мужа. У женщин есть свои запросы, есть некое представление о себе. А это связано с уровнем ожиданий. Возможно, современной женщине трудно найти партнера, который бы отвечал ее собственным представлениям.

Есть еще одна интересная закономерность, которую отмечают демографы. Родители, выросшие в семьях, в которых было мало детей, обычно повторяют модель небольшой семьи. И как тут можно изменить подобного рода убеждение?

— Министр труда Владислав Косиняк-Камыш, выступая по радио TOK FM, назвал доклад Верховной контрольной палаты «публицистикой», не имеющей никакого отношения к фактам.

— Мне бы хотелось прежде всего обратить внимание на содержащиеся в докладе дельные замечания. А именно — утверждение, что отсутствует координация многосекторной политики; что почти не используются исследования, касающиеся обусловленности деторождения и экономической ситуации семей; что нет ни целей, ни стратегии, как нет средств на обеспечение этой деятельности; что стратегий существует довольно много, но они не внедрены. Все это правда, хотя и не означает, что семейная политика — это свод случайных решений.

В докладе говорится об универсальной проблеме управления, которая возникает, когда необходимо принимать решения по чрезвычайно сложным вопросам, требующим многосекторного мышления. Вопрос демографии относится к разным министерствам, разным структурам. Координация и эффективность реализации стратегии — это проблема, которая родилась не сейчас, и касается она не только семейной политики.

По моему мнению, в Польше произошел поворот в сторону выстраивания комплексной семейной политики, соответствующей потребностям сегодняшнего дня. Поэтому от Верховной контрольной палаты мне бы хотелось услышать более глубокую оценку принятых решений. А не просто утверждения на уровне обобщений.

— Например?

— Из доклада мы мало что можем узнать, например, о том, как действует программа «Хорошая атмосфера вокруг семьи». Программа семейной политики президента Коморовского, охватывающая разные сектора, которую в рапорте хвалят, — это не просто некий текст, существующий на бумаге. Она отражается в реальной деятельности не только президента, правительства и органов самоуправления, но и работодателей и неправительственных организаций. Карты больших семей, налоговые льготы на детей или, скажем, принимаемый в настоящее время закон, который должен облегчить строительство квартир, предназначенных под аренду, — вот примеры положительного опыта сотрудничества этих институций.

Утверждая, что семейная политика — это свод случайных решений, Верховная контрольная палата ставит под сомнение достижения в ее основных сферах. Такие, например, как значительное улучшение в сфере доступности дошкольного воспитания, показатели в этой области выросли с 40% детей в детских садах в 2004 году до 80% в настоящее время. Что касается институций, осуществляющих опеку над детьми до трех лет, то и здесь мы наблюдаем улучшение — за последние четыре года количество детей, которые получили такого рода опеку, выросло с 2,5 до 6 и более процентов.

Авторы доклада не заметили, что постепенно появляется настоящая семейная политика самоуправления. Не упомянуты и региональные программы, которые должны предотвращать депопуляцию народонаселения и укреплять семью, внедряемые, например, в Опольском, Малопольском и Западно-Поморском воеводствах. Представленная Верховной контрольной палатой картина, таким образом, весьма статична. В ней не отмечается произошедшая в последние годы динамика изменений, которая заключается во внедрении многочисленных новых инструментов в области семейной политики, а также в активизации многочисленных ее партнеров. А еще в докладе слышится нарекание, что раз не видно результатов в виде роста детской рождаемости, то семейная политика неэффективна. Безусловно, сейчас еще слишком рано давать такие оценки.

— В Венгрии на семейную политику выделяется почти в два раза больше денег, чем в Польше, а по количеству детей в семьях мы на равных: в Польше приходится 1,3 ребенка на женщину репродуктивного возраста, а в Венгрии — 1,28.

— Итак, мы приближаемся к главному вопросу: какую же семейную политику надо проводить. Почему семейная политика уже принесла результаты во Франции и в скандинавских странах, но не работает в Германии, Венгрии или Чехии. Говорить о возвращении к традиционной семье, в которой мужчина зарабатывал деньги, а женщина занималась домом, в нынешней ситуации не имеет смысла. Мы не можем себе позволить исключить женщин из рынка труда, а, кроме того, большинство из них реализует собственные профессиональные планы. Впрочем, исследования говорят, что женщины, которые не боятся потерять свое рабочее место, более склонны завести ребенка.

В целом в настоящее время обозначились два подхода. Один направлен на то, чтобы экономически заинтересовать людей иметь детей. Но есть также другая философия, которая прежде всего направлена на ликвидацию барьеров, препятствующих обзаведению многодетной семьей, главным образом барьеров, заключающихся в сочетании ролей — профессиональной и семейной. В Германии, Чехии и Венгрии много средств выделяется на пособия, но там трудно найти место в яслях. Франция и скандинавские страны положительно отреагировали на изменение социальной роли женщины и вышли навстречу ее профессиональным запросам. Они добавили к своей традиционной политике

поддержки доходов еще и услуги в области образования и опеки для маленьких детей — вполне доступные и высокого качества. И они достигли успеха.

— В Польше бытует мнение, что рост рождаемости во Франции происходит ввиду притока иммигрантов, особенно из Магриба.

— По большей части это миф. Исследования показывают, что уже во втором поколении семьи иммигрантов перенимают французскую модель семьи. В настоящее время относительно много детей рождается также в семьях этнических французов.

— Как вы оцениваете влияние на семейную политику того факта, что правительство продлило до года срок декретного отпуска? Верховная контрольная палата намекает, что влияние это было однократным.

— Результатов следует подождать. Я оцениваю это влияние, скорее, положительно, но необходимо помнить, что если женщина-мать на длительное время оставляет работу, то это отрицательно сказывается на ее дальнейшей профессиональной карьере. Поэтому Сейм работает над новым проектом закона, предложенным президентом Коморовским, предусматривающим бóльшую гибкость, например, возможность использования отпуска, так сказать, в рассрочку, то есть до того времени, пока ребенок не начнет ходить в школу, или же создания условий для сочетания отпуска с работой, рассчитанной на неполный рабочий день.

— Партия ПиС предлагает, чтобы семьи получали по 500 злотых ежемесячно, если они решатся завести второго и следующего ребенка. Как вы оцениваете эту идею?

— Разумеется, больше денег никому не помешает. Я говорю это исключительно с точки зрения семей, а не бюджета государства, так как я не знаю, в состоянии ли Польша пойти на такие расходы. Это политика стимулирования, а не ликвидации барьеров, стоящих на пути к созданию многодетной семьи. Очень любопытно, что скажут молодые матери, которые не могут вернуться на работу из-за того, что нет мест в яслях, когда им предложат взамен 500 злотых? На короткое время такое пособие может оказаться эффективным. И приведет к временному росту рождаемости и демографическому пику, однако потом он неизбежно угаснет, если не будут предложены другие меры, благоприятствующие семье. Такого рода волны, демографические пики вряд ли можно считать положительными с точки зрения социальной структуры, школы, системы здравоохранения или пенсионной системы.

— Почему угаснет?

— Вы ведь не считаете, что женщины рожают детей ради денег? Если этому не будет сопутствовать комплексная семейная политика, то получится как с пособием для новорожденного. Это решение тоже должно было стать панацеей, которая позволит преодолеть демографический кризис, однако на постоянный рост рождаемости влияния не оказало. Семейную политику следует проводить, используя одновременно все многообразие инструментов. А последствия будут заметны лишь спустя некоторое время, хотя политики, конечно, хотели бы получить результаты незамедлительно.

gazeta WYBORCZA.PL

Лешек Шаруга

ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

Когда приблизительно четверть века назад я готовил для только что созданного краковского журнала «Декада литерацка» статью, посвященную ожидающей Европу миграционной волне, то есть современному переселению народов, то исходил из экспертных оценок, согласно которым ожидалось, что в богатые страны Запада в обозримом будущем прибудет около 30 миллионов человек. Поскольку я, в общем-то, склонен всерьез относится к мнению экспертов, то задавался в статье вопросом, способны ли европейские политики выработать программу, которая сможет подготовить общества «первого мира», как это в те времена называлось, к исходу народов из стран «третьего мира». Понятное дело, что никому из политиков, имеющих тогда значение международной арене, и никому даже из таких институций, как ООН, ни на секунду не пришло в голову, что это может быть реальная проблема, — а потому никаких программ или проектов никто создавать не собирался

Я задумывался тогда (это уже за пределами текста статьи), что же может оказаться непосредственным импульсом, который приведет к массовым миграциям. Мотив для меня был очевидным — стремление улучшить материальное положение. Каждый, кто сталкивался с настоящей нищетой в странах Африки или Азии, знает, что для огромного большинства живущих там людей Запад кажется воплощением рая на земле, и сам этот факт склоняет их мечтать о том, что когда-нибудь они туда доберутся. А что таким импульсом стала война в Сирии и деятельность некоего образования, называемого Исламское государство, — дело случая. Такая волна должна была рано или поздно подняться. Она будет развиваться, как любая стихия, и идеи, направленные на разработку способов противостоять этому явлению, столь же нелепы и бесплодны, как попытки остановить наводнение или воспротивиться процессу глобализации. Главный вопрос не в том, как этому противодействовать, а в том, как с этим жить.

Совершенно очевидно, что наплыв в Европу беженцев (и наряду с ними большого числа экономических мигрантов) создает проблемы, которые, безусловно, лучше получится решить в масштабах всего континента или хотя бы только Европейского союза, а не в отдельно взятых странах. Мало кто отдает себе отчет в том, что Европа окажется для приезжих, коль скоро уж в ней поселятся, недифференцируемым целым, — они повсюду будет в равной мере «чужими». Власти Евросоюза в связи с этим хотят таких «чужих» разделить между странами-членами; сейчас идут дискуссии, достижимо ли это, и какими должны быть возможные положения такой программы. Неудивительно также, что слово в этой дискуссии берут не только политики, но и интеллектуальные авторитеты. Их высказывания, понятно, можно найти и в польской прессе.

Мое внимание привлекло, прежде всего, интервью с профессором философии Збигневом Миколейко, которое опубликовано в издании «Польша. The Times» (№ 73/2015) под заголовком «Беженцы: чужие со всеми признаками чуждости и инаковости». Отвечая на вопрос о том, что определяет отношение поляков к беженцам, профессор указывает на разнородность таких факторов, «причем эти факторы разные в зависимости от социальных групп. Ведь нет ни единой польскости, ни единой польской идентичности, их нельзя описать в общих чертах. В связи с этим можно сказать так: люди, не особо знающие о мире и его устройстве, ничего не понимающие, привязанные к месту, не мобильные ни интеллектуально, ни даже физически (где-то там весь век просидели), с недоверием смотрят на чужих, будь то иностранец, иноверец, кто-то с другим цветом кожи, то есть, чаще всего, просто чужой. Это всегда присутствует в косных сообществах, замкнутых в своих малых мирках, закованных в каноны «издавна» определенных норм и ценностей, судорожно хватающихся за машинально практикуемые модели поведения, независимо от страны и места. И к чужому относятся с каким-то неизбывным страхом: ведь неизвестно, какой он, какие перемены с собой принесет. А может, он

опасен? Может, разрушит мой маленький мир и полностью уничтожит тот, в котором я так хорошо обжился? И совершенно другими будут мотивации в той группе, которая больше всего меня удивила, — среди молодежи. Вдруг оказывается, что более открыты (а мы ожидали чего-то иного) пожилые, а не молодые люди. (…) Это результат воспитания, которое мы обеспечили в последнюю четверть века молодому поколению. Увы, в основной своей массе — к счастью, не вся — наша молодежь состоит из капризных эгоцентриков, интересующиеся исключительно собой, только собой, и еще раз собой. (…) Кроме того, им все время разъясняют (в этом живо заинтересованы самые разные политические силы), как же им трудно, как же плохо. А раз так трудно, то зачем они должны помогать другим? Эти молодые люди не знают — а откуда? — как другие когда-то помогали польским беженцам, у них нет опыта, связанного с военным положением, с открытостью, например, французов к проблемам Польши 80-х годов и к самим полякам. (…) Незнание мира, отсутствие заинтересованности миром накладываются здесь, заметим, на очень старую почву польской аграрной ментальности. Ведь мы — общество с сельским, шляхетско-крестьянским происхождением, мы столетиями жили в пространстве одной деревушки, одного села, самое большое — одного уезда или городского, с позволения сказать, поселения. На все это еще наложился коммунизм, то есть замкнутая система, в значительной степени изолировавшая нас от реальной жизни других обществ». При этом проф. Миколэйко обращает внимание на то, что самые последние исследования демонстрируют все уменьшающееся согласие общества на прием беженцев, — пока что, однако, по разным данным, чужим все еще готовы помогать 51–56% поляков.

По проблеме беженцев высказалась также Агнешка Холланд на страницах «Newsweek» в интервью, озаглавленном «Ментальность Кали* у нас в крови»: «Возникают ассоциации со Второй мировой войной и отношением значительной части польского общества к Холокосту. Я имею в виду не тех, кто выдавал евреев, а безразличных, которые захлопывали двери. Если сквозь эту призму взглянуть на вопрос беженцев, то современный эгоизм перестает удивлять. Тогда речь шла о соседях, людях знакомых, с которыми годами жили на одной улице, в одной деревне. Сегодня — о совершенно чужих, приезжающих издалека, присутствие которых означает необходимость с ними поделиться. С какой стати волноваться об их судьбе? (…) Те, кто нами правят, должны доказывать, что им по плечу трудные вызовы. А между тем дают нам пример непонимания явления беженцев, его масштаба, последствий, опасностей, которые несет с собой большая миграция людей. А прежде всего, пример полного отсутствия эмпатии как в моральном, так и в гуманитарном аспекте. Поэтому те немногие голоса, которые в нашей христианской стране взывают к пробуждению в себе христианского чувства или хотя бы чувства солидарности, наталкиваются на волну презрительности и агрессивности».

Далее читаем: «Меня тревожит, однако, не только это постоянное намеренное искажение действительности, но также страшное презрение к тем, кто мигрирует из Африки и с Ближнего Востока по экономическим причинам. Беженцев, чья жизнь под угрозой, мы еще в состоянии как-то понять (если они далеко от наших границ), но тех, кто хочет просто лучше жить и обеспечить детям лучший старт — мы уже абсолютно не понимаем. И этого говорят поляки, из которых более миллиона выехало в последние годы из свободной страны исключительно по экономическим причинам. Нам вот положено. Немцы, британцы, ирландцы должны нам дать пособия, обеспечить медицинское обслуживание, работу, а этим там, «черным», ничего не положено».

Похоже высказывается на эту тему Томаш Лис в опубликованной в том же номере «Newsweek» передовице под заголовком «Стыдно, Польша, стыдно»: «Нас компрометирует та небрежность и грубость, с которыми многие публичные персоны (не говоря уже о ксенофобских интернет-форумах) выступают против приема беженцев Польшей. И вот уже прискорбный эгоизм и нетолерантность облекаются в платье заботы о нашем сообществе, безопасности и христианской цельности. Пока что, как государство и общество, мы безнадежно проваливаем тест на верность гражданским ценностям, более того — тест на эмпатию, честь, реальное, а не декларативное чувство христианского долга. Вовсе не Аль-Каиды боятся противники приема беженцев. Это чистейшей воды неприязнь к чужим,

* Т.е. двойные стандарты (по имени одного из героев романа Г. Сенкевича «В дебрях Африки»). — *Прим. пер.*

другим. (…) Мы, как и любой народ, любим думать о себе хорошо. Но негативное отношение к помощи ближним, которым грозит смерть от руки палача или от голода, определенно должно лишить нас права на хорошую самооценку».

От этой критики позиций сопротивления приему беженцев стоит перейти к голосам тех, кто такое сопротивление если не напрямую поддерживает, то, во всяком случае, снабжает его аргументами, как, например, Рафал А. Земкевич в статье «Квадратура иммиграции» в еженедельнике «До жечи» (№ 37/2015): «О массовом наступлении на границы Европейского союза говорили уже давно. Первыми, еще несколько десятилетий назад, это сделали писатели, во главе с Жаном Распаем, чей «Лагерь святош», изданный в 1973 г., как и другие произведения этого «неправильного» автора, остался незамеченным. Со временем картина Европы, наводненной африканцами, арабами и беженцами с Балкан, стала стандартной в фантастической литературе, и к этому относились столь же легкомысленно, как и к другим предостережениям фантастов. (…) Все идет — если не в деталях, то в общем виде — к тому, о чем сорок лет назад писал Распай, то есть к катастрофе. Что может в данной ситуации Польша? Немногое, но дело стоит усилий — потерять как можно меньше. Иммигранты по многим причинам минуют нашу страну или трактуют ее лишь как остановку на пути к намеченной цели. Это вызывает нескрываемое раздражение западных политиков, которые охотно нагрузили бы своими проблемами новые страны — члены Евросоюза и по этой причине вдруг вспомнили о европейской солидарности и помощи, которую оказывали польским эмигрантам в эпоху ПНР. (…) Польша должна твердо обозначить свои интересы, объясняя в переговорах с Западом, что «европейская солидарность» должна таким же образом касаться, например, проблем, связанных с войной на Украине или странами Юга. А также, что мы не можем создавать какие-то концентрационные лагеря для людей, которые вообще не хотят оставаться в Польше и даже, принудительно поселенные, воспользуются первой же возможностью перебраться в главные страны Евросоюза за тамошними пособиями и всякими благами. Прежде всего, мы должны четко обозначить, что мы можем принимать участие в инициативах, направленных на решение проблемы или хотя бы уменьшение ее масштаба, но не в ее затушевывании. (…) Пока что не видно интеллектуальной работы элит, формирующих общественное мнение, ни — тем более — правительства по определению польских интересов и формированию позиции. В очередной раз они реализуют «негритянский» сценарий, рассчитывая на комплексы большинства поляков по отношению к Западу, и как это было с гендером или другими приходящими с Запада новинками, открытость к пришельцам пробуют сделать мерилом цивилизованности и приверженности европейским нормам. Учитывая, однако, что неконтролируемая иммиграция непосредственно угрожает безопасности и интересам Польши, не кажется, что это принесло бы элитам успех».

Очень мило, что Земкевич сам себя исключает из элит, формирующих общественное мнение, но это от чрезмерной скромности. А что беженцев хочет удержать преимущественно на Западе, ибо Польша, получается, у него к Западу не относится, — можно тоже, с грехом пополам, понять. Это, однако, не изменяет того факта, что рано или поздно, хотим мы того или нет, а приезжие доберутся и до Польши. Так что, может быть, лучше не столько им навстречу «открываться» (все же не каждый христианин любит ближнего), сколько сосредоточиться, даже страшной ценой «цивилизованности и европеизации», на выработке общей с Западом программы на ближайшее и более отдаленное будущее континента. Поодиночке каждому, в том числе Польше, будет труднее. Да и средств на это у нас поменьше. Что-то придется заплатить, но есть также и шанс что-то выиграть, и не стоит заранее от него отказываться.

Эльжбета Савицкая

НЕСКОЛЬКО СТИХОТВОРЕНИЙ В МИНОРЕ И МАЖОРЕ

«И так всего не расскажу». Я повторяю первую фразу из книги эссе и воспоминаний Адама Загаевского «Легкое преувеличение», немного изменив ее: «И так всего не напишу». Из нескольких сотен стихотворений автора «Музыки низших сфер» выбираю лишь несколько. Но не наобум.

Мир, как он есть

Сначала самое знаменитое — «Попробуй воспеть искалеченный мир», с которым Америка переживала траур после теракта 11 сентября 2001 года. Редакция еженедельника «Нью-Йоркер» отдала под это стихотворение (в английском переводе Клер Кавана) целую страницу, чего раньше не случалось. Оно стало известно не только жителям Нью-Йорка, но по всей Америке. Его переписывали, наклеивали на автомобили, распространяли среди друзей. Оно не было реакцией на теракт, появилось раньше. Как же случилось, что в момент трагедии Америка увидела в нем себя?

— В США как раз готовился том моих избранных стихотворений, — вспоминал Загаевский в интервью для газеты «Тыгодник повшехный». — У издательств там принято рассылать серьезным журналам черновые оттиски книги, предлагая на выбор фрагменты. Редактор отдела поэзии «Нью-Йоркера» получила мой томик, когда искала стихотворение для этого исторического номера — ведь он сразу стал историческим, не таким, как другие, у него была черная обложка, на которой едва проступали силуэты двух башен. Она решила, что это стихотворение способно выдержать напряжение траура.

Интуиция редактора не подвела. Правда, польский поэт обращался к иному опыту (его мир был отмечен коммунизмом, Второй мировой войной, скудностью и безнадежностью ПНР), однако американцы увидели в этих строках свой собственный мир — внезапно искалеченный терроризмом. Стихотворение Загаевского — не плач, не траурная песнь, не утешение. Это проповедь восхищения. Мир искалечен, изранен, но все же прекрасен. У американцев захватило дух.

Если какое-то стихотворение современного польского поэта и сделало мировую карьеру, то именно это. В Нью-Йорке публика, до краев заполнившая Большой зал колледжа «Купер Юнион» (он вмещает тысячу человек) во время поэтического вечера неделю спустя после теракта во Всемирном торговом центре, устроила автору стоячую овацию, а Салман Рушди первым поспешил с поздравлениями. Стихотворение перевели на многие языки, вспомнили его и в десятую годовщину теракта. Недавно я слышала, как певица-сопрано исполняла его под музыку молодого композитора Анны Уэббер.

Город, превратившийся в миф

Трудно сказать, которое из стихотворений Загаевского наиболее популярно и чаще всего цитируется в Польше. Нет такого счетчика. Думаю, что «Ехать во Львов» середины 80-х годов прошлого века. Оно волнует и трогает благодаря красочности вызываемых образов, а также из-за автобиографического мотива. Хотя последний совсем не очевиден. Адам Загаевский действительно родился во Львове 21 июня 1945 года, но покинул этот город вместе с родителями еще младенцем.

В вышедшем четыре года тому назад сборнике эссе «Легкое преувеличение» он вспоминает своего отца Тадеуша Загаевского, профессора Силезского политехнического университета (умер в 2010 году в возрасте 97 лет). Трезвомыслящего инженера, с определенным недоверием относившегося к литературным занятиям сына, особенно к полному метафор языку поэзии: «он считал, что язык, несколько более богатый, насыщенный сравнениями, часто был языком лжецов, во всяком случае, мог им стать». Значительно позже он узнал, что в 80-е годы, во времена конспирации и самиздата, отец на старой пишущей машинке перепечатывал «Ехать во Львов» для знакомых и друзей. «До сих пор — признается он — я не знаю, какие чувства на самом деле испытывал отец, человек столь рациональный, немного ироничный, переписывая стихотворение, в котором не было недостатка ни в метафорах, ни в метонимии». Все же он догадывался. Отец так и не уехал из Львова.

Холодная война, жаркое лето

Недавно мы с поэтом и литературным критиком Янушем Джевуцким размышляли о том, какое стихотворение Загаевского сильнее всего запало нам в память. Таких под рукой было больше десятка, важных для нас в разное время и по разным причинам. Но одно-единственное? Джевуцкий в конце концов выбрал «В энциклопедии снова не хватило места для Осипа Мандельштама» из подпольного сборника «Письмо» (1978) — именно из этого стихотворения он в молодости вообще узнал о существовании великого русского поэта, уничтоженного Сталиным.

Мое стихотворение — это «1969» из значительно более позднего тома «Жажда» (1999). Незнаменитое и непрославленное. Не помню, чтобы его когда-либо цитировали. Мне оно нравится. В нем весь Загаевский — погруженный в мир культур, с любовью относящийся к музыке и литературе, но при этом чутко реагирующий на реальность, внимательно следящий за событиями на нашем земном шаре. Есть в этом стихотворении личная память и память коллективная. Есть любовь и течение времени. Начинается оно словами: «Умер Гомбрович; Американцы ходили по Луне».

Не читайте Гомбровича

Как-то в Варшаве я попросила Адама Загаевского прочитать мне это стихотворение вслух. — Именно это? — немного удивился он. Потом мы говорили о Гомбровиче. Я спросила, был ли тот для него важен, и когда он впервые встретился с его творчеством.

— В библиотеке моих родителей не было Милоша, но был Гомбрович: «Фердидурка» и «Бакакай», книги, легально изданные в Польше в 1957 году. Так что в первый раз я познакомился с Гомбровичем просто у себя дома, немного заразился им и стал искать его дневники… Прошло много времени, пока

я их нашел, потому что с дневниками было труднее. С Милошем сложилось иначе. Я — в то время студент Ягеллонского университета — пошел к декану нашего философско-исторического факультета и солгал. Сказал, что должен написать работу о Милоше, хотя изучал философию и психологию. Декан был человеком добродушным и выдал мне специальное разрешение читать Милоша. Еще помню, как ходил по краковским букинистам со списком авторов, которых искал. В одном из магазинов старый, почтенный букинист сказал, что Гомбровича нет, и стал меня учить: «Не читайте Гомбровича, это язвительный писатель, иронист. Нам сегодня нужно другое чтение».

— Теперь я его не читаю, — продолжал поэт. — Бывает иногда, что переживаешь большие читательские приключения, но через какое-то время появляются новые. Есть некая эротическая несправедливость по отношению к авторам, бросаешь одних ради других, более новых. Но Гомбрович был для меня одним из первых, когда я был очень молод, и потом я возвращался к нему.

Романы Гомбровича он читал по одному разу и больше не собирается (к «Войне и миру» Толстого вновь обращается каждые два-три года, потому что это «такой роман, который говорит обо всем»). Он принадлежит к лагерю любителей дневников. Да, к ним он часто возвращается. А то, что Гомбрович не любил поэзию и высмеивал поэтов? Нет, в общем-то, это ему совершенно не мешает.

Узкая тропинка истины

В марте этого года Берлинская академия искусств присудила поэту премию имени Генриха Манна. В обосновании, в частности, сказано: «Его стихи, рассказы и эссе обладают неповторимой тональностью — тональностью тоски, а также отзвуком, в котором еще долго звучат понимание и память, внешний и внутренний мир. Две мелодии одновременно — трагический минор и радостный мажор, два мира, которые ищут друг друга, чтобы в ключевые моменты найти». Мне это кажется необыкновенно точным.

Проблема истины постоянно волнует поэта, возвращается во многих произведениях. В том числе, в стихотворении «Автопортрет, не лишенный сомнений» из книги «Антенны», в котором говорится, что территория истины узка, как тропинка над обрывом.

Сумеешь на ней удержаться?
А, может, сошел уж с нее?

Хорошо, что у нас есть поэт, который задает такие вопросы себе и нам.

Текст был опубликован в связи с семидесятилетием Адама Загаевского в июне 2015 года на портале Гражданского института и на портале «Студии мнений».

Игорь Белов

ПРЕДСТАВЛЕННЫЙ МИР

(о книге Януша Джевуцкого «Авторский почерк. Эссе о современной польской поэзии»)

2015 год оказался для польского поэта и критика Януша Джевуцкого весьма плодотворным. Сначала Джевуцкий, по меткому выражению Лешека Бугайского, ринулся в погоню за известным любителем бега Харуки Мураками, написав и издав в феврале своеобразный дневник писателя-спортсмена «Жизнь на бегу», полный не только «человеческих, слишком человеческих» рефлексий по поводу прошлого и настоящего, жизни и смерти, но и глубоких размышлений о поэзии и литературном процессе. Прошел всего месяц после презентации книги о беге, и в варшавском литературном кафе «Чительник» Джевуцкий представил свою новую книгу — «Авторский почерк. Эссе о современной польской поэзии». Книгу важную и, я бы даже сказал, фундаментальную. Почему важную? На этот вопрос исчерпывающе отвечает ее автор: «Рефлексия на тему поэзии рано или поздно оказывается так же важна, как и рефлексия относительно окружающей нас действительности и мира, в котором мы живем» (54)*.

Так получилось, что выход этой книги совпал с тридцатилетием дебюта Джевуцкого как поэта и критика, тесно связанного с журналом «Твурчость», одним из старейших польских литературно-художественных ежемесячников. Собственно, книга «Авторский почерк» и составлена из разных критических текстов, которые Джевуцкий годами публиковал на страницах этого журнала. При этом

* Все дальнейшие цитаты по изданию: Janusz Drzewucki. Charakter pisma. Szkice o polskiej poezji współczesnej. Kraków-Warszawa, Instytut Książki — «Twórczość», 2015. В скобках указан номер страницы.

книга совершенно не выглядит лоскутным одеялом — наоборот, у нее довольно жесткая, простая и логичная структура. И хотя в предисловии к «Авторскому почерку» Джевуцкий предупреждает читателя, что со студенческой скамьи не разделяет «поколенческого подхода» к периодизации истории польской поэзии, полностью уйти от разговора о соперничестве поколений ему не удалось. Это, впрочем, книгу совершенно не портит — напротив, наделяет ее неким стержнем и сообщает, если угодно, центростремительное движение. Правда, и от него Джевуцкий то и дело мастерски уклоняется, что придает книге и свежесть, и нетривиальность, и даже некоторую интригу.

В центре «Авторского почерка» — разговор о польских поэтах поколения, которое критики в свое время назвали Новой Волной или «поколением 68». Становление этого поэтического поколения тесно связано с событиями марта 1968-го и декабря 1970-го в Польше, но не только с ними. На поэтов Новой Волны, безусловно, повлияли все основные тектонические сдвиги, происходившие тогда в мире: студенческие бунты во Франции, антивоенное движение в США, сексуальная революция, «пражская весна» и последующее за ней вторжение советских танков в Чехословакию. И сложилось так, что стихи Станислава Баранчака, Рышарда Крыницкого, Адама Загаевского, Юлиана Корнхаузера и многих других изменили облик польской поэзии навсегда. Однако важно сразу оговориться, что большая часть книги Джевуцкого посвящена тем поэтам, которые, формально принадлежа к «поколению 68» по возрасту, эстетически не имели к Новой Волне практически никакого отношения — это Богдан Задура, Рафал Воячек, Адам Земянин…При этом центром притяжения и отталкивания почти для всех героев «Авторского почерка» остается Новая Волна — что ж, учитывая то мощное воздействие, которое ее авторы оказали на польскую культуру, это вполне справедливо. Поэтому и все, за редким исключением, главы книги вращаются вокруг разговора об этом поэтическом направлении, словно планеты вокруг Солнца.

Первый раздел книги так и называется — «В кругу Новой Волны», начинаясь с эссе о недавно покинувшем этот мир Станиславе Баранчаке. О нем уже написано немало книг и статей, поэтому сказать об этом поэте что-то принципиально новое становится всё сложнее. Джевуцкий предлагает нам новаторский подход к прочтению текстов одного из самых ярких представителей «поколения 68». По его мнению, стихи Баранчака сегодня нуждаются в реинтерпретации и новом анализе, что позволит по-настоящему оценить оригинальность и новаторство этих текстов, лишенных в наши дни своего исторического контекста. Это касается, по мнению Джевуцкого, стихов многих представителей Новой Волны — еще и потому, что поэзия с политическим подтекстом, попадая в историю литературы, неизбежно нуждается в комментариях.

В этом же разделе «Авторского почерка» Джевуцкий пытается разгадать тайну долгого молчания другого известного автора «поколения 68» — Рышарда Крыницкого. А заодно вместе с нами понять — да полно, молчание ли это? Ведь, то, что невыразимо, то, что является самой сутью поэзии, находится между одной и другой стороной листка бумаги. Это, конечно, очень дзэн-буддистский подход, но если мы взглянем на вещи под таким углом, то поймем — молчание Крыницкого само по себе является поэзией.

Разумеется, разговор о Новой Волне невозможен без упоминания имен Адама Загаевского и Юлиана Корнхаузера, участников поэтической группы «Тераз», вместе написавших книгу «Не представленный мир», требуя от поэзии, и в первую очередь от себя самих, говорить прямо, без обиняков, избегать пафоса. В особенности это правило, конечно, касается Кронхаузера. Джевуцкий, справедливо указывая, что мир стихов Юлиана Корнхаузера исключительно предметен, подробно перечисляя эти самые предметы, показывает затем, как меняется Корнхаузер, не становясь при этом лучше или хуже, а просто становясь другим, какие метаморфозы претерпевает жизнь лирического героя его стихов — и перед нами проходит фантастический калейдоскоп самых разных состояний и чувств.

Говоря об еще одном видном представителе Новой Волны, поэте и критике Кшиштофе Карасеке, авторе «Революционера у пивного ларька», Джевуцкий дополнительно ставит очень важный вопрос (который касается в первую очередь его самого) относительно литературно-критических работ, написанных поэтами: где в этом случае кончается поэт и начинается литературный критик? Где начинается теоретик и заканчивается практик? Что ж, читая стихи, всегда интересно знать, что их автор думает о других поэтах, что он вообще думает о поэзии как таковой. Нашлось в этом разделе книги

место и для Антония Павляка, которого сам Джевуцкий определяет как представителя пост-Новой Волны. «Пост» — потому что, как верно замечает Джевуцкий, Павляк поэт экзистенциальный, ему не интересны ни общество, ни политика, ни гражданственность, ему интересен человек.

Отрадно заметить, что география Новой Волны в трактовке Джевуцкого совершенно не исчерпывается, как это иногда бывает, Познанью (Баранчак, Крыницкий) и Краковом (Загаевский, Корнхаузер). Да, в Варшаве «поколению 68» досталось от коммунистического режима больше всех, здесь оно было почти полностью разгромлено, но и в польской столице были яркие представители этой поэтической генерации. Так что не случайно одним из героев «Авторского почерка» стал поэт Лешек Шаруга, которого после событий марта 1968 года исключили из Варшавского университета и чьи стихи долгое время не публиковались в Польше из-за цензурных запретов. Джевуцкий справедливо называет его одним из самых радикальных представителей Новой Волны, обосновывая это тем, что Шаруга в своих текстах не только высмеивал и пародировал язык пээнэровской пропаганды (этим в той или иной степени занимались и другие представители «поколения 68»), но и констатировал смерть старой эстетики и поэзии, издевательски заявив, что «поэты сегодня живут дольше своих стихов». Это очень важное замечание, причем как в контексте философии Новой Волны, так и в смысле развития современной поэзии как таковой. У Джевуцкого вообще хороший слух, он отлично чувствует, какие строчки претендуют на долгую жизнь и вполне способны стать манифестом. Интересно и то, что почти для каждого героя своей книги Джевуцкий формулирует что-то вроде его авторского кредо. К примеру, для Кшиштофа Карасека, также варшавянина, лучше всего, по мнению создателя «Авторского почерка», подходят слова: «Я помню, следовательно, существую». Подобную эффектную коду Джевуцкий приберегает для читателя почти в каждом эссе. О культовом поэте, ровеснике поэтов «поколения 68» Рафале Воячеке он пишет, например, так: «Поэзия была для него самой жизнью. (…) Спасая поэзией себя, поэт спасал целый мир» (119). О Богдане Задуре: «Это поэт, который пишет, так, как живет, и живет так, как пишет». И так далее, и так далее.

Говоря о влиянии, которое поэты Новой Волны оказали на современную польскую поэзию, Джевуцкий не боится делать и довольно смелые, если не сказать спорные, заявления: в частности, он утверждает, что настольным чтением польских поэтов поколения «бруЛиона» (Мартина Светлицкого, Мартина Барана и др.) были вовсе не Фрэнк О'Хара и другие представители нью-йоркской школы, а Загаевский и Корнхаузер. В этих словах есть доля правды хотя бы потому, что поэты «бруЛиона» в самом начале своей литературной деятельности объявили о решительном разрыве с предшественниками и подвергли довольно безжалостной критике всю послевоенную польскую поэзию: это называется «невроз влияния», художник часто внешне отрицает того, кто ему внутренне близок.

Второй раздел книги, называющийся «До, рядом и после Новой Волны», открывает эссе о Воячеке, стоящее несколько особняком — как, впрочем, и сам Воячек, этот enfant terrible польской литературы. Джевуцкий сразу признается, что писать о Воячеке непросто, поскольку пишущий волей-неволей находится в плену весьма устойчивого мифа о «проклятом поэте», однако освободиться от чар этого мифа Джевуцкому все-таки удается, хоть и не без некоторых усилий. Его диагноз справедлив и точен: Воячек поставил знак равенства между жизнью и литературой. А вот на вопрос, это ли сгубило поэта, критик осторожно предпочитает не отвечать.

Выдающемуся польскому поэту и переводчику Богдану Задуре, отметившему в этом году свой 70-летний юбилей, в книге Януша Джевуцкого уделено самое большое количество страниц. По возрасту Задура принадлежит к тому же поколению, что и поэты Новой Волны, но он всегда держался в стороне (по сути, был «внутренним аутсайдером»), не принадлежал ни к одной литературной группе и в итоге умудрился опередить свое время: по-настоящему своим Задуру признали поэты на пару поколений моложе, те же «бруЛионовцы». Джевуцкий и здесь сходу выдает читателю тайну авторского кредо Задуры, для которого «поэт — это не столько тот, кто пишет, сколько тот, кто говорит; писательство становится производным речи» (138). Впрочем, столь же высоко, как умение говорить, Джевуцкий ценит в поэтах умение слушать — наиболее характерна эта способность, по его мнению, для Анджея Сломяновского, который «не только позволяет в своих стихах говорить другим, но и внимательно слушает то, что они говорят» (221). Интересно проследить на страницах «Авторского

почерка» эволюцию поэта Адама Земянина, которого можно без натяжек назвать «самым добрым» современным польским поэтом — столь велика в нем вера в изначальную чистоту и неиспорченность человека, в красоту нашего мира. Джевуцкий так и говорит: «Поэзия Адама Земянина — это апология жизни по-божески» (212), где даже распитие водки является прежде всего ритуалом, жестом доверия, выражением духовного равновесия.

Третий же и последний раздел книги, на мой взгляд, наиболее интересен, поскольку он самый неожиданный. Называется он «Кроме всего», и речь в нем идет о своего рода «темных лошадках» польской поэзии — Винценты Ружанском, легендарном герое одной из поэм Стахуры, Януше Шубере, десятилетиями писавшим «в стол», и Адаме Охвановском, в чьих стихах, как справедливо замечает Джевуцкий, «много пьют и много говорят о питии» (243); правда, здесь, как и у Земянина, алкоголь ассоциируется в первую очередь с ритуально-сакральной, мистической стороной дела.

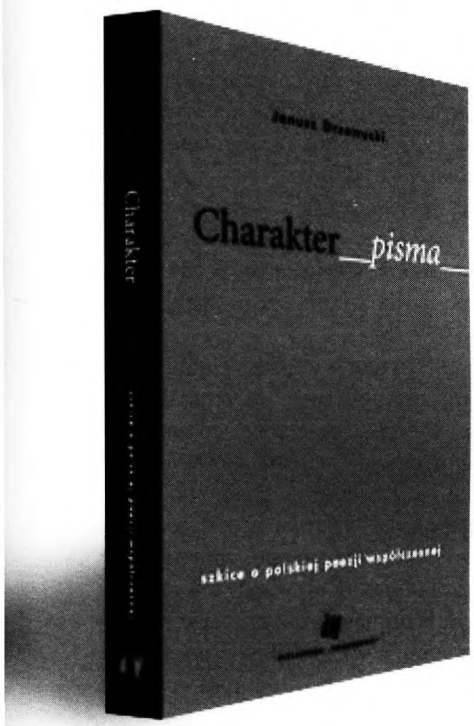
Местами книга «Авторский почерк» напоминает своеобразный путеводитель. Джевуцкий подробно рассказывает, куда и зачем путешествуют лирические герои польских поэтов, что они читают, с кем из великих деятелей прошлого ведут мысленные беседы. Не скупится он и на дотошное, скрупулезное перечисление географических названий, исторических эпох и страниц мировой классики, на перекрестках которых то и дело оказываются фигурирующие в книге авторы (разумеется, речь идет о сугубо стиховом пространстве). Более того, появление других поэтов (и не только поэтов, но и художников, мыслителей, музыкантов и прочих великих мастеров прошлого) на страницах книг Крыницкого, Загаевского и много кого еще также не остается без внимания создателя «Авторского почерка» — всё строго запротоколировано, все (ну, почти все) аллюзии и отсылки учтены и описаны. Иногда, конечно, эти «списки кораблей» немного утомляют, но перед величием замысла и перфекционизмом Януша Джевуцкого неизменно хочется снять шляпу. За тем же Загаевским Джевуцкий даже готов прогуляться след в след по краковским Плантам и рассказать нам по секрету, о чем думает поэт на очередном повороте. Еще более выпуклой перед нами предстает жизнь лирического героя Юлиана Корнхаузера — мы видим, как он бредет сквозь дождь в порт, гуляет по лесу, смотрит в окно. Вместе с Кшиштофом Карасеком мы прощаемся с его умершими друзьями-поэтами. Случайно встречаемся с Рышардом Крыницким на парижских улицах, в аэропортах Копенгагена и Мюнхена, во Фрайбурге на концерте симфонической музыки, на кладбище Сан-Микеле в Венеции у могил Эзры Паунда и Иосифа Бродского. Восхищаемся антропоморфными метафорами Адама Земянина: вот река испытывает ревность, огонь быстро говорит на разных языках, береза надевает платье, гора кровоточит, а солнце улыбается. Вообще, это интересная метода — в результате в каждом эссе перед нами предстает индивидуальный и неповторимый поэтический мир. Видно, что Януш Джевуцкий — не только замечательный поэт, но еще и исключительно внимательный, даже въедливый читатель.

Интересно и то, что Джевуцкий почти в каждом своем эссе не устает подчеркивать многоликость практически любого поэта, о котором он пишет (если, разумеется, таковая имеет место быть — речь не идет, скажем, о таких катастрофически цельных поэтах, каковым был, допустим, Воячек). Как ловкий фокусник вытягивает из рукава зеваки туза, так и автор (всегда в нужный момент!) предлагает нам посмотреть на того или иного автора с неожиданного ракурса — к примеру, Джевуцким подробно анализируются шуточные, абсурдистские стихи Станислава Баранчака, да не просто так, а с целью напомнить нам давно забытую истину: поэзия должна «не только воспитывать, волновать и брать за душу, но и развлекать, вызывать смех, смешить до слез» (24). Важно и то, что Джевуцкий не боится быть субъективным — с особенным удовольствием (а как же иначе!) он рассказывает о тех стихах, которые близки именно ему. Он умеет увлекательно рассказать и таинственную историю — допустим, о появлении на страницах печати малоизвестного стихотворения Воячека «Соль на наши раны, целый вагон соли…». Или, наоборот, растрогать читателя, написав о том, как в юности стихотворение Богдана Задуры «Надежда» придавало ему, Янушу Джевуцкому, начинающему тогда поэту, сил, поскольку в стихотворении говорилось о том, что «можно быть поэтом, независимо от того, пишешь ты стихи или нет» (140).

Всё вышесказанное, впрочем, вовсе не означает, что на протяжении книги Джевуцкий выдерживает исключительно комплиментарный тон. Иногда он говорит не только о своих амбивалентных

впечатлениях от какой-нибудь книги или стихотворения, но и не боится вспомнить, к примеру, о своем юношеском возмущении эскапизмом Загаевского, который тот демонстрирует в книге эссе «Солидарность и одиночество», отворачиваясь от политической проблематики. Весьма серьезен и взвешен Джевуцкий и в те минуты, когда заговаривает о роли поэта. По его мнению, всё важное всегда находится где-то «между»: «между культурой и биологией, между интеллектом и эмоцией. Роль поэта заключается в том, чтобы обнажить эту скрытую связь между искусством и жизнью» (82).

Тут мне бы хотелось отметить еще один важный момент. Давно известно — о чем бы хороший поэт не заговаривал, он так или иначе говорит ту важную правду о мире и человеке, поиск которой и заставляет нас читать стихи. Это происходит и в книге Януша Джевуцкого. Он пишет не только о поэтах и их стихах, но и порой поднимается до метафизических обобщений, на которые его, собственно, эти стихи и провоцируют: «О прошлом мы знаем лишь то, что помним, независимо от того, понимаем ли мы, что пережили, или нет. О будущем мы не знаем ничего, не знаем даже, есть ли оно. Знаем только, что мы существуем здесь и сейчас, находимся здесь и сейчас. Это и есть жизнь, в этом и заключается ее смысл» (76).



...Побывав в этом году в польском городе Радомско на фестивале, посвященном творчеству Тадуеша Ружевича, я разговорился об этом авторе с замечательным русским поэтом и переводчиком Сергеем Морейно, который слегка огорошил меня заявлением о том, что Ружевич еще ждет своего русского переводчика. А всё потому, что для работы с ним нужно изобрести новый язык, язык в языке. Именно об этом и пишет в «Авторском почерке» Джевуцкий — по его мнению, поэзия и является языком в языке. На вопрос Адорно, можно ли писать стихи после Освенцима, польская и — шире — европейская поэзия ответила в целом утвердительно, заметив, однако, при этом, что жить, как раньше, уже не получится, если получится вообще. Впрочем, книга Януша Джевуцкого дает нам надежду. Как замечает ее автор, «политики — это люди войны, а поэты — люди мира, политика — это цивилизация смерти, а поэзия — цивилизация жизни» (172). Джевуцкий пишет эти слова, комментируя известное стихотворение Богдана Задуры «Гостиница «Украина»», в котором поэт выражает готовность приютить под крышей своего воображаемого отеля всех людей доброй воли. И мне кажется, что в этом и заключается бесхитростный рецепт по преобразованию не только поэтического языка, но и окружающего нас мира.

Janusz Drzewucki. ***Charakter pisma. Szkice o polskiej poezji współczesnej***.
Kraków-Warszawa, Instytut Książki — «Twórczość», 2015, 280 str.

Анна Фелига

ЮЗЕФ ЧЕХОВИЧ, «ПОЭМА О ГОРОДЕ ЛЮБЛИНЕ»

Юзеф Чехович — безусловно, один из самых выдающихся поэтов предвоенной Польши, ведущий представитель так называемого «второго авангарда», предтеча катастрофизма.

Поэт родился 15 марта 1903 года в Люблине в бедной рабочей семье. Он получил хорошее образование — этим Чехович во многом был обязан решимости своей матери, которая, несмотря на тяжелую материальную ситуацию, обеспечила детям возможность учиться. До 1921 года Чехович посещал люблинскую Учительскую семинарию. В 1920 году принимал участие в польско-большевистской войне. В 20-е годы работал учителем, в частности, в Браславе и Владимире-Волынском, затем стал директором Люблинской спецшколы. Позже учился в Институте специальной педагогики в Варшаве, работал в Институте для глухонемых и незрячих. В 1923 году вошел в состав литературной группы «Люцифер», был одним из создателей и редакторов люблинского авангардного журнала «Рефлектор», в котором дебютировал с рассказом «Повесть о бумажной короне». С 1933 года жил в Варшаве, работал в Союзе польских педагогов (СПП), редактировал журналы «Пломык» и «Пломычек», в которых печатал стихи для детей. В 1936 году, обвиненный в гомосексуализме, был вынужден оставить работу в СПП и стал секретарем редакции еженедельника «Пён». В 1938 году вместе с Людвиком Фрыде основал авангардистский художественный журнал «Пюро», выходивший ежеквартально. В 1939 году началось сотрудничество Чеховича с Польским радио, для которого он написал множество радиопостановок. Поэт погиб во время бомбардировки Люблина 9 сентября 1939 года.

Свою первую книгу стихов «камень» Чехович опубликовал в 1927 году в серии «Библиотека «Рефлектора»». Его первые тексты выдержаны в характерной для авангарда эстетике. На первый план в них выступает апофеоз современности и технического прогресса. Футуристическая поэтическая форма тесно переплетена с деревенской тематикой, что было отличительной чертой люблинского авангарда. Увлечение авангардной поэзией оказалось кратковременным, поскольку довольно скоро поэт выработал собственный стиль. Уже во второй книге, выпущенной в 1930 году под названием «день как день», зазвучали нотки катастрофизма. Живой интерес к городской культуре, урбанистике и технике приобретает в произведениях Чеховича новое значение. Исторический прогресс становится источником фобий, страха перед грядущими судьбами человека и мира. Начиная со сборника «баллада с той стороны» (1932) настроения катастрофизма усиливаются. Все чаще в поэзии Чеховича звучит тема смерти и тревоги, вызванной приближающимся концом. Затем появились сборники «старые камни» (1934), «в молнии» (1934), «ничего более» (1936) и «человеческая нота» (1939).

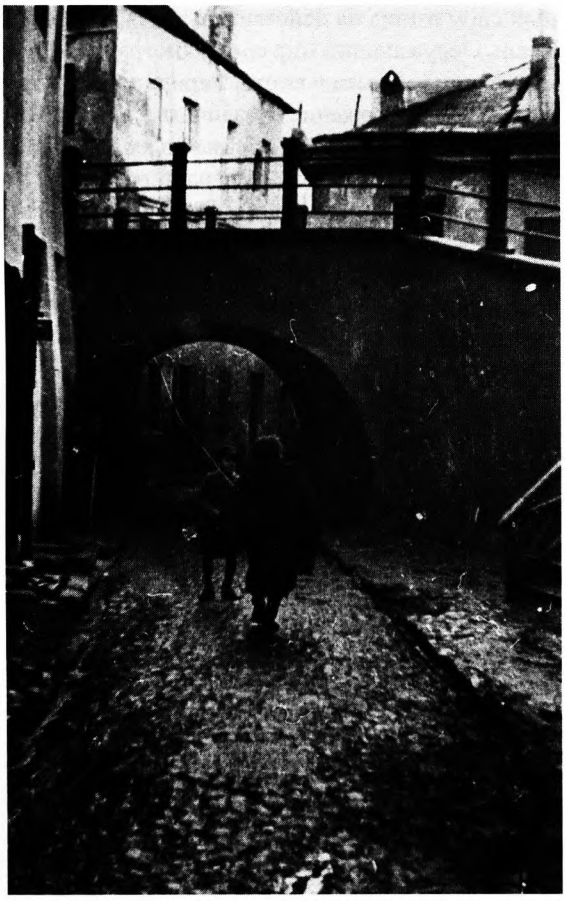
Поэзии Чеховича присуща глубокая оригинальность: поэт сознательно отказался от заглавных букв и знаков препинания, на первый план в его стихах выходила музыкальность, поскольку звуковой пласт текстов был неразрывен со смысловым. Во многих произведениях Чеховича звучание становится доминантой и само создает смысловую нагрузку при помощи разного рода эвфонических приемов. Чехович часто обращался к гиперреализму и символизму, равно как и к польской романтической и народной поэзии.

Юзеф Чехович писал не только стихи, но и прозаические произведения (собранные в книге «Рыжий конь»), эссе и статьи о литературе и искусстве («Животворящее воображение»). Незадолго до смерти он написал четыре одноактных пьесы: «Времени грядущего», «Блистающие мечи», «Представление», «Без неба». Кроме того, Чехович переводил русскую, украинскую, французскую и англоязычную поэзию, став первым в Польше переводчиком Элиота.

Юзеф Чехович был патриотом родного города, поэтому Люблин занял центральное место во многих его текстах. Одним из произведений, в котором Чехович увековечил свой город, стала «По-

эма о городе Люблине», написанная в 1934 году. К написанию этого текста Чеховича подтолкнула тоска по Люблину, который он покинул в 1933 году, переехав в Варшаву. Мысленно поэт постоянно возвращался в родной город и всё больше разочаровывался в столице, о чем наглядно свидетельствует его переписка с другом, Казимежем Мерновским: «Варшава — это царство бессмыслицы, настоящий Содом. Будь у меня в Люблине такая же работа и жилье, как здесь — сразу бы вернулся. В Варшаве унынием отравлены мои сны, а Люблин, городок наш, словно та девушка из Мицкевича, с которой хоть скучно, да бросить невозможно...»

В поэму вошли стихи, ранее опубликованные в сборнике «Старые камни», вышедшем в январе 1934 года. Кардинальной разницы между стихами из сборника и поэтическими фрагментами поэмы нет — Чехович лишь изменил последовательность стихотворений и отказался от их названий. Кроме того, стихи оказались связаны между собой при помощи поэтической прозы, а на полях автор разместил свои комментарии, из чего можно сделать вывод, что поэма была написана Чеховичем для радио, которое, впрочем, воспринималось поэтом как нечто абсолютно волшебное. Свое увлечение радио Чехович объяснял так: «Когда участвуешь в игре, где единственным материалом выступают голоса, куда легче отдаться на волю воображения и самому выстроить изящные декорации, эдакий дворец из паутины и мерцающих огней».



Сообщение о радио-премьере поэмы было опубликовано в газете «Экспресс волыньский и люблинский» 7 июля 1937 года: «Поэтическая пятнадцатиминутка, посвященная Люблину. Поэма Юзефа Чеховича. 9 июля с.г. в 21.45 в эфире Польского радио прозвучит поэтическая пятнадцатиминутка, посвященная Люблину. Слушатели смогут познакомиться с поэмой известного люблинского поэта Юзефа Чеховича, написанной специально для Польского радио».

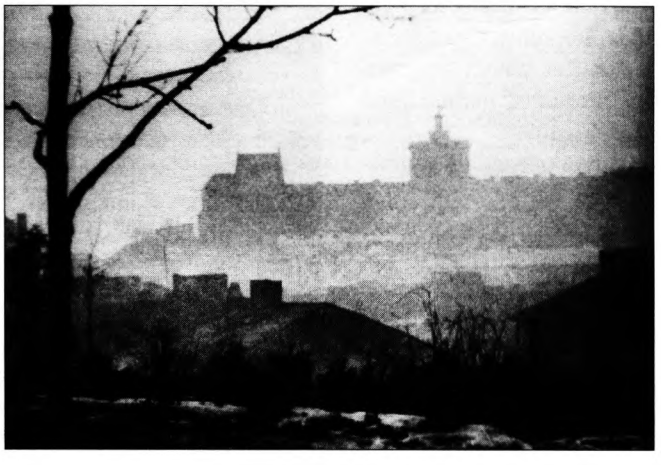
Впервые поэма была опубликована в журнале «Камена» в 1959 г., а в 1964 г. ее выпустило отдельной книгой «Люблинское издательство».

Действие поэмы происходит июльской ночью, в полнолуние. Герой произведения — загадочный странник, который проводит нас по своему родному городу. Эта прогулка — своего рода возвращение во времена детства. Приближается полночь, город окутывают сумерки, в нем царят

тишина и покой, и это вызывает в памяти образы из прошлого. Герой шагает по улицам, на которых прошло его дет-ство, минует магазины и старые дома. Почти каждое здание будит воспоминания о былых временах — как беззаботных и радостных, так и полных тревоги. Вот эта лавка на углу напоминает герою день, когда ему подарили игрушечную трубу, а другая — прощание с матерью и сестрой перед уходом на фронт. Прогулки по улицам погруженного в сон города наполняют героя печалью, а темнота и мрак усиливают гложущее душу одиночество. Единственный спутник героя — месяц. Это он вместе с ветром ведет героя на кладбище, которое становится первым этапом ночного странствия. Здесь, в границах «черного прямоугольника», покоятся близкие героя, так что Люблин — это не только город детства, но и город мертвых. Шум ветра, кресты и зловещие надписи на воротах склоняют к глубокой рефлексии, погружая героя в печаль и задумчивость. Покой, который лишь изредка нарушают разговоры поздних похожих или лязг запираемых ворот, только усиливает чувство отчуждения. Путник ощущает себя чужаком, «но идет-то он среди стен, ему хорошо знакомых». Лирический герой поэмы — это не только проводник, с которым мы идем по Люблину, но и потерянный, одинокий человек, возвращающийся к своей надежной тихой пристани, каковой и является родной город. И все же Люблин, погрузившийся в ночную мглу, вызывает у путника противоречивые чувства. В лунном свете извилистые улочки и темные каменные дома будят страх вперемешку с восторгом, поскольку дышат тайной и волшебством. Время, в которое начинается ночная прогулка, также имеет символическое значение. Близится полночь, и когда часы бьют двенадцать, тревога растет. Проходя по улицам родного города, путник пытается постичь его загадку. Прогулка по мистическому Люблину — это еще и путешествие вглубь самого себя, поиск собственного «я», путь в прошлое, в которое он неустанно возвращается в своей памяти.

В поэме царит настроение сонной оцепенелости, она предлагает совершенно особый, затуманенный сном взгляд на действительность, а городской пейзаж плавно перемещается в сторону пейзажа души. Окружающий мир словно погружен в туман, скрыт за стеной эпитетов и метафор. Для поэмы характерны музыкальность, лиричность, импрессионистическое видение мира, а описания города оказываются отражением различных состояний души лирического героя. Используемый в поэме прием персонификации делает образы более зримыми и выпуклыми, что придает описываемым явлениям совершенно неповторимый характер. Образы поэмы текучи, они наплывают, наслаиваются друг на друга, и читатель словно находится внутри сновидения. Сложно сказать, происходит ли прогулка лирического героя наяву или во сне.

«Поэма о городе Люблине» — дань привязанности и любви Юзефа Чеховича к городу своей юности. Не стоит, однако, забывать, что произведение не только воспевает Люблин, оно еще и проникнуто экзистенциальной тревогой. Лирический герой при помощи воспоминаний возвращается в дни своего отрочества, одновременно предаваясь рефлексии относительно переменчивости и краткосрочности бытия. Прогулка по родному городу — это время для раздумий о былом, настоящем и грядущем.



Юзеф Чехович

Перевод Игоря Белова

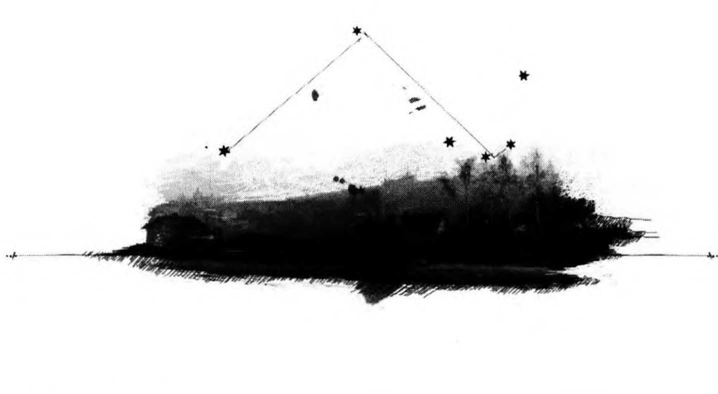
ПОЭМА О ГОРОДЕ ЛЮБЛИНЕ

На башне с часами вертелся юлой
лихой петушок жестяной.
Стена облаков синеоких
распалась на тысячи окон:
лампы, звездные нимбы.

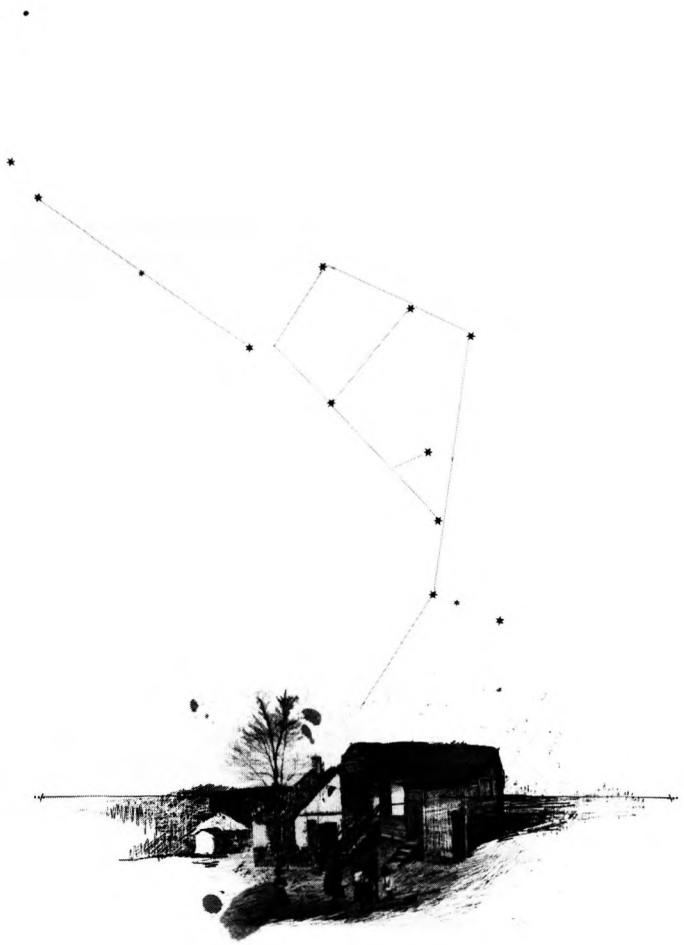
Над лугом
склонился Люблин —
один,
с тишиной в обнимку.

Кругом
дымит чернозем,
голову кружат холм за холмом,

и мгла по всей разлилась земле,
сады зачеркнув и реки.
Земля закрыла глаза во мгле,
смежая темные веки.



Paulina Zielona



***

Не слышно в тумане шагов, приближающих путника к городу родному. Полевые тропки растут, набухают, превращаясь в дороги, а те вновь широко разливаются среди волнистых полей. Дорога тянется. Ветер резво шуршит в колосьях. Скоро полночь, но кто-то еще гремит у колодца ведром. Скрипит колодезный журавль. Здесь деревня еще. Деревня. Месяц бежит среди туч. Рассеивается туман. Путник, вот уже вьются улочки старого предместья, Венявы. Давно еще, когда виноградники оплетали эти холмы, имя ему было — Венява. Проходя между теней руин и оседающих в землю старых домов, ты думаешь, путник, только о том, чтобы город любимый обнял тебя и к сердцу прижал.

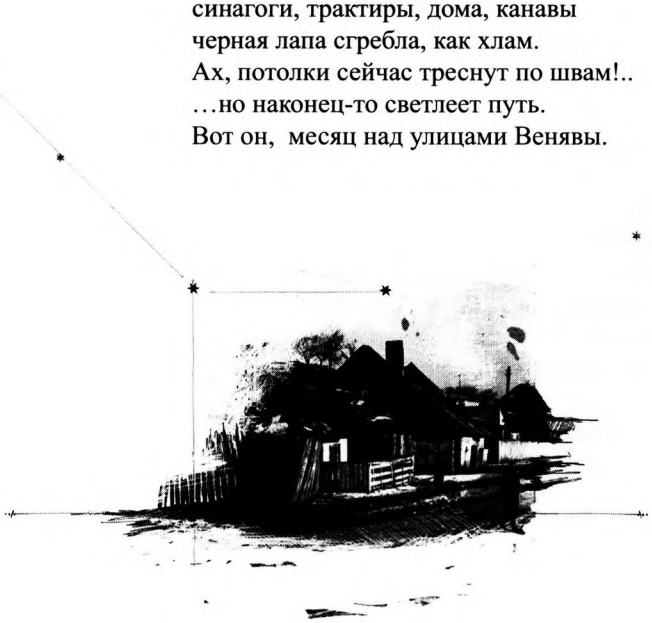
***

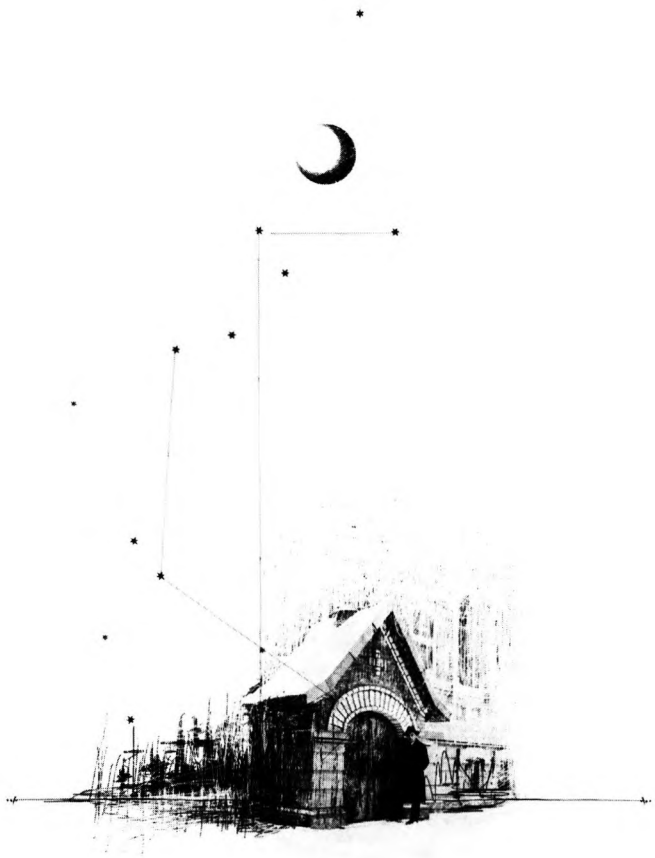
Темнее.
Холмы и рощи, река и лес
венками не застят очи.
Темнее.
Из чрева распахнутых настежь небес
бегут бесшумно медведи ночи.

К каждой душе
подбирая ключ,
будут бродить по улицам перегретым,
пока не рванет вулканом, пробив оболочку туч,
месяц,
весь мир заливая светом.

Гремит барабаном железо крыш.
Вверху и внизу ложится в неровный ряд
жемчужный лампас:
лампы в отвесной громаде горят
в этот поздний час.

Но лампой медведей не отпугнуть —
синагоги, трактиры, дома, канавы
черная лапа сгребла, как хлам.
Ах, потолки сейчас треснут по швам!..
…но наконец-то светлеет путь.
Вот он, месяц над улицами Венявы.





***

Путник, вот твой товарищ — круглый серебряный месяц далекий. Он пойдет с тобой в ногу, поведет тебя в город мертвых, где родные твои лежат под камнями и дерном. Посеребрит для тебя полукружье старых домов, покажет призраков в костеле у замка и снова в поля уведет по улице, что зовется Широкой, через Калиновщизну и Чвартек[1].

Это месяц, товарищ. И пусть называют его поэты лунным диском, голубем, серебряной лодкой небесной — для тебя это просто месяц. И, быть может, проступят в его очертаниях пан Твардовский[2] или святой Георгий. Ведь точно такой же месяц стоял над улицей нашей, когда мама рассказывала мальчишке: там святой Георгий с драконом борется. А было это в том самом городе, куда возвращаешься ты, словно блудный сын.

Ветер, вновь поднимается ветер. Оба они, вместе с месяцем, в сторону кладбища, к отцовским могилам бредут. И чьи-то голоса приносит ветер с башен и крыш городских.

***

Часы — печальные лица ночи —
сообщают пароль: пол — ночь, пол — ночь…
Внизу, под знаками зодиака —
льняные скатерти площадей.
И скованы улицы, длинные лодки мрака,
цепями оранжевых фонарей.

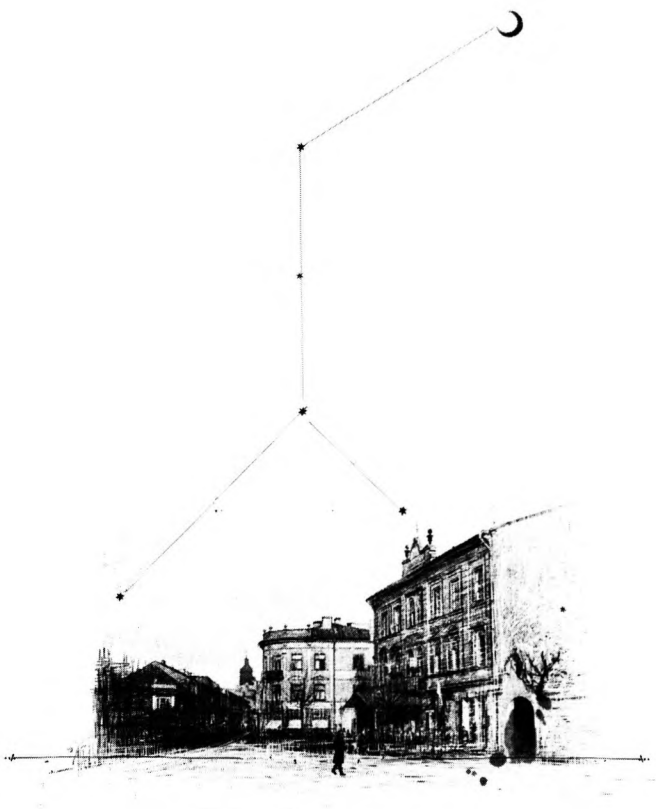
На краю Люблина —
прямоугольный
остров мертвых, и по ночам
декламируют громко каштаны и клены
поэму ветра надгробиям и цветам.

Глухие аллеи с голосом труб водосточных
что-то под нос бормочут.
И бледная тень звезды,
падая, прислоняется к папоротнику-полуночнику,
к зарослям резеды.

Забронзовевшие ангелы,
кресты из мрамора,
не отгоняя густой тополиный пух,
грудные клетки могил сдавили почти что намертво.

Где-то поет петух.

Но ты запомни, запомни, живой пока еще,
что написано на воротах кладбища:
«Я усну и стану прахом навсегда — но восстану я из праха в день Суда…»



***

Переполненный грустью, задумчивый, о мире не знающий ничего, идет путник по городу. Город глух. На улице главной то здесь, то там слышна болтовня запоздалых прохожих, то здесь, то там закрываются с лязгом ворота.

И шаги его опускаются на брусчатку — словно во сне, невесомо. Но идет-то он среди стен, ему хорошо знакомых. Не будь он рассеян, в сиянии фонарей прочел бы вывески на магазинах. Вон в том, на углу, ему в детстве купили жестяную трубу. Возле того, отправляясь на фронт, он прощался с матерью и сестрой. А вот и дом, где он пережил счастливейшие минуты. На третьем этаже открыто окно. Кто-то играет на пианино.

А теперь — темнота. Это не месяц за тучами скрылся. Это Краковские ворота черной мглой тебя обняли, путник. Проснись же, проснись, оглядись вокруг! Ты почти на площади Рынок.

***

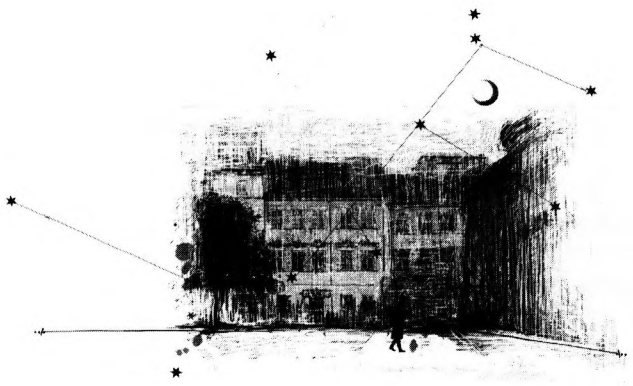
Камни, дома,
темные стены. По крыше
скатывается месяц, он уже низко-низко.
Подожди-ка. Постой, взгляни же:
словно жемчужина, он упадет сейчас в миску
рыночной площади —
та зазвенит,
услышишь.

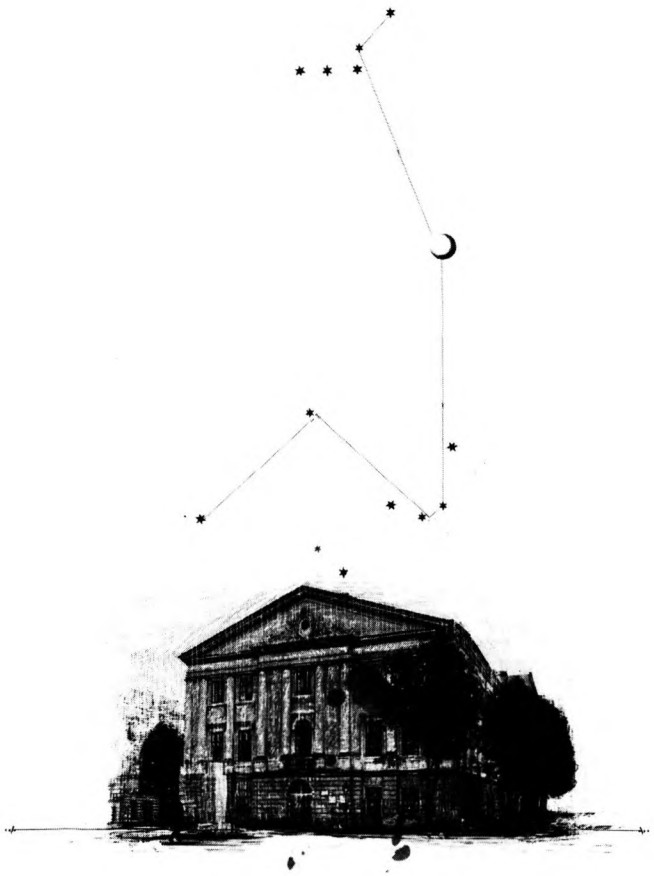
Серой ночью,
не сдвинувшись с места,
у окон, ворот и подъездов,
сломавшись, свои преклоняет колени
больной силуэт
фиалковой тени.

Звезды желтые — их срезал июльский зной —
летят, рассыпая стружки небесного драгметалла,
и, точно следы от пуль,
мерцают во тьме ночной
на окнах ослепших,
на здании трибунала.

Ночь летняя терпеливо ждет,
скользнет ли месяц, звеня игриво,
сойдет ли по улице Гродской вниз.
Серебряный легкий его полет
пахнет росой, как цветочный бриз…

…и до чего же красиво!





***

Но до утра далеко еще, хоть июльские ночи коротки. Можешь долго вот так стоять, вдыхая волшбу ночную.

Рынок. Вот дом Ацерна[3], вот дом Собеских. Вот и дом, где каменных львов силуэты парят на углу фасада. Помнишь, ну как же не помнить! Именно здесь ты узнал, что такое поэзия, слушая вечером голос старого города.

Преврати свою память в стихи. Сами эти слова — поэзия, память — узами кровными связаны.

***

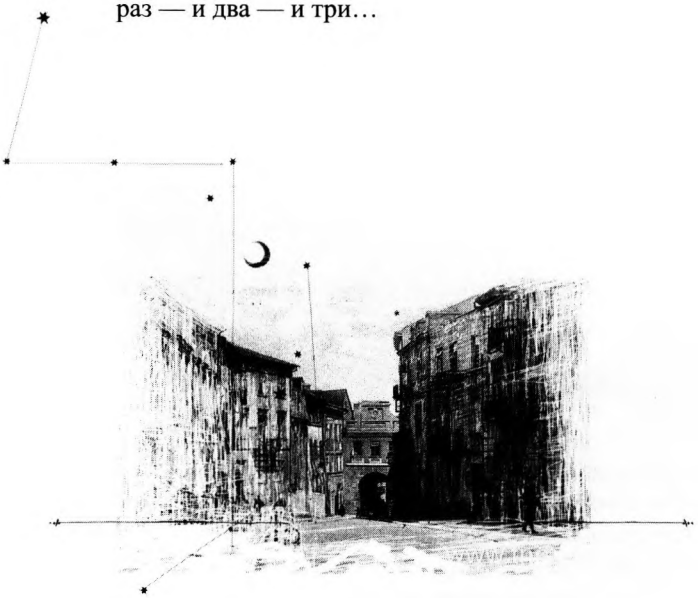
Вот и стихи:
Небо меняется, ветер лепечет что-то.
Бывало, летел он стрелой — а сейчас не шустрей улитки.
Небо шелестит фиолетовой шторой.
Ветер был ветром, а стал улыбкой.

На улице Доминиканской сливаются в хоре
нежные голоса во славу девы Марии,
и с Архидиаконской им вторят
одинокие скрипки, всегда вторые.

И радуги арка, увитая, словно плющом,
мелодичным молчанием крыш и окон,
на чело костела большим лучом
падает, словно локон.

А сейчас кто-то бронзовым кулаком
в нутро тишины колотит.
Это вечерний колокол
под церковным крестом
начинает гудеть металлической плотью:

раз — и два — и три…



***

В целом мире, путник, есть только месяц и шеренги домов, ветер и тени костелов, звезды и омуты улиц. Ты идешь и идешь, снова минуешь ворота, вверх бредешь переулками возле замка, стоишь перед низкой зарешеченной аркой. Над ней блестит ликторский пучок — розги и острый топор. И вот позади решетка и замковый двор, и ты прошел у подножия башни князя Даниила.
Ты в замковой часовне. Опустись на колени. Эта сокровищница — сердце Люблина, города Ягеллонов.

В окнах костела сияет лето
стоячей водой лунного света.

Темные своды пробил насквозь луч белесой эмали.
Как называется этот цвет, сумерки не сказали.
Бледный, но бледностью этой ярок,
бродит глухой коридор-скиталец —
словно ночь голубая, своего не теряя блеска,
серебряным водит перстом по стройной готике арок,
по старым фрескам.

Так ребенок, читая, водит по книге пальцем…

Здесь выписан на скале трон Богородицы, дальше —
Христос темноликий по двум одинаковым чашам,
раздвоившись, вино разливает.

Святые отцы-пустынники, Мария, цветы и птицы,
летящие крупными каплями с каждой стены,
архангелы, расскажите — о чем они, ваши сны?
Что там за апокалипсис орлам и драконам снится?

Нет, ни одной трубы ангельской не слыхать.

Месяц во мраке костела катится вспять.

За стеклом Орион мерцает.

***

Было время чудес и диковин. Всё прошло, стало буднично, серо. И лишь этот месяц…
Что ж, пора, тебе нужно идти. Спустись по улице Замковой во мрак переулков, вынырни из темноты на улице Широкой, которая и в самом деле широкая. А оттуда, через уснувшее предместье, ноги сами понесут тебя, ночной путник, в далекий мир. Оставь эти стены, хорошо знакомые тебе еще с тех времен, когда ты бегал здесь за деревянным колесиком, когда с восторгом глядел на многолюдную процессию в праздник Тела Христова, когда каждый сочельник таким был серебряным, что не в сказке сказать. А сейчас?
Тех людей уже нет, тех времен нет в помине. Но тень твоя, как всегда, идет рядом с тобой, и ночь отлита из лунного серебра. Оставь этот город, оставь его с легким сердцем — так же, как приветствовал ты его.

***

Флюгер поет, кружась проворно,
в небе паучья звезда взошла,
и фонари среди веток черных
сгорают почти дотла.

Теплый запах плывет из пекарни,
льется ночной тишины поток.
Если б не лаял пес на окраине,
как бы ты был одинок!

Если б не эта речушка,
чей голос почти не слышен,
подруга небес, лазурью раздетая,
живущая, как во сне,

которая с вечера до рассвета
вздыхает и жарко дышит
среди стен…

***

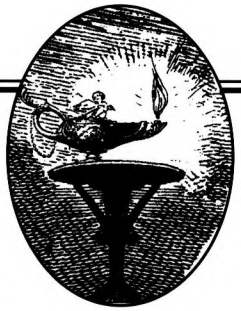
Доброй ночи, город старый, доброй ночи. Белые дороги уходят отсюда на север, свиваются в стёжки-дорожки, а те разливаются мелкими ручейками тропинок. И путник на одной из них становится маленькой точкой.

---

[1] Венява, Калиновщизна, Чвартек – названия жилых районов в Люблине. Прим. пер.

[2] Пан Твардовский – герой польской народной легенды и основанных на ней литературных произведений, якобы продавший свою душу дьяволу и до сих пор пребывающий на Луне.

[3] Ацерн – прозвище польского поэта Себастьяна Кленовича (1545–1602), прожившего в Люблине бо́льшую часть жизни. Дом № 2 на площади Рынок Кленович получил в качестве приданого, женившись на дочери люблинского заседателя Яна Вислицкого Агнешке.



Эльжбета Савицкая

КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА

» Кинофестиваль нынешнего года в Гдыне (14–19 сентября) должен был стать большим праздником польского кино. И стал им — вплоть до заключительной церемонии вручения премий, которая оказалась скромной, не помпезной, окрашенной грустью в связи с трагической смертью режиссера Мартина Вроны, принимавшего участие в конкурсе. «Золотых львов» — главную премию сорокового кинофестиваля в Гдыне за лучший фильм жюри под председательством Алана Старского присудила картине «Body / Тело» в режиссуре Малгожаты Шумовской. «Серебряных львов» получили «Эксцентрики, или на солнечной стороне улицы» в постановке корифея польской кинематографии 84-летнего Януша Маевского. Специальная премия жюри «за оригинальность художественной концепции и профетизм мертвого пикселя» досталась фильму «11 минут» в режиссуре Ежи Сколимовского. «Платиновых львов» за совокупность художественного творчества получил Тадеуш Хмелевский, режиссер многих незабываемых фильмов, таких, например, как «Ева хочет спать», «Где генерал?» или «Как я начал Вторую мировую войну».

Лучшими актерами были признаны Агнешка Гроховская, Кшиштоф Строинский и Януш Гайос. Премией за лучшую режиссуру отмечен автор фильма «Чуждый» швед Магнус вон Хорн, выпускник Лодзинской киношколы.

Премия журналистов и премия публики совпали, обе премии получил выдержанный в стилистике гротеска фильм Кинги Дембской «Мои дочки коровы» о болезни и умирании родителей. Без премии остался «Демон» Мартина Вроны. Режиссер определил жанр своей картины как хоррор, отсылающий к духовной традиции «Дзядов» Адама Мицкевича. Исходная точка — свадьба, которую нарушает прибытие дибука, явившегося не затем, чтобы пугать, а чтобы напомнить о прошлом. «Для меня главной темой была встреча поляков и евреев в мистической плоскости, — говорил Врона. — Это повесть о духовности, к которой мы сегодня все меньше обращаемся».

Сороковой кинофестиваль в Гдыне был фестивалем премьер: из 18 конкурсных лент в прокате было показано только пять.

Один из таких фильмов (вышел на экраны 11 сентября) — «Кербела», картина на военную тему, рассказывающая о сражении в Ираке в апреле 2004 года, когда отряды Аль-Каиды и Ас-Садра атаковали «Сити-холл», то есть ратушу Кербелы. Штурм, продолжавшийся четыре часа, отразили тогда, не понеся потерь, сорок польских и двадцать болгарских солдат. Нападавших погибло, по оценкам, около ста. «Такого фильма не постыдились бы американцы, — говорится в одной из рецензий. — А они мастера зрелищных повествований о геройствах крутых парней в мундирах, с бравурно развивающимся действием и горячими схватками в клубах пыли». Этот фильм режиссера Кшиштофа Лукасевича часто сравнивают с такой кинопродукцией, как «Черный ястреб» Ридли Скотта, а это серьезный комплимент.

» Польская оскаровская комиссия, работавшая под председательством Павла Павликовского приняла решение, что кандидатом на «Оскар» в категории «лучший неанглоязычный фильм» станет картина «11 минут» Ежи Сколимовского.

— Мы выбрали одного из лучших и оригинальнейших польских режиссеров. Его личность и творчество хорошо известны и ценятся на американском рынке. «11 минут» — это универсальный фильм, с динамичным кинематографическим языком, запечатлевающий хаос, какофонию и пустоту современного мира, — заявил председатель комиссии.

» Вроцлав обогатился прекрасным культурным центром. 4 сентября на площади Свободы, рядом с Вроцлавской оперой, торжественно открылся «Национальный форум музыки», один из самых современных концертных объектов в Польше. Сооружение стоило свыше 350 млн злотых.

Почти половина этой суммы поступила из средств Европейского союза. Министр культуры и национального наследия проф. Малгожата Омиляновская подчеркнула, что «Национальный форум музыки» — это один из крупнейших концертных залов в Польше: «Здесь столько же зрительских мест, сколько в концертном зале резиденции Национального симфонического оркестра Польского радио в Катовице, сданном в эксплуатацию в прошлом году, но вдобавок к этому еще три камерных зала. Пусть музыканты и меломаны решат, в каком из залов лучшая акустика». Министр добавила также, что музыканты и любители музыки оказались главными бенефициарами средств Евросоюза, направленных на культурные институции.

В здании «Форума» концертный зал на 1 800 мест, три камерных зала, помещения для конференций, офисов. У «Форума» шесть надземных и три подземных уровня, а общая площадь свыше 48 тыс. квадратных метров.

» **19 сентября концертом оркестра Национальной филармонии, исполнившего «Симфонию тысячи» Густава Малера, завершился пятидесятый фестиваль «Wratislavia Cantans» — крупнейший и наиболее престижный фестиваль академической музыки в Нижней Силезии. Юбилейное мероприятие прошло под девизом «Да здравствует «Wratislavia»!» Публика получила возможность услышать гимн «Magnificat» композитора эпохи барокко Миколая Зеленского, а также многие произведения современных авторов, в том числе Кшиштофа Пендерецкого. Перед вроцлавским слушателем с 9-й симфонией Густава Малера выступил Израильский филармонический оркестр под руководством Зубина Метты, одного из крупнейших современных дирижеров. Португальская пианистка Мария Жуан Пиреш исполнила 2-й фортепьянный концерт f-moll Фредерика Шопена. А хор Московской патриархии представил русские хоральные песнопения с XVI по XX век. Всего в рамках фестиваля нынешнего года состоялось 40 концертов — большинство во вновь открытом вроцлавском «Национальном форуме музыки».**

» Лауреатами юбилейной, в десятый раз присуждавшейся литературной премии «Гдыня» стали в этом году четверо мужчин. Решение капитула было оглашено во время торжественной церемонии 6 сентября. В категории «эссеистика» премию получил Петр Вежбицкий за эссе «Божий Бах», в категории «поэзия» — Петр Яницкий за сборник «Выражения признания», в категории «проза» — Михал Цихий за том «Всегда есть сегодня». В категории «перевод на польский язык» премия присуждена Виктору Длускому за новый перевод «Мертвых душ» Николая Гоголя. Лауреаты получили памятные рельефные «Литературные кубики» и денежные призы в размере 50 тыс. злотых.

» **Лауреатом премии Костельских 2015 года стал Щепан Твардох (р. 1979), автор опубликованного в прошлом году романа «Драх». Жюри под председательством Франсуа Россе отметило «масштабную панораму истории силезцев последнего века. «Драх» показывает, как сильно история многонационального сообщества обусловлена взаимным непониманием отдельных национальных групп, разнородностью культур и политических интересов, но одновременно в романе показано, что все герои равны перед лицом природы и ее зачастую жестоких законов». Твардох является автором романа-бестселлера «Морфий» (2012), за который получил «Паспорт «Политики»», премию читателей, сопутствующую литературной премии «Нике», «Силезский лавр» и рекордное число номинаций на другие премии. Торжественно вручение премии Костельских состоится 10 октября в Монтрише в Швейцарии.**

» «Драх» Щепана Твардоха вошел также в число семи финалистов литературной премии «Нике» наряду с другими пятью романами («Мать Макрина» Яцека Денеля, «Гугулы» Виолетты Гжегожевской, «Сонька» Игнация Карповича, «Якубовы книги» Ольги Токарчук, «Шум» Магдалены Тулли). Всего один поэтический сборник удостоился внимания жюри — «Сквозь сон» Яцека Посядло. Имя лауреата мы узнаем 4 октября.

» **12 сентября в Риме в четвертый раз вручались итальянские премии имени Рышарда Капустинского. Лауреатами стали в этом году**

британский писатель и историк Уильям Далримпл, итальянский журналист Джованни Де Мауро, а также поляк — Войцех Ягельский. Писатель и репортер, военный корреспондент, в последнее время журналист Польского агентства печати ПАП, свои наблюдения репортера и путешественника представил во многих книгах, в которых описывает Кавказ, Афганистан и ЮАР. Последняя книга, «Все войны Лары», представляет картину конфликта в Сирии глазами матери.

— Думаю, что, если бы не Рышард Капустинский, я никогда не стал бы журналистом. Во времена, когда была лишь одна правильная правды и цензура, это была не та профессия, которая будоражит воображение и мечты молодых людей. А то, что писал Капустинский, — совсем другое: большой мир, открытые пространства, приключения. Я все это находил в его книгах, — сказал Ягельский в Риме агентству ПАП.

» 3 сентября варшавский «Ох-Театр» показал премьеру спектакля по пьесе Теренса Макнелли «Мария Каллас. Мастер-класс», рассказывающей об уроках вокального искусства, которые Каллас давала в Джульярдской школе в Нью-Йорке. Премьеру в «Ох-Театре» подготовил Анджей Домалик, который несколько лет назад ставил эту же пьесу в театре «Повшехный». В роли великой певицы уже во второй раз предстала Кристина Янда. Более десяти лет назад она объехала с «Каллас» пол-Польши. В одном из интервью она сказала: «Это рассказ об артистке, которая отдала музыке все. О том, что жизнь без искусства не имеет смысла. Благодаря искусству повседневность приобретает краски, богатство и ценность». Здислав Петрасик в «Политике» высоко оценил работу актрисы: «Она не играет, она — это Каллас. Или, скорее, наоборот: Каллас — это Янда. Произносит текст пьесы, а кажется, что говорит от себя. Словно решилась в этот вечер на полную откровенность и рассказывает нам, что думает об искусстве, театре, жизни. И подпускает к себе еще ближе, когда говорит о любви, ревности, одиночестве. Прежде всего, однако же, об искусстве».

» **Лауреатом премии имени Конрада Свинарского, присуждаемой журналом «Театр», стал в нынешнем году актер и режиссер Анджей Хыра. Он получил премию за постановку оперы «Волшебная гора» (по мотивам романа Томаса Манна) композитора Павла Мыкетина. Премьера на познанском фестивале «Мальта» 26 июня текущего года прошла с большим успехом. Широкой публике Анджей Хыра известен, однако, главным образом по ролям в кино — например, в фильмах «Долг», «Судебный исполнитель», «Мы все Христы», «Зажмурь глаза».**

» 11 сентября в варшавском Этнографическом музее открылась выставка «Чары Полесья. Этнографическая экспедиция царского фотографа Исаака Сербова на земли бывшей Речи Посполитой», представляющая наследие выдающегося белорусского этнографа. Представлены снимки из собрания Национального исторического музея Республики Беларусь. Исаак Сербов (1871–1943), корреспондент Императорского Российского географического общества, считается первым фотографом-документалистом Полесья. На выставке можно увидеть фотографии мест, где он побывал летом и зимой 1911 года и летом 1912-го. Сербов — один из героев книги Малгожаты Шейнерт «Насыпать горы. Истории из Полесья». «При виде его велосипеда некоторые крестьяне в страхе прятались за плетнями, — рассказывала журналистка в одном из интервью. — Другие смеялись до упаду, потому что думали, что это циркач. Он должен был нанимать повозку или лодку. Российские ученые отдавали себе отчет в краеведческих достоинствах Полесья и в пригодности фотографии для этнографических исследований, поэтому выдали ему 60 рублей на путешествие и аппарат. Местные жители доверяли Сербову, в отличие от местных властей. В Петрикове полиция прогнала его с ярмарки, а когда ему все-таки разрешили вставить пластинку, то цыгане с лошадьми, полешуки с волами и евреи со всей мануфактурой уже разъезжались. Несмотря на трудности, он привез из поездки массу снимков с детальными данными: где живут сфотографированные, как их зовут, сообщал даже их рост в аршинах и вершках. Буквально накануне Первой мировой войны он создал картину мирной жизни в традиционной культуре». Снимки Сербова можно посмотреть в Этнографическом музее до 11 октября 2015 года.

Прощания

» 23 августа в возрасте 77 лет в Варшаве умер Ежи Камас, один из самых известных и любимых польских актеров театра и кино. Теснее всего он был связан с варшавским театром «Атенеум» (1971–2015), сыграв на его подмостках несколько десятков замечательных ролей. Он родился 8 июля 1938 года в Лодзи, учился на актерском факультете Лодзинской киношколы. Дебют состоялся в 1957 году на сцене «Театра Лодзинской земли» в пьесе «Кузнец, деньги и звезды» Ежи Шанявского. Позже он играл в лодзинском театра «Повшехный», а в 1964–1967 годах был актером Театра имени Словацкого в Кракове. Варшавский этап его карьеры начался в 1968 году на сцене Национального театра под руководством Адама Ханушкевича — Камас сыграл, в частности, Бьянчетти в «Небожественной комедии» Зигмунта Красинского, Инквизитора в «Святой Иоанне» Бернарда Шоу, Царя в «Кордиане» Юлиуша Словацкого, Клавдия в «Гамлете» Шекспира. С 1971 года он выступал на сцене театра «Атенеум». Ежи Камас играл в спектаклях, поставленных такими, например, режиссерами, как Януш Карминский, Казимеж Куц, Мацей Прус. За роль Фредерика в «Порнографии» Витольда Гомбровича (реж. Анджей Павловский) в 1985 году он получил премию президента Варшавы. Играл также в «Охоте на тараканов» Януша Гловацкого, «Чаепитии у Сталина» Рональда Харвуда, «Царе Эдипе» Софокла, «Преступлении и наказании» Ф.М. Достоевского и во многих других спектаклях. К наиболее известным работам Камаса в кино относятся роли в «Ночах и днях» Ежи Антчака, «Кун-фу» Януша Киёвского, «Долине Иссы» Тадеуша Конвицкого. В памяти телезрителей актер останется, прежде всего, как незабываемый Станислав Вокульский в телевизионном сериале 1977 года по роману Болеслава Пруса «Кукла», режиссером которой был Рышард Бер.

» 12 сентября после тяжелой болезни в Варшаве скончался Петр Цесляк — актер, режиссер, педагог, бывший директор театра «Драматичный». Ему было 66 лет. Он родом из Торуни. Окончил актерский факультет, затем факультет режиссуры Государственной высшей театральной школы в Варшаве. Участвовал в организации экспериментальной Пулавской театральной студии. Был актером варшавского театра «Студио», а с 1975 по 1979 год — театра «Повшехный». В 1993–2007 годах занимал пост директора театра «Драматичный» в Варшаве. Был режиссером спектаклей «А поутру они проснулись» по В.М. Шукшину, «Скотный двор» по Джорджу Оруэллу, «Свадьба, свадьба» по А.П. Чехову, «Мещанская свадьба» Бертольта Брехта, «Как вам это понравится» и «Все хорошо, что хорошо кончается» Шекспира, а также ставил пьесы Роланда Топора, Ханоха Левина, инсценировал Богумила Грабала, Витольда Гомбровича. Последним спектаклем, который Петр Цесляк ставил в театре «Драматичный», стала «Ивонна» по пьесе Витольда Гомбровича (2007 год). Он играл также в нескольких фильмах, в частности в «Человеке из мрамора» Анджея Вайды, «Носильщике пуха» Януша Киёвского. С 1973 года был педагогом Варшавской высшей театральной школы, в 1987–1990 годах — заместителем декана актерского факультета, а в 1990–1993 — проректором этого вуза.

» 19 сентября в Гдыне покончил с собой талантливый, отмеченный премиями режиссер молодого поколения Мартин Врона. Он был также сценаристом и кинопродюсером. В числе поставленных им фильмов — «Моя кровь» и «Крещение», а также «Демон», представленный на главный конкурс кинофестиваля в Гдыне в нынешнем году. На телевидении он ставил многие известные спектакли (в их числе «Коллекция» по Гарольду Пинтеру, «Мораль пани Дульской» Габриэли Запольской). Был членом Европейской и Польской киноакадемий. Выпускник киноведческого факультета Ягеллонского университета в Кракове, а также режиссерского отделения факультета радио и телевидения Силезского университета в Катовице, он окончил также высшую школу режиссерского мастерства Анджея Вайды и Институт кино им. Морица Бингера в Амстердаме (2005). С 2006 года преподавал режиссуру на факультете радио и телевидения Силезского университета в Катовице. Мартину Вроне было 42 года.

Эва Фуртак

ПОСЛЕДНИЙ ТАКОЙ ПЕРЕПИСЧИК

Бывший ткач из города Бельско-Бяла уже много лет переписывает произведения выдающихся польских писателей. От руки, старательно, гусиным пером, которое обмакивает в чернила. Однако, когда один из коллекционеров давал ему за переписанного вручную «Пана Тадеуша» сумму, эквивалентную стоимости нового автомобиля, бедный копиист не согласился.

Последний польский переписчик болен сахарным диабетом. У него нет медицинской страховки, он нерегулярно принимает лекарства и совершенно не заботится о себе, так что иногда дела его совсем плохи. Живет этот человек то в блочном доме, то в созданном им самим музее литературы. Однажды у него парализовало ноги. Он упал и не мог встать. Лежал на холодном полу и ожидал чуда. Сотового телефона у него не было, так что позвать на помощь он не мог. Произошло это как раз в один из тех всё более многочисленных дней, когда в его музей никто не заглядывал. Сколько времени он так пролежал? Точно неизвестно, но вполне может быть, что несколько дней. К счастью, паралич прошел сам по себе, и он как-то поднялся на ноги.

Сейчас этот немолодой мужчина дождался нескольких фраз о себе в Википедии, где он представлен как один из немногих популяризаторов отечественной литературы, лауреат ордена канадского фонда Реймонта (The Reymont Foundation).

В начале был сон

63-летнего Тадеуша Моджеевского в городке Бельско-Бяла знают все, по крайней мере, в лицо. Невысокий, с длинными седыми волосами. Его не приглашают на премьеры и вернисажи, он не гармонирует с дамами в платьях и господами в костюмах. Наверно, никогда не получить ему и премию «Икар» — награду от властей города за достижения в искусстве. В конце концов, он ведь окончил всего лишь два класса профессионального училища и не попал в лицей с художественным уклоном. А вдобавок — о, ужас! — его иногда можно увидеть употребляющим спиртные напитки. «Я — человек из сточной канавы», — говорит он порой о себе.

Бельско-Бяла была когда-то мощным центром текстильной промышленности. Тадеуш Моджеевский десяток с лишним лет проработал на здешних фабриках ткачом. И вот ему как-то приснился Владислав Реймонт. Сам он в этом сне был ткачом, а Реймонт — портным. «Мужиков» Моджеевский взял в библиотеке. Прочитал несколько страниц, но запомнить ничего не мог. У него дислексия. Тогда он решил переписать все четыре тома. «Так я лучше запомню», — подумал он и начал копировать знаменитый роман от руки, гусиным пером, макая его в чернила. Шел 1982 год. Закончил он свой труд восемь лет спустя. Причем собственноручно проиллюстрировал каждый том. «Мужики» полностью поглотили его. Стены своей двухкомнатной квартирки в бельском крупноблочном микрорайоне он разрисовал красочными сценами из деревни Липце[1]. Моджеевский превосходно знает эти места, он был там десятки раз.

Когда он заканчивает переписывать очередную книгу, то едет в Варшаву — возложить цветы на могилу Реймонта.

Музей им. Реймонта

Кроме Реймонта, Моджеевский начал переписывать произведения Крашевского, Сенкевича и Мицкевича. В конце каждой из изготовленных им книг он размещает выходные данные (разумеется, по-польски): «Printed in Poland. Домашнее издательство — Тадеуш Моджеевский, Бельско-Бяла, издание I, тираж: 1 экземпляр». Копирование «Пана Тадеуша» заняло у него четыре года. Ему пришлось

отказаться от работы на фабрике, не было возможности сочетать эти два занятия. Но оказалось, что его творчество интересует людей. Молва о бельском писце-копиисте быстро разошлась.

В двери его квартиры начали стучаться посетители. Тогда Моджеевский решил поискать какое-нибудь помещение для музея. На протяжении нескольких лет он ходил по учреждениям и, наконец, в 1989 г. выпросил пристанище в центре города — полуразвалившуюся мастерскую в старом каменном доме. Засучил рукава и взялся за работу. Потолок покрасил в зеленый цвет, расписав его узорами, которые характерны для народного искусства в окрестностях Ловича. На стенах развесил написанные им самим картины. В коридоре расположил календарь — четыре времени года, а в комнате — живописное изображение свадьбы Борыны[2]. Наконец, в окне — витраж с портретом Реймонта.

Это обустроенное им самим место Моджеевский назвал — да и как могло быть иначе — Музеем литературы им. Владислава Реймонта. Частный музей начал притягивать посетителей. На сегодняшний день его посетило больше 90 тыс. человек. Побывали у Моджеевского правнуки Реймонта, приезжали к нему гости из Чили, Токио, Таиланда. Принимал он здесь также актера Даниэля Ольбрыхского и актрису Эмилию Краковскую.

Проблемы и бескорыстная помощь

Билеты в этот музей не продаются. Содержится он на те деньги, которые люди бросают в кружку для пожертвований, никаких дотаций музей не получает. На Моджеевском уже висит несколько тысяч злотых просроченной арендной платы за помещение, ему отключили электричество, в музее нет отопления. Из-за сырости внутри него значительно холоднее, чем на улице. Но, несмотря на это, бельский писец продолжает стоять на посту. Воспроизводит очередные книги при свечах. Когда собирающий различные издания «Пана Тадеуша» коллекционер из Люблина предлагал ему за переписанную книгу сумму, эквивалентную стоимости нового автомобиля, Моджеевский не согласился. Отказался он и тогда, когда один иностранный фонд хотел скупить всю его коллекцию на корню, заплатив за нее долларами.

Из бельской городской управы, когда Моджеевский приходит туда за помощью, он уходит не солоно хлебавши. «У нас нет юридических возможностей, чтобы поддержать его. Мы многократно уговаривали Моджеевского учредить какое-нибудь объединение либо общество или же присоединиться к любому из уже существующих, но он не проявлял заинтересованности», — говорит Томаш Фицонь, представитель бельской ратуши по связям с общественностью.

Проживающий в Англии Цезарий Василевский, один из создателей бельского Фонда поддержки культурных и общественных начинаний «Аксамит», с сочувствием относится к Моджеевскому. Он считает, что к Тадеушу прилипло клеймо пьяницы и человека, с которым у чиновников одни только проблемы. Поэтому им трудно втиснуть Реймонта — ибо зачастую в городке говорят о Моджеевском именно так — в официальные рамки. А между тем — по мнению Василевского — во времена всеобщей унификации есть смысл беречь неповторимые явления.

К счастью, некоторые жители города думают точно так же. В своем почтовом ящике Реймонт порою находит деньги. Люди приносят ему еду, одежду, постель. Одна известная в городе дама привезла элегантные костюмы, оставшиеся после ее мужа. Недавно Моджеевский получил сотовый телефон. Кто-то помог ему подготовиться к участию в «Ночи музеев», напечатал листовки, разослал необходимые сведения в средства массовой информации. Пришло почти сто человек.

gazeta WYBORCZA.PL

[1] Липце — деревня в Лодзинском воеводстве неподалеку от г. Лович; Реймонт некоторое время там работал, но известна она в основном как место действия его эпопеи «Мужики». С 1983 г. местность носит название Липце Реймонтовске. Здесь и далее прим. пер.

[2] В романе «Мужики» действие происходит от жатвы до жатвы, и повествование разделено на четыре части: «Осень», «Зима», «Весна» и «Лето». В основе его — история отношений старика Мацея Борыны, первого хозяина на деревне, с его сыном Антеком, у которого есть жена Ганка и трое детей, но он, как и многие жители деревни, увивается за своей мачехой, молодой демонической красавицей Ягной.

Густав Герлинг-Грудзинский

Перевод Владимира Окуня

КАФКА В РОССИИ

У появления Кафки в России есть своя история. В течение нескольких десятилетий пражский визионер принадлежал и, теоретически, по сей день[1] принадлежит к «Проклятой троице»: Пруст-Джойс-Кафка. Эту троицу клеймили при каждом удобном случае, пока, наконец, она не стала классическим отрицательным штампом, чем-то вроде «блока Троцкого-Зиновьева-Бухарина» в области литературы. Советским инквизиторам ничуть не мешало то, что они не читали обрекаемых на сожжение авторов. Их единомышленники на Западе, которые Кафку читали, тоже требовали разжечь для него костер. Гостовец[2] вспоминает: «Коммунистический еженедельник «Аксьон», редактором которого был Пьер Эрве, сообщал в 1946 году о результатах проведенного среди читателей опроса на тему: «Следует ли сжечь произведения Кафки?». Но почему их нужно сжигать? Редакция мотивировала это приблизительно в том духе, что мрачный пессимизм Кафки, будучи продуктом морального разложения буржуазии, бросает тень на блестящие перспективы, начертанные для человечества гением Сталина. На вопрос, поставленный таким образом, из всех департаментов Франции раздалось рычание варваров: «В огонь, в огонь!»! Только в самом конце какой-то насмешник заявил, что считает опрос беспредметным, ибо произведения Кафки уже сожгли гитлеровцы: уцелело лишь цюрихское издание, но сомнительно, что удастся уговорить швейцарцев его сжечь. На этом опрос был закончен».

Опрос признали беспредметным и завершили во Франции, однако в России и странах народной демократии всё новые руки поддерживали символический истребительный огонь, как если бы речь

[1] Очерк опубликован в декабре 1965 года. — Здесь и далее прим. пер.

[2] Павел Гостовец — псевдоним эссеиста и литературного критика Ежи Стемповского.

шла, по меньшей мере, о священном пламени революции. Кафка даже опередил двух своих товарищей по проскрипционному списку; казалось, он угрожал самим основам «социализма», в нем видели квинтэссенцию «отравы». В его родной Праге поиски следов и упоминаний об авторе «Замка» туристами считалось «провокационным актом». «До 1962 года, — признает через много лет чешский германист и бывший обвиняемый на процессе Сланского[3], Эдвард Гольдштюкер, — в нашей стране добраться до большинства книг Кафки и о Кафке было непростым делом, требовавшим упорства и настойчивости». Если бы новые властители Градчан не опасались обвинений в предрассудках, они велели бы сровнять с землей могилу писателя на еврейском кладбище в Праге. Впрочем, эту могилу посещали лишь немногочисленные гости с Запада. Может быть, по ночам черный призрак чахоточного с горящими глазами парил, подобно одинокому ворону, над городом големов.

Первый сигнал к постепенному тушению символических костров был дан в Польше, в которой с довоенных времен имелся превосходный перевод «Процесса», принадлежавший Бруно Шульцу. Красноречивы здесь и выбор текста, и точная дата появления Кафки в Польше: «Исправительная колония» в переводе Витольда Вирпши вышла в октябрьском номере журнала «Твурчость» за 1956 год. Для многих читателей — особенно, молодых, уже настроенных на бунт в собственной исправительной колонии — это был текст «пророческого звучания».

Из Польши недогоревший Люцифер проник, неся свой сумрачный свет, в Венгрию, родную Чехословакию и Югославию; но лишь в качестве предмета для дискуссии в кругах партийных еретиков и их искусителей-иноверцев. По-настоящему поворотным моментом следует считать июль 1962 года. В Москве, на Всемирном конгрессе сторонников мира, Жан-Поль Сартр открыто упомянул о Кафке. Сделал он это дипломатично, стараясь убедить хозяев мероприятия, что автор «Америки», осуждаемый на Востоке, автоматически превращается в «оружие холодной войны» на Западе. Посев из столь значимой и кокетливой руки обязан был дать скорый урожай. В конце того же года советская цензура позволила Виктору Некрасову в заметках о путешествии по Италии посетовать на незнание Кафки: такое «постыдное признание» имело место в разговоре русского писателя с Альберто Моравиа. В то же самое время в Праге бросился в атаку упоминавшийся выше Гольдштюкер. Он призвал «просвещенных марксистов» отобрать Кафку у Брода[4], который незаконно и безнаказанно присвоил его в качестве якобы религиозного мыслителя. «Прежде чем это произойдет, мы должны выполнить одно важное условие: нашей обязанностью является проследить, чтобы даже в самом мрачном воображении не возникла аналогия между нашими учреждениями и кафкианским видением бюрократических преследований и жестокостей. Что прозвучало, вопреки намерениям автора, как маленький рассказ Кафки о второй великой державе.

В мае 1963 года Гольдштюкер организовал в Либлице конференцию, целью которой было адаптировать Кафку к социалистическому обществу. Эрнст Фишер, венский писатель-коммунист и критик, задал хозяевам драматичный вопрос: «Дадите вы, наконец, Кафке въездную визу?». Роже Гароди, видимо, подзабывший, что в его родной партии когда-то раздумывали над тем, следует ли сжечь произведения Кафки, мастерски направил процесс автора «Процесса» на новые рельсы: чтобы заведомо избежать опасных аналогий, беспокоивших «просвещенных марксистов», он предложил приписать воспроизводимое Кафкой состояние «отчуждения» скорее современному индустриальному обществу, нежели какой-либо конкретной политической системе.

В очередной раз Кафка выплыл на поверхность в Ленинграде в июле 1963 г., во время международного симпозиума на тему романа: Федин повторил там ex-cathedra[5] официальную формулировку о «Проклятой троице». Гости из Парижа, Натали Саррот и Роб-Грийе, не скрывали своего раздражения. Гости из Праги, Иржи Гайек и Ладислав Мначко, энергично выступили от имени «просвещенных

[3] Процесс Сланского — проходивший в Чехословакии в 1952 г. показательный суд над группой видных деятелей Коммунистической партии, пытавшихся выстроить дружественные отношения с лидером Югославии Иосипом Броз-Тито

[4] Макс Брод (1884–1968) — немецкоязычный чешский и израильский писатель, философ, публицист и журналист. Был другом, душеприказчиком, публикатором и биографом Ф. Кафки.

[5] С кафедры (лат.). В прямом смысле – «с папского престола», в переносном – непререкаемо, безапелляционно.

марксистов». В связи с этим, немедленно был мобилизован Великий Умиротворитель, то есть Эренбург, который сказал, что Кафку не любит, но не отрицает, что это значительный писатель…

Русский приход Кафки был подготовлен. Он состоялся в январе 1964 г. на страницах «Иностранной литературы». Для этого события были выбраны «Превращение» и «Исправительная колония».

Присцилла Джонсон в предисловии к собранию документов «Khrushchev and the Arts. The Politics of Soviet Culture 1962-1964» («Хрущев и искусство. Политика советской культуры 1962–1964 годов»), считает этот приход сенсационным: «Особенно поражает предоставление доступа советскому читателю к «Исправительной колонии», представляющей собой притчу о диктатуре, описание того, как трудно сравнительно мягкому правителю выбросить на свалку орудия пыток своего безжалостного предшественника». Здесь стоит добавить, что редактор «Иностранной литературы» Борис Рюриков считается одним из самых неисправимых сталинских бюрократов. Из заметки Книповича, сопровождавшей русский перевод, и из статьи Затонского в «Литературной газете» можно сделать вывод, что путь в Россию Кафке, в конечном счете, проложили «социалистические» писатели на Западе: стало слишком затруднительно дальше сражаться огнем и мечом с автором, которого «хорошие товарищи» и «друзья Советского Союза» за границей произвели в «реалисты», обнаружив в его писаниях «предчувствие фашизма».

Посвященным это «предчувствие фашизма» кое о чем напоминает. Много лет тому назад, после начала советско-германской войны, подобный амнистирующий прием был использован в отношении другого изгнанника сталинизма — Достоевского. «Бесы» вышли с комментарием, указывавшим на постоянно присутствующее в книге «предчувствие гитлеризма». Обстоятельства благоприятствовали такой деликатной операции. Не зеркало было виной тому, что вместо задуманного одного предчувствия оно отразило два одинаковых.

Важный вопрос: как реагируют на «Исправительную колонию» советские читатели? В соответствии с предписанием официальных комментаторов? Или расширяя, вместе с польскими читателями журнала «Твурчость» от октября 1956 г., «пророческое звучание» притчи на опыт с более знакомым привкусом? Другими словами, отразило ли зеркало одно «предчувствие» или снова два? Попытки ответить на эти вопросы, естественно, не могут выйти за пределы догадок. Но, как мы увидим, здесь у догадок есть твердая почва под ногами.

◆◆◆

Предложение реалистической интерпретации Кафки не является изобретением «просвещенных марксистов», поскольку прилагательное «кафкианский» давно уже используется по отношению к многочисленным, преимущественно мрачным явлениям нашего времени. Называя Кафку религиозным мыслителем, сравнивая его с Паскалем и Кьеркегором, Макс Брод был, в принципе, прав, однако в то же время совершал ошибку, типичную для всякого ревнивого толкователя, предлагающего свой «ключ» как единственный, окончательный и не допускающий дополнений. Нужно при этом помнить, что Брод издал свою биографическую книгу в 1937 г., когда пророческий реализм некоторых видений Кафки не был еще достаточно ярким. Позже его яростная полемика с Гюнтером Андерсом, видевшим у Кафки нечто вроде бессознательного предвосхищения тоталитаризма, была уже упрямством обладателя и защитника «неприкосновенной истины». Несомненно, вина в «Процессе» обладает характером *par excellence*[6] сверхъестественным, но реальное судопроизводство вскоре позволило нам наблюдать подобные процессы своими глазами либо испытывать их на собственной шкуре. Несомненно, «Замок» — это роман о Милосердии, в котором отказывают человеку у врат Неземной Власти, но усовершенствованная земная власть вскоре приучила нас к подобному тщетному стуку в дверь и ожиданию. Отсюда появилось и приобрело популярность прилагательное «кафкианский» для определения аналогий, которых так опасается Гольдштюкер. Суть дела метко ухватил Вилли Хаас[7], заметив, что у Кафки был прекрасный дар выводить реальное из реального, начинать с чего-то конкретного и погружаться мыслью во что-

[6] Главным образом (франц.)

[7] Вилли Хаас (1891 –1973) – немецкий киносценарист и публицист.

то, оказывающееся стократно более конкретным. Это значит, что исходной точкой для Кафки всегда была действительность, но *in statu nascendi*[8], еще невидимая для его современников, слабо различимая даже для него самого. Он углублялся в нее мыслью и «потаенным зрением» до тех пор, пока в романе или рассказе не появлялись три измерения: видения, управляемого законами собственной логики («фантазии» Кафки), конфронтации человека с Богом или Роком («религиозные притчи» Кафки), преувеличенной проекции зарождающихся реальных тенденций («увеличительные стекла» Кафки). Это третье измерение вырастало по мере созревания зародышей и их обрастания телом.

Вот почему сегодня Кафка несравненно больший «реалист», чем при жизни и сразу после смерти, а кафкианские «предчувствия» и «пророчества» стали ходкой монетой, не без ущерба, впрочем, для трехмерной целостности его произведений. Все зависит от того, кто, где и когда Кафку читает. Когда Брод читал «Исправительную колонию» в Праге на пороге Первой мировой войны, она была для него лишь современным переложением Книги Иова, изображением человека, который не понимает жестоких и несправедливых приговоров Бога. Трудно ожидать, чтобы такой интерпретацией ограничился польский или советский читатель в 1956 или 1964 году от Рождества Христова.

Так что, «предчувствие фашизма» — не мистификация, у него даже, как мы видим, есть предшественник в «предвосхищении тоталитаризма» Гюнтера Андерса, но в случае с этим рассказом Кафки параллелизм поражает своей неожиданной специфичностью.

Иностранный «ученый-путешественник» посещает исправительную колонию. Высокого гостя приглашают на экзекуцию солдата, который должен погибнуть в неописуемых муках под движущейся бороной промышленной пыточной машины. «Особый аппарат» был изобретен прежним комендантом. «Структура всей исправительной колонии — его дело, и мы (поясняет офицер, руководящий экзекуцией), его друзья, знали уже в час его смерти, что структура этой колонии настолько целостна, что его преемник, будь у него в голове хоть тысяча новых планов, никак не сможет изменить старый порядок по крайней мере в течение многих лет»[9]. Старый комендант «соединял в себе все: он был и солдат, и судья, и конструктор, и химик, и чертежник». Известен ли осужденному его приговор? «Нет, — отвечает офицер, — было бы бесполезно объявлять ему приговор. Ведь он же узнает его собственным телом». Дана ли ему возможность защищаться? Экзекутор терпеливо объясняет: «Дело обстоит следующим образом. Я исполняю здесь, в колонии, обязанности судьи. Вынося приговор, я придерживаюсь правила: «Виновность всегда несомненна». Другие суды не могут следовать этому правилу, они коллегиальны и подчинены более высоким судебным инстанциям. У нас все иначе, во всяком случае, при прежнем коменданте было иначе». Приговоренный равнодушно смотрит на пыточную машину, его интересуют только ее конструктивные особенности. Прокалывающая тело борона спроектирована так, чтобы надпись, всякий раз иную, с соответствующей заповедью, жертва «разбирала своими ранами». Офицер вздыхает по ушедшей эпохе: «При старом коменданте колония была полна его сторонников; толпы зрителей наблюдали за экзекуцией, зная, что торжествует справедливость». А теперь? Теперь заграничный «ученый-путешественник» — единственный зритель. Более того — офицер подозревает, что высокий гость был приглашен на экзекуцию для того, чтобы его возмущение использовать как повод для ликвидации прежней системы. Ведь новый комендант скорее неохотно терпит гениальное изобретение своего предшественника. Офицер, однако, надеется вызвать у гостя не возмущение, а восхищение и, таким образом, спасти несравненную машину, то есть цель, которой он служит. В какой-то момент, уже подробно объяснив ему действие «особого аппарата», он открыто просит его о заступничестве перед новым комендантом. Гость отказывается. На это офицер велит убрать осужденного, лежащего под бороной, раздевается донага, ложится на его место и запускает машину в действие. «Если судебный порядок, которым дорожил офицер, был действительно так близок к концу, офицер поступал сейчас совершенно правильно». Машина убивает палача, но сразу после этого разваливается сама. С места казни «ученый-путешественник» возвра-

[8] В состоянии зарождения (лат.)

[9] Цитаты из рассказа Ф. Кафки «В исправительной колонии» даны в переводе С. Апта, в котором рассказ был впервые опубликован в 1964 г. в «Иностранной литературе».

щается в главный поселок исправительной колонии, где ему показывают могилу старого коменданта с надписью на камне: «Здесь покоится старый комендант. Его сторонники, которые сейчас не могут назвать своих имен, выкопали ему эту могилу и поставили этот камень. Существует предсказание, что через определенное число лет комендант воскреснет и поведет своих сторонников отвоевывать колонию. Верьте и ждите».

Многое известно о реакции польских читателей на «Исправительную колонию» в октябре 1956 года. Легко угадать, как эту пророческую притчу, ознаменовавшую приход Кафки в Россию, прочитали бывшие советские подчиненные Старого Коменданта. А может быть, редактора «Иностранной литературы» взволновала и подтолкнула к напечатанию та надпись на надгробном камне?

Постскриптум

Уже после написания этого очерка из Москвы пришло известие об издании русского перевода «Процесса» Кафки. Тираж расхватали за несколько часов.

Кароль Яниковский

КЛАССИКИ РОКА ДЕРЖАТ УДАР

Начало 90-х годов XX века в Польше принесло перемены не только в сферу экономики и политического устройства — перелом 1989 года коснулся также литературы, музыки и кино. С 1991 года артистам уже не нужно было согласовывать свои произведения с органами цензуры. Польское художественное агентство перестало решать, кому можно выпустить пластинку, а кто, подобно ченстоховской джазово-авангардной группе «Tie Break», недостоин увековечить свою музыку на виниле. В новых политических условиях независимое искусство оказалось коммерчески привлекательным. На музыкальном рынке произошла самая настоящая революция — виниловые пластинки и кассеты были вытеснены серебристыми кружками CD-дисков. Эстрадная музыка постепенно оказалась на свалке, и ее место занял рок. Люди жадно поглощали всё новое, не отмеченное печатью социалистической Польши. На целые годы были преданы забвению несколько шедевров кинематографии, к примеру, фильмы Войцеха Ежи Хаса «Рукопись, найденная в Сарагосе» и «Санаторий под клепсидрой», изданные на DVD сначала в других странах мира (США, Канаде, Франции, Японии), а уже потом в Польше. Это было время творческого взлета таких групп, как «Культ», «Республика» Гжегожа Цеховского и «Хей» Катажины Носовской. Именно тогда и появилась группа «Светлики» («Светлячки»).

Начало их творческой деятельности пришлось на 1992 год. «Светлики» появились в Кракове, в состав группы вошли поэт Мартин Светлицкий и музыканты коллектива «Труппа Вертера Утрата» во главе с Гжегожом Дыдухом, профессиональным патоморфологом. На первом концерте группы среди гостей случайно оказались Чеслав Милош и Вислава Шимборская. В 1993 году вышел первый альбом «Светликов», называвшийся «Концентрационный сад». Годом ранее журнал «бруЛион» выпустил дебютную книгу стихов Мартина Светлицкого «Холодные страны».

«Концентрационный сад» резко выделялся на фоне ранее выходивших в Польше музыкально-поэтических альбомов. Подход «Светликов» не имел ничего общего с принятой в ПНР традиции исполнения стихов под музыку, традиции, яркими представителями которой были Эва Демарчик и Марек Грехута, а также барды — Яцек Качмарский и Пшемыслав Гинтровский. Главную роль здесь сыграли стихи Светлицкого, совершенно не похожие на тексты бардов. «Светликов» определенно нельзя было упрекнуть в слишком мягкой стилистике, свойственной стихам Ежи Харасимовича и прочно ассоциирующейся с такими исполнителями авторской песни, как Пшемыслав Гинтровский и Магда Умер. «Светлики» с самого начала сделали ставку на исполнение собственных произведений, и это радикально отличало творчество группы от того, что делали Марек Грехута и Эва Демарчик.

В музыкальном отношении группа Дыдуха и Светлицкого всегда находилась под сильным влиянием польской рок-музыки 80-х годов прошлого века. В песнях «Светликов» можно легко различить мотивы панк-рока, регги и альтернативной музыки, характерные для групп независимой сцены Трое-градья (Гданьска, Гдыни, Сопота), таких, как «Белизна» и «Аптека». Мощное рок-н-ролльное звучание и мелодекламация значительно усиливали смысловой посыл текстов. Если сравнить «Светликов» с группой «Анава», первым коллективом Грехуты, можно заметить, как менялась в Польше сама концепция музыкальной группы. Группа Яна Канты Павлюскевича претерпела серьезную эволюцию от студенческого кабаре, балансирующего на грани ярмарочного балагана и лирической песни, до самостоятельной группы превосходных музыкантов, которые в 1972 году расстались с Грехутой, чтобы записать альбом «Анава», проникнутый духом авангарда, джаз-рока и поэзии Лешека Александра Мочульского. Такие музыканты, как гитарист Марек Яцковский, основавший группу «Маанам» и вместе с другим членом «Анавы», флейтистом Яцеком Осташевским, стоявший у истоков коллектива «Оссиан», или скрипач Збигнев Водецкий, снискали большой успех на польской сцене, занявшись сольной карьерой. Такое большое количество знаменитостей, разумеется, способствовало весьма

высокому исполнительскому уровню записанных вместе с Грехутой композиций, но в итоге каждый из музыкантов пошел своей дорогой. В случае же «Светликов» всё было иначе — за последние без малого два десятка лет состав группы на претерпел особенных изменений.

Стихи Светлицкого сделали группу своего рода антиподами Яцека Качмарского и Пшемыслава Гинтровского. Наиболее характерным примером такого подхода служит композиция «Оплеванный 44», в которой мы слышим: «Когда-нибудь этот город будет принадлежать мне / пока что я брожу и глазею / пока тишина / когда-нибудь по реке Висле / придет корабль пиратов / с пятью мачтами двадцатью пушками / они спросят, кто здесь Светлицкий? / а я тогда встану среди площади / и буду показывать пальцем / этого, этого, этого, эту, этого грохнуть, эту ликвидировать / всех / Краков и Новая Хута, Содом и Гоморра / из Содома в Гоморру ходят трамваи / хожу по городу, хожу по городу / оплеванный, оплеванный, оплеванный».

Лирический герой текстов Светлицкого занимает диаметрально противоположную по отношению к бардам позицию. Он не участвует в политической жизни, не пытается, подобно Качмарскому, просвещать публику относительно событий мировой истории или произведений искусства («Ялта», «Сентябрьская баллада», концертные альбомы «Музей» и «Рай»). Поэзия Светлицкого сосредоточена на переживаниях и мировоззрении отдельной личности — склонного к провокациям индивидуалиста, которому близко все, что назначено мраком, грязью и злом. Об этом свидетельствует хотя бы само название дебютного альбома — «Концентрационный сад», равно как и обложка пластинки, содержащая порнографические снимки 20-х годов прошлого века.

Несмотря на все эти различия, «Светлики», как Яцек Качмарский и Марек Грехута до них, стали голосом своего поколения, вступившего во взрослую жизнь в начале 90-х годов двадцатого века. Новый общественный уклад требовал новых лидеров, нового содержания и новых подходов, благодаря чему поэзия Светлицкого и музыка его группы идеально совпали со своим временем.

*

В ноябре 2014 года в музыкальных магазинах появился двойной альбом с архивными записями группы «Кризис», легенды польского панк-рока. Вскоре после его выпуска меломанов ждал еще один подарок — переиздание первого винилового альбома группы, выпущенного в 1981 году во Франции звукозаписывающей фирмой «Барклай» и известного среди фанов под названием «Повелитель мух». До переиздания эта пластинка считалась одним из главных раритетов польского панк-рока. В 2010 году возрожденный коллектив записал альбом «Кризис коммунизма», а пятью годами ранее в свет вышел двойной сборник «Долина кукол: tribute to «Кризис». До появления вышеназванных дисков о творчестве группы можно было составить представление исключительно по кассетному альбому «78-81», выпущенному в 1996 году студией Роберта Брилевского «Злота скала», а также по уже упомянутому французскому винилу, стоившему на интернет-аукционах бешеных денег. В 2012 году вышла книга «Кризис в Вавилоне» — автобиография Роберта Брилевского, написанная в виде развернутого интервью, которое с главным героем провел Рафал Ксенжик. Благодаря столь живому интересу к истории и творчеству группы многие молодые люди впервые услышали музыку «Кризиса», убедившись, что тексты песен, написанных в конце 70-х годов двадцатого века, остаются актуальными и по сей день.

Для польской независимой музыкальной сцены это время было особенным. Эпоха Эдварда Герека, первого секретаря польской компартии, клонилась к упадку и разложению, появление в 1980 году независимого профсоюза «Солидарность» ознаменовало наступление новой эпохи. В Польшу проникал панк-рок. В 1977 году возникла и первая панк-группа — «Валек Дзедзей панк бэнд», пытавшаяся сквозь «железный занавес» донести до Польши идеи британской рок-революции в духе «Секс пистолз». Основателями этого коллектива были Лешек Даницкий, выступавший под псевдонимом Валек Дзедзей, и Мацей Гуральский (Магура). Неотъемлемой частью легенды о зарождении польского панк-рока стали еще две группы: «Кризис» (первоначальное название — «The Boors») и «Deadlock», основанные одна за другой в 1978 г. и 1979 г. в Варшаве и Гданьске.

О Валеке Дзедзее сегодня помнят только специалисты, а вот варшавской группе «Кризис» действительно принадлежит яркая страница в истории польской альтернативной музыки. Группу основали

гитарист и вокалист Роберт Брилевский (Афа), чьи родители выступали в ансамбле песни и танца «Силезия» им. Станислава Хадыны, гитарист Петр Мрувинский (Мрува), басист Марек Иванчук и ударник Камиль Стоор. Группа сменила название с «The Boors» на «Кризис» (с перевернутой в левую сторону буквой «р») в 1979 году, решив отойти от исполнения англоязычных кавер-версий чужих песен ради композиций на польском языке. Этимология названия сегодня выглядит вполне естественно, однако в языковом обиходе Польши 70-х слово «кризис» практически не фигурировало. Руководство страны внушало гражданам, что экономические, социальные и вообще какие угодно кризисы бывают только в капиталистическом мире. Лишь в самом конце правления Эдварда Герека эта риторика стала меняться. Брилевский, тогда еще старшеклассник, оказался исключительно чуток к общественным веяниям — название группы было провокационным, однако не до такой степени, чтобы привлечь внимание цензуры. Группе не приходилось рассчитывать на какой-то особенный интерес со стороны властей, но и выступать им тоже никто не запрещал. Вот почему панк-рок в Польше не умер, едва появившись на свет.

В 1980 году ударника Камиля Стоора заменил Мацей Гуральский (Магура), автор текстов песен «Кризиса». Выходец из добропорядочной мещанской семьи, Магура был сторонником продуманной музыкальной, текстовой и визуальной стратегии подачи материала. У него была гигантская, особенно по тем временам, коллекция пластинок с множеством зарубежных дисков, которые он получал из Лондона только ему одному известным способом. Прослушивание этих пластинок во многом сформировало музыкальный стиль «Кризиса». Оригинальный звук группы, хоть и появился не без влияния «Клэш» и ямайского регги, был всё же в первую очередь результатом собственного творческого поиска музыкантов. Это был неформатный панк-рок, открытый новым веяниям и тенденциям. Вскоре после Магуры к группе присоединился саксофонист Томаш Свитальский (Мэн). Благодаря знакомствам Гуральского менеджером «Кризиса» стал Яцек Олеховский. Вместе с Магурой они вносили элемент позитива в довольно мрачную панковскую среду.

Пресса писала о «Кризисе» еще до первых больших выступлений группы. Не успев записать ни одной песни, коллектив умудрился возглавить хит-парад журнала «Панорама». Соревнуясь с варшавской же группой «Тильт», основанной Томашем Липинским, музыканты «Кризиса» позиционировали себя как артистов, которых интересует только искусство, а своих конкурентов выставляли дегенератами и смутьянами. Благодаря грамотному и продуманному промоушену группа появилась на музыкальном рынке одновременно с такими коллективами, как «Джем», «Манаам» и «Перфект», став вровень с признанными звездами вроде «Будки суфлера» и «SBB».

Очередным удачным ноу-хау Гуральского стало его изобретение многочисленных групп-однодневок, выступающих, как правило, «на разогреве» у «Кризиса». Одни и те же музыканты сначала выходили на сцену под именем «Братья Гермашевские» или «Нью битлз», после чего появлялись перед публикой в качестве главных звезд вечера — группы «Кризис». На первом (и последнем) Национальном смотре-конкурсе рок-ансамблей «новой волны» в Колобжеге в 1980 году Роберт Брилевский выступил в составе группы «Канал».

В том же 1980 году в Польшу приехал Марк Боле, занимавшийся тогда поиском авангардных групп по всему миру. В его коллекции сразу оказались два альбома: один был записан «Кризисом» без участия басиста, другой — уже распавшейся к тому времени группой «Deadlock», где в качестве приглашенных музыкантов выступили Магура и Брилевский. Записи, сделанные с первого дубля, были ужасного качества. Поучаствовать в данном проекте Афу уговорил Гуральский. Из первоначального состава «Deadlock'а» в группе остались лишь Марек Шатковский, игравший тогда в «Кризисе», и басист Фидель. Благодаря новому составу удалось записать такие англоязычные песни легендарной гданьской группы, как «Святая вершина» (в оригинале «I'm on the top») и «Амбиция» (на своих концертах «Кризис» исполнял эти песни на польском языке). Собственных композиций «Кризиса» было слишком мало, поэтому француз включил в альбом запись концертного выступления группы в доме культуры варшавского района Урсус. На волне интереса к Польше во Франции Марку Боле удалось заключить контракт на издание этого материала с фирмой «Барклай». На обложке альбома была сделана надпись «Solidarite avec le rock polonias». Кроме того, вышел сингл «Лучший парфюм

революции»: на одной стороне сингла была записана композиция «Святая вершина», на другой — секс-пистолзовская «God save the Queen» в исполнении китайского ансамбля народных инструментов. Сегодня все эти три пластинки являются раритетами.

Группа распалась по причине личных конфликтов между Магурой и Брилевским. Самая острая фаза разногласий наступила, когда Гуральский предложил уволить из группы Марека Шатковского. В 1981 году начался так называемый «карнавал Солидарности», Роберт Брилевский и Томек Липинский из «Тильта» объединили свои силы, создав группу «Бригада Кризис». Этот коллектив выпустил один из трех лучших польских рок-альбомов (наряду с «Легендой» группы «Армия» и дебютной пластинки Клауса Миттфоха, без затей названной «Клаус Миттфох»). Альбом был безымянным и вскоре среди поклонников группы стал известен как «Черный альбом».

Летом 2008 года возрожденный «Кризис» выступил на концерте в Яроцине. В 2010 году группа выпустила альбом «Кризис коммунизма», содержащий старые песни, записанные в нормальной профессиональной студии. За свою короткую музыкальную карьеру «Кризис» записал несколько композиций, которые по праву считаются гимнами панк-рока («С меня довольно», «Долина кукол», «Звездные войны», польскоязычные версии песен «Святая вершина» и «Амбиция» группы «Deadlock») и до сих пор не забыты. Это была главная группа первой волны панк-рока в Польше, стиля, который во всем мире олицетворяла музыка «The Clash», «UK Subs», «The Ramones», «Sex Pistols», «The Damned». Лишь вторая волна, которая ассоциируется в первую очередь с шотландской группой «The Exploited» и английскими коллективами «G.B.H.» и «Discharge», сделала панк-движение действительно заметной субкультурой в Польше. Это сопровождалось такими явлениями, как музыкальная и визуальная унификация стиля, проповедь ненависти к хиппи, анархические лозунги, перенятые у британской группы «Crass». Однако музыкальных открытий в это время было немного — пробиться наверх смогли только группы «Секира», «Дезертир», «Москва», «Армия» и «Клиническая смерть». Зато записи «Кризиса» и альбом группы «Deadlock» по-прежнему свидетельствуют, что панк-рок может быть музыкой с широкими возможностями в плане звука и аранжировки, несущей слушателям важное социальное и культурное послание.

Тадеуш Зубинский

Перевод Владимира Окуня

ПРОЩАНИЕ

Желать равнодушия означает не быть равнодушным.
Иван Бунин

Свершилось нечто важное — романтичное и трагическое. Наступила чудесная, колдовская и безнадежная, эта неповторимая осень, хоть иной никто и не ожидал. Прохладная и пронзительная. Даже небо голубело иначе. Журавли косяком (кое-кому так, во всяком случае, казалось) улетали на юг. Люди наблюдали за какими-то глуповатыми, ни к чему не ведущими совокуплениями птиц, дремали, одурманенные разочарованием и меланхолией, без конца перелистывая страницы одних и тех же книг. Выскочит вприпрыжку из кустов, насмешливо насвистывая, одинокий дрозд — и это для них теперь развлечение. Уже конец сезона, а никто не укладывает чемоданов, давно уложены чемоданы, да только зачем? Кто-то всё еще тщетно ждет письма́, все, кажется, в ожидании вестей с войны, и все пьют чай, играет охрипший патефон, шуршат то раскрываемые, то складываемые газеты.

Утром, задолго до полудня, рано, но все же после завтрака, на балкон белой дачи выходит млечноволосая, вся лучезарная, светлая, словно скандинавская русалочка, знаменитая в свое время актриса Мариинского театра; говорят, была содержанкой великого князя, а после переворота рассудок у нее помутился. Она появлялась на балконе в одном белье, воздевала к небу руки и зевала. Подсвеченная солнцем, казалась обнаженной, источая безупречную женственность, будто икона с алтаря. Прямо-таки нагими становились ее груди, твердые, как яблоки, такой же нагой выглядела сочная округлость бедер и аппетитная выпуклость лона с порослью темного пуха, бегущей вниз, к малиновой бездне.

Такие представления не особенно распаляют общество — когда-то да, а нынче уж и наскучило. Мрачная дама со вздернутым носиком, в трауре по думскому депутату, утрами и вечерами гадает на картах, чаще в тепле скучающего солнца, когда воздух дрожит и пахнет жимолостью. Кто-то упился и пролежал полдня на виду у всех пьяным, собаки вылизали его добродушную физиономию, да и обмочили заодно. В этом уже нет даже привкуса скандала, приелось. Кто-то, напротив, провозгласил себя личным врагом алкоголя, у кого-то язык заплетается. В зале, выкрашенной в желтое, без энтузиазма играют на бильярде, лишь бы убить время. И, будто пара седых голубков, двое пожилых людей просиживают над книгами — помимо тех, что на полках, книгами обложен весь пол. В иных венах пел в мужской крови алкоголь, молодое ядреное женское тело искушало, не давало спать.

Разные люди вели себя по-разному. Такой вот бледный старичок, в золотых очках, маленький, с сизыми глазами астматика и такой же бороденкой, бродит от дачи к даче, надоедает проповедями о гибели святой Руси — якобы известный генерал. Топчется между людьми, как в музее, сам похожий на экспонат в круглой кожаной военной фуражке, какую носил Александр Александрович III, и в жилетке на меху, этакий чудак. Но старческая надоедливость порой вознаграждается. Старичка разыскивает красивая пансионерка в голубом платье, а когда находит, оказывается, что это его внучка. Благодарит с извинениями:

— Простите дедушку, господа, это от скуки, он так тянется к людям из любви к русской душе, — не торопясь, с мягкой улыбкой объясняет она, будто сошедшая с обложки романа Гончарова, прямо обидно такую из рук выпускать. Жаль, что ей не хочется чаю, не хочется варенья, на роман тоже не настроена. Мечтает уехать в Париж. Игриво заглядывает в мужские глаза и щебечет:

— Вы бывали когда-нибудь в Париже, Иван Алексеевич? Бывали, так вы счастливчик! Не проэкзаменуете ли меня из устной речи? Один дипломат сказал, что у меня очень хорошее произношение, а вы как думаете?

Творятся вообще небывалые до сих пор вещи. Первый попавшийся пример. Преуспевающий гинеколог угощает сигарами, приговаривает: «Батенька», и тут же лобызаться. Так он нежен и непосредственен в стремлении тронуть сердце этим своим «батенькой», театрально изображая старорусское радушие: курите, не жалейте, милые мои, сигарок у меня предостаточно — без стеснения пихает в чужие карманы, засовывает между чужих зубов, теребит, никак не отвяжется.

Некто шляется с безумным выражением лица и разглагольствует:

— Мне так не по себе, что даже долги возвращаю, никто меня не заставляет, ну, разве что совесть чуточку.

Некто другой отговаривает, охотно отговаривает всякого. Кто таков? Да один тут, незнакомый, такой, с носом картошкой, шепчет:

— Я вам, люди русские, советую — не берите у него ничего, он венерический больной и мутный тип, чью-то шубу украл из редакции меньшевицкой газеты, об этом писали, не верите — проверьте сами, как все вернетесь в Москву или Питер. А тот, что долги возвращает, так он крупный аферист, ворочает фальшивыми керенками, просто настоящая сволочь, хоть и мой кузен.

Как там на самом деле, не разберешь, так как уже ввечеру все трое совершенно пьяны и жадно целуются, как мерзкие кокотки. Выкрикивают на всю округу непристойности, играют на патефоне упоительную музыку, развратно-томную.

Один купец, безумно богатый Бутенберг, с удалой офицерской фамилией, но как раз из евреев, расклеился, пристает, порыкивает, тоже заглядывает в глаза, ужасно ему хочется войти в полнейшее доверие:

— Что за времена настали, до чего мы дожили! Это ведь наказание за то, что слишком редко молился народ, никто не бичевал себя за грехи. Был один такой Левка Парагин, что себя бичевал, ему бы стать совестью всей нашей святой Руси, да нет его уже в живых, с японской войны нет. Знаете ли вы, что сердце мое осталось в Москве, а где вы оставили свое несчастное?

Разгоряченный, не подождет, слова вставить не даст и сам с раздражением заключит:

— Что там Россия, у меня зубы болят!

Все время, и в ночь, и в день, море шумит, то сильнее, то слабее, и пестреет белой пеной, гордое, уже осеннее. Чаек то прибывает — налетают писклявой стаей — то убывает, армянин продает за бесценок арбузы, тот, в ярко-синих шароварах, глазам не веришь! То ли еще будет. Говорят, здешний поп сбежал с журналисткой в Стамбул и принял ислам.

Тишина испарялась с полей, гремели еще отдаленные, но все приближавшиеся артиллерийские грозы. От долгих разговоров заплетались языки, глупые, светские темы, возвращение с прогулки или от любовницы, после выпивки под луной. Ладони, пожатие рук, поцелуй и глубокий взгляд ей в глаза, трепет ресниц, минута слабости — ах, вы пользуетесь обстоятельствами.

На пороге ночи от стынущей степи поднимался пронзительный и протяжный, словно стеклянный, звон, и до самого рассвета всё попадало в темные, мохнатые, теплые лапы черноморской ночи. После обеда ходили на долгие прогулки, направляясь к этой странной постройке: башне на берегу моря. Безумный мир, сумасшедшие мгновения. Дамы, похожие на опавшие цветы, шествовали в белых блузках, некоторые держали в руках зонтики, мужчины в светлых брюках, в панамах. К чудо-башне, особой достопримечательности этих мест. Рассказывают, что чудо-башню выстроил сумасшедший поляк. То, что он был поляком, выяснилось потом, после его гибели, так как он взял исконно русскую фамилию. Погиб, выпав, а может быть, и выпрыгнув из этой башни. Было ли это самоубийство, так и не удалось до конца прояснить. Они специально, чтобы не толкаться, выбирают пыльную, прогретую боковую тропинку, кругом свистят суслики. Море по краям серо-голубое, моментами абрикосовое, зловеще светится.

Иван — писатель! — как всегда, держит фасон. Всё по-европейски: в белой шляпе, в кремовых фланелевых брюках, в желтых полуботинках солидной английской марки, на толстой, как английский стейк, подошве; «не сотрешь» — гласит реклама, во что-то же нужно верить в этом мире. Неизменное стальное пенсне насмешливо выглядывает одним глазком из нагрудного кармана визитки либо пиджака спортивного покроя.

Перед тускло-золотыми, будто из старого золота, сумерками боязливо выдыхали в степи свое «пен-н-н» дрофы. Время текло, но не утоляло боли. Одно и то же: прогулки, карты, книги, поэзия, пламя свечей, привлекавшее вечером и ночью любопытных мотыльков; после ужина на крыльце кто-нибудь тренькнет на гитаре, тут же гитару и отложит, велит подать рюмку водки; новости: кто-то влюбился (нашел тоже время!), кому-то изменила жена, у кого-то потерялась собачка. Много молчат, много смотрят долгими взглядами, то и дело стучит пальцем по барометру недовольный показаниями прибора знатный московский литератор. Имеет право на беспокойство. И верно, о чем тут говорить, все уже перемолото. Вера Николаевна, гладко зачесанная, как она в последнее время любит выходить, принеся чай и поставив его на столик, объявляет:

— Хорошая новость! Юшкевич пообещал, что, как только этого бесстрашного Врангеля разгромят красные (к чему дело и идет), то он повесится или застрелится, сама точно не знаю, что в точности он над собой сделает. То одно говорит, то другое, не может решиться, такой уж он, одно слово — русский интеллигент. Весь в сомнениях. Ну, наверное, застрелится, хотя пока на это не похоже.

Иван вчитывался в газеты с профессиональным вниманием, сдержанно, не находя даже доли удовольствия в чтении. Но не мог отказать себе в доле язвительности. Мечтатель, романтик, немного поэт, Юшкевич постоянно думает, что кто-то обратит на него внимание, может быть, кто-то будет переживать — он постучал носком ботинка по полу. Белым до голубизны был этот пол.

— Кстати, очень беспокоит, что никто до сих пор не застрелился, столько офицеров без дела и ничего, — высказался Иван из глубины плетеного кресла. Чай остывал, он осторожно налил немного в блюдечко и выпил, причмокивая от удовольствия, как кот. Теперь уже можно так.

— Ян, — спросила Вера Николаевна. Ян по-польски значит Иван, вчера она называла его Хуаном, а позавчера Жаном, так они скрашивают себе жизнь, — мне хотелось бы знать, определился ли ты с будущим, дорогой?

Иван уже не читал, он думал, глядя своими дальнозоркими глазами в морской простор. Ответил холодно, даже успокаивающе:

— Конечно, мы уедем отсюда, последним судном, последним, и будем чувствовать себя не как крысы, а как капитан, который последним покидает тонущий корабль. Представляешь себе, как нас будут осаждать в Париже? Уже слышу их расспросы: расскажите об этих последних днях русской Помпеи.

— Станиславские уговаривают поспешить с решением, так как завтра в полдень французский пароход, который стоит на рейде, поднимает якорь, — драматическая концовка. — Ян, действительно, самое время, они уже решились, заканчивают сборы, а мы? Мы что будем делать?

— Может быть, сегодня, а может, останемся еще на несколько дней. Я знаю, что мы уже в жизни не вернемся в Россию, милая моя Верочка, никогда, это наши последние мгновения на родине. Нашей России уже нет, понятно, что она пропала навеки. Нам бы молиться побольше!

Да еще бабье лето в этом году настало такое беспощадно-девственное, старосветски прекрасное, как может быть только в старой России. Надолго легли мягкие, как любовь зрелых людей, для кого-то несколько приторные краски, напоминающие теплые цвета керамики. Сочная зелень уже пожелтела, приглушенная и обожженная летом, траву будто присыпали рыжеватой пылью. Прекрасно, так до боли прекрасно, что и жить не хочется. За окнами время ускорялось, эта осень уже горела румянцем России. Ветры сдули туман и понесли вслед за отбывающими в теплые края птицами.

Эугениуш Соболь

БУНИН НА ЧУЖБИНЕ

Важной чертой книги Ренаты Лис «Во льдах Прованса. Бунин в изгнании» является ее сильвический* характер, проявляющийся в соединении в одно целое разнородных текстов: эссе, интерпретаций произведений, репортажей, фрагментов дневников, писем, а также переводов, выполненных автором. Здесь можно найти и общие рассуждения на тему положения эмигранта: что это — отклонение от судьбы или судьба сама по себе? — задается вопросом исследовательница. Еще одно преимущество такой позиции — как раз постановка волнующих вопросов, которые открывают широкий спектр возможностей для интерпретации. Книга Р. Лис, пользуясь формулировкой Умберто Эко, — это, прежде всего, «открытое сочинение».

Автор отказывается от хронологической схемы, свойственной для биографии. Книга начинается с жуткого описания плавающего в воде трупа, который Бунин увидел в Киеве во время бегства от большевиков из Москвы в Одессу в 1918 году. С этими останками Лис сравнивает русского писателя, представляя его неудачную попытку побега в июне 1940 года из расположенного в Провансе городка Грасс, где он постоянно жил, в местечко Ляфрансез в Пиренеях. После перемирия между Францией и Германией писатель вместе с домашними вернулся в Грасс, но в ходе этой поездки в нем произошла перемена, какая-то окончательная трещина, отмечает автор. Он понял, что еще одной эмиграции в его жизни не будет. Он не уедет, например, в США, как поступила часть русских, живших во Франции. Но это не означает и того, что он решил окончательно пустить корни в стране над Сеной. Рената Лис подчеркивает, что, несмотря на двадцать лет, проведенных во Франции, он не отождествлял себя с этой страной. Он мало писал о ней, слабо говорил по-французски, а его контакты с представителями местных элит были эпизодическими, так как в основном он вращался в эмигрантских кругах. Исследовательница приводит описание его встречи с Андре Жидом и переписку с Роменом Ролланом. Франция, главным образом, играла роль катализатора, вызывавшего в нем воспоминания о России. В определенном смысле, его эмигрантская судьба была чужой жизнью. Автор размышляет, была бы она ближе к настоящей, если бы, оставшись в России, Бунин взошел на Голгофу, как Осип Мандельштам или Анна Ахматова. Существовали, конечно, и другие причины духовного упадка писателя в тот период. Ударом для него стало расставание с Галиной Кузнецовой, в которую он влюбился так, что даже поселил ее на снимаемой им вилле «Жаннет» в Грассе, совершенно не считаясь при этом с мнением своей супруги Веры Николаевны. Он начал регулярно встречаться со своей любовницей с 1926 года, но в конце 30-х она связалась с певицей Маргаритой Степун, которая также переехала в «Жаннет».

* Сильвическая литература (от лат. silva – лес) — понятие, введенное польским теоретиком литературы Рышардом Нычем для обозначения открытых форм в современной прозе. — Прим. пер.

Кроме того, после тех лет процветания, которые настали после присуждения ему Нобелевской премии в 1933 году, он вновь стал бедняком. Автор книги подсчитала, что полученные им 170 тысяч крон вовсе не составляли в то время большого богатства. Низкий курс кроны привел к тому, что в распоряжении писателя оказалось 740 тысяч франков, которые разошлись в течение семи или восьми лет. Он не приобрел никакой недвижимости, так как деньги поглотила безумная дороговизна во время войны. К тому же, немалые суммы были потрачены на помощь бедствовавшим во Франции соотечественникам и содержание тех, кто жил с ним под одной крышей в Грассе.

С другой стороны, автор рисует образ Бунина, весьма далекий от мученичества. Несмотря на неудобства, связанные с немецкой оккупацией, в основном, трудности со снабжением, писатель любил роскошный образ жизни. Он отправлялся на прогулки, купался в море, флиртовал с женщинами. Лис старается проникнуть сквозь ореол серьезности, окружающий лауреата самой главной литературной премии в мире, и увидеть живого человека. Притом, что Бунин был против того, чтобы после смерти литературоведы бесцеремонно копались в его частной жизни. Затрудняя им работу, он время от времени сжигал черновики, заметки, письма, дневники. Тем не менее, исследовательнице все же удалось в точности восстановить его пребывание в Грассе во время немецкой оккупации. Писатель тогда напряженно работал над сборником рассказов «Темные аллеи». Летом он проводил время за письменным столом, раздетый донага. Однажды его чуть не арестовали вишистские жандармы в целях проверки «административного статуса». К своему писательству он относился исключительно серьезно, рассматривая его как призвание и дар Божий. С беспокойством следил он за положением на фронтах Второй мировой войны. Очень радовался победам англичан и американцев, а также Красной Армии, хотя к СССР у него было чрезвычайно критическое отношение.

Самой интересной в книге следует признать главу «Письмо Сталину», в которой исследовательница проверяла информацию, содержавшуюся в письме, направленном писателем Алексеем Толстым советскому диктатору, относительно того, что Бунин сообщил о желании вернуться в СССР, а также обращался за материальной помощью в советское посольство в Париже. Но она оказалась ложной и представляла собой часть пропагандистской кампании спецслужб СССР, для которых после Второй мировой войны важно было заманить на родину известных персон эмиграции: «Речь шла о том, чтобы шок от войны и эйфорию, связанную с ее окончанием, перековать в восхищение, доверие и уважение к сталинскому государству», — подчеркивает автор. В отношении Бунина применялся метод кнута и пряника: агенты систематически разоблачали писателя и очерняли его на страницах прессы, а одновременно искушали материальными благами, славой и успехом, которые, якобы, ожидали его в России. Визит в советское посольство в Париже действительно состоялся, хотя писатель отказал дипломату, сделавшему ему предложение вернуться. С другой стороны, Бунин решительно отверг возможность сотрудничать с гитлеровцами против СССР, как поступила, например, часть русской эмиграции и его литературный соперник Дмитрий Мережковский. Рисуя весьма негативный портрет этого писателя и его жены Зинаиды Гиппиус, автор невольно поддается влиянию мнений, высказываемых героем ее книги, либо лицами из его окружения. Это влияние заметно и в некоторых других моментах. Вслед за Буниным Лис мифологизирует роль белой гвардии, полагая, что именно в эмиграции сохранилась настоящая Россия, которая должна когда-нибудь возродиться, а СССР как государство было эманацией Антихриста. В книге мы находим очень эмоциональные фрагменты эссе, относящиеся к современности, в которых автор осуждает действия Кремля на Украине. В этих текстах проявляется раздвоение нынешней польской интеллигенции, искренне любящей русскую культуру и литературу, но напуганной имперской политикой Кремля и ментальным упадком российского общества. В представлении исследовательницы, путинская Россия представляет собой продолжение отмеченной дьявольской печатью советской империи. Но стоит подчеркнуть, что восхваляемая автором белая эмиграция (за немногими исключениями вроде Дмитрия Философова), как и современная российская власть, отказывает украинцам в праве быть отдельным народом, так что в данном вопросе они ничем не отличаются друг от друга.

Я с нетерпением ожидал описания интимной жизни писателя, так как доминантой многих его произведений является философия любви. Автор книги, используя инструменты архетипической

критики, увлекательно представила бурное развитие его связи с Галиной Кузнецовой. Писатель постоянно испытывал страх перед смертью. Он боялся, что, когда умрет, в его черепе поселится змея. Галина как раз и должна была стать мифической Рикки-Тикки-Тави, убийцей ползучего гада. Исследовательница пишет, что это очевидная отсылка к лунарной символике и культу плодородия, вероятно, бывших сублимацией страдания, связанного с бездетностью Бунина и его жены. Возможно, именно из-за этого Вера Николаевна покорно ушла в тень, согласившись на такую полигамию. Лис приводит записи из дневника, в которых писатель говорит, что жаждет иметь обеих женщин одновременно. Жена для него была как воздух, которым он дышал. В свою очередь, Галина затрагивала в его душе совершенно иные струны — при ней он чувствовал себя помолодевшим. Эта любовь принесла ему много боли. Он считал, что его бывшая любовница, живя под одной крышей со своей партнёршей на вилле в Грассе, намеренно отправляет ему жизнь. Автор книги по принципу контрапункта сравнила записи из дневников Бунина, Веры и Галины Кузнецовой. Кажется, у этой второй женщины были нереализованные литературные амбиции, и свою связь с выдающимся писателем она рассматривала в утилитарном плане. В книге Лис мне не хватило автобиографической интерпретации, то есть осмысления аналогии между отношениями в этом треугольнике и произведениями писателя. Думаю, что «Во льдах Прованса…» выполняет основную задачу биографии, которая должна состоять в том, чтобы пробудить в читателе интерес к личности и произведениям писателя. Ведь исследовательница представила богатый и многомерный образ живого человека, а не забронзовевшей фигуры для памятника.

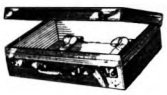
Рената Лис, ***Во льдах Прованса. Бунин на чужбине***,
Издательство «Sic!», Варшава 2015.

Рената Лис

Перевод Ольги Лободзинской

ТРИДЦАТЬ ЧЕМОДАНОВ

(Отрывок из книги «Во льдах Прованса»)



«Жаркий летний день на Днепре. На песчаных полях против Подола черно от купающихся. Их всё перевозят туда бойкие катерки. Крупные белые облака, блеск воды, немолчный визг, смех, крик женщин — бросаются в воду, бьют ногами, заголяясь в разноцветных рубашках, намокших и вздувающихся пузырями. Искупавшиеся жгут на песке у воды костры, едят привезенную с собой в сальной бумаге колбасу, ветчину. А дальше, у одной из этих мелей, тихо покачивается в воде, среди гнилой травы, раздувшийся труп в черном костюме. Туловище полулежит навзничь на бережку, нижняя часть тела, уходящая в воду, все качается — и все шевелится равномерно выплывающий и спадающий вялый белый бурак в расстегнутых штанах. И закусывающие женщины резко, с хохотом вскрикивают, глядя на него»*.

Это относящееся к 1918 году унизительное воспоминание — тогда на пути в Одессу из захваченной большевиками Москвы Бунин вместе с женой приплыл из Гомеля в Киев — могло настичь его и летом 1940 года, будучи принесенным рекой памяти аж вон куда! — в департамент Приморских Альп, в наполовину погруженный в мутные воды и пахнущий парфюмерией французский городок Грасс. Раздувшемуся трупу убитого в гражданскую войну мужчины могло прийти в голову сопровождать Бунина в очередном, третьем по счету, бегстве и присовокупить свое распухшее мертвое тело к тем тридцати штукам багажа, что доверху забили машину беженцев. Бунин с этим ничего поделать не мог — над трупом своего прошлого он давно уже не был властен, а потому, «внезапно побледнев», старался, чтобы истекающий водой сверхштатный пассажир не обратил на себя внимания спасавшихся вместе с ним бегством пятерых женщин и нанятого шофера. С трупом он мучился сам. «Застегнул бы штаны, если не собираешься сойти! С нами маленькая девочка!» — вот так мог бы распекать его на постоях, когда никто не слышит. А потом: «Ко мне, дорогой, никаких претензий — я бы и сам не прочь тебя позабыть, позабыть этих баб с полным ртом колбасы, которые так бессовестно глумились над тобой, эту тминную водку, питую в поезде между Москвой и Вязьмой, эту Оршу, этот Минск, эти заблеванные рельсы, и этого немца в мундире, который, в конце концов, начал лупить по морде какого-то большевика, и это купе вместе с десятью польскими офицерами, да и вообще все это путешествие на юг, весь следующий год в Одессе, и первые месяцы тысяча девятьсот двадцатого года тоже не прочь позабыть». «Ян**, с кем ты там разговариваешь?» — могла бы тогда спросить его жена Вера Николаевна, и длительное молчание воцарилось бы после ее слов.

Из Грасс выехали 16 июня 1940 года, в тот самый день, когда маршал Филипп Петен встал во главе эвакуированного из Парижа в Бордо коллаборационистского правительства. В десять утра в путь отправились: Бунин с Верой, Галина Кузнецова*** со своей любовью Маргаритой Степун, Ляля Жирова с дочкой Олей, а вместе с ними тридцать чемоданов и воспоминания. Вернуться ли они когда-нибудь назад, на виллу «Жаннета», они не знали, а потому забрали с собой все. Само собой разумелось,

---

*Все цитаты приводятся по дневникам самого И.А. Бунина и его жены Веры Николаевны с сохранением написания французских городов. Здесь и далее прим. пер.

** Имя, которым Вера Николаевна называла своего мужа.

***Галина Николаевна Кузнецова (1900–1976) — русская поэтесса, писательница и мемуаристка, последняя любовь Бунина.

что бежать следует на запад, никаких иных конкретных планов у них не было. На нанятом за две с лишним тысячи франков разбитом автомобиле с шофером они надеялись добраться до Ним, оттуда — поездом до Тулузы, а далее в Пиренеи или, возможно, в Ляфрансез — маленький городишко на линии Тулуза — Бордо, где у мужа Ляли Жировой была своя ферма. На этой ли ферме или у кого-то из жировских соседей они собирались переждать тяжкие времена, да и то лишь в крайнем случае, ибо там не было ни водопровода, ни света, ни постелей. Но когда мир выходит из рамок, любое надежное укрытие становится на вес золота, а легендарная «ферма Жирова», хоть и без удобств, имела как раз то достоинство, что служила надежной защитой для растревоженного воображения.

Из всей их шестерки бежать нужно было лишь одной Маргарите (в доме Буниных ее звали Марго или Марга) — у нее вместо нансеновского паспорта для лиц без гражданства был паспорт немецкий (ее дед со стороны отца был немцем из Восточной Пруссии), и когда 10 мая 1940 года странная война Германии с Францией превратилась в войну вполне нормальную, эта ни в чем не повинная русская певица автоматически стала для французов подозрительной личностью, так что, в конце концов, 13 июня французская жандармерия приказала ей покинуть Грасс в течение 24 часов. Это и так было своего рода милостью, тут Марга в числе прочего обязана поручительству Бунина — без его вмешательства ей грозило бы интернирование. Остальным жителям «Жаннеты» — Бунину с Верой, Галине и Ляле с Олечкой — статус персоны нон грата на этом этапе войны еще не грозил, да и ход военных действий не принуждал их к безотлагательному отъезду: Германия, правда, завоевывала Францию не по дням, а по часам, немцы уже перешли Сену в ее нижнем течении и неумолимо окружали Париж, но с перспективы юга все это происходило где-то далеко, а итальянцы, приступившие к войне на стороне Гитлера и предпринявшие наступление на Ниццу, никаких успехов так и не добились и вскоре надолго застряли в окрестностях Ментоны. Так что, если не считать всеобщей военной нервотрепки, в состоянии которой поляки в отличие от французов находились уже с сентября 1939 года, только непрекращающиеся итальянские бомбардировки близлежащей Швейцарии и южного побережья Франции могли их тогда беспокоить непосредственно.

Уезжать или не уезжать? А если уезжать, то куда? — чуть ли не каждый день с конца мая и всю первую половину июня колебались они, собирая вещи без особого убеждения. Самым нерешительным из них оказался Бунин — в тот момент интуиция явно не понуждала его пускаться в дорогу, и, может, следовало бы ее послушаться. Мучительную дилемму, наконец, разрешили французские жандармы, выдворяя Маргу из Грасс. На это Галина наверняка заявила, что отправится в изгнание вместе с любимой, а Вера Николаевна, которая по натуре своей не была способна ни на какие иные поступки, кроме благородных, несомненно без труда убедила мужа, что в сложившейся ситуации им следует выехать вшестером, хотя бы потому, что у Марги с Галей за душой не было ни гроша не только на дорогу неведомо куда, но и на текущие расходы.

Вот так без малого семидесятилетний Бунин оказался в нанятой за бешенные деньги колымаге вместе с пятью не приспособленными к жизни женщинами, тридцатью чемоданами и роем воспоминаний, которые как гнилые травы волоклись за вытянутым из воды киевским товарищем. Вера Николаевна, посвящавшая наблюдению за настроением мужа столько же внимания, сколько он посвящал наблюдению за погодой, моментально отметила, что Ян совсем не такой, как тогда, когда они бежали из Москвы в Одессу, и совсем не такой, как тогда, когда, удирая из Одессы во Францию, они навсегда покидали Россию. Тогда он был энергичный и решительный, интуиция подсказывала ему, когда и куда ехать, и он смело ставил перед ними цели и указывал направления. Так было в мае 1918 года, когда с авторского вечера в Тамбове он привез в Москву — кроме мешков муки и каши — уверенность, что бежать следует на юг; так было и в конце января начале февраля 1920 года, когда — несмотря на то, что им попался пьяный старик носильщик, нерешительным зигзагом волочивший их вещи в порт — они в последний момент перед приходом большевиков, в грохоте приближающейся к Одессе артиллерии успели погрузиться на французский пароход «Спарта».

Теперь Ян казался до невероятности неуверенным, вдобавок медлил, собирая вещи, да и вообще производил впечатление человека отсутствующего. Так ведь и жил он чем-то совершенно иным и много времени пребывал в себе. Целыми часами, обычно в постели, раздумывал он о своей прошедшей жизни

и о том, что уже наверняка не представится возможности побывать хотя бы в Гималаях, или о том, как оно будет, когда его не будет, а солнце не перестанет вставать; просматривал взятые в ниццейской библиотеке русские журналы прошлого столетия и исподволь вспоминал себя в молодости, того себя, кто когда-то читал все это впервые; проверял на себе чужие вещи разного времени, расценивал их в холодном свете вечности, задаваясь вопросом, хороши ли они и необходимы, и в своем дневнике записывал результаты, как правило, неудовлетворительные. И несмотря на то, что он внимательно следил за разыгрывающимся у него на глазах очередным близившимся концом света, эвакуация была последней вещью, какой он хотел бы заниматься. Это и понятно — тот, кто глубоко погружается в себя, подобен ныряльщику, у которого должна быть уверенность, что после выныривания он застанет наверху все более или менее на своих местах. Эвакуация отрывала подавленного писателя от него самого, а он в тот момент не хотел от себя отрываться, он еще не закончил разговора с самим собой, ему еще было о чем поговорить. Но тут, как на беду, подошел к концу «наш жалкий эмигрантский перерывчик, предоставленный нам на то, чтоб мы успели перевести дух после революции», как выразилась в письме к Вере Николаевне одна из ее приятельниц еще в сентябре 1939 года — и 13 июня Вера сказала: надо все-таки ехать. И они поехали.

Их внешне французская, а внутри чисто русская машина, волокущаяся километров под двадцать в час, пополнила собой убогое южное ответвление большого и бессмысленного исхода французов, продолжавшегося с мая и унесшего в своем течении — по разным подсчетам — от восьми до десяти миллионов людей. Французы панически боялись ковровых бомбардировок — что́ после них оставалось, они видели в газетах — боялись и повторения немецкой оккупации, некоторые ведь все еще помнили ее времен Великой Войны. А еще они боялись дебильной немецкой солдатни, которой пугали плакаты на улицах. Тем не менее, большинство из них обращалось в бегство в первую очередь потому, что в бегство обращались другие. Эвакуировались в основном из северных департаментов Франции, особенно из Парижа, который по тем временам покинуло целых две трети жителей, но были и такие местности, как, например, деревушка Бусселанж, откуда выехали все, кроме одной семьи, да и та предпочла покончить с жизнью. Взбурлившая человеческая волна покатилась на юг от Луары, поскольку ходили слухи — скорее всего лишенные оснований хотя бы потому, что Соединенные Штаты еще не вступили в войну — что как раз на линии Луары французская армия вместе с американцами даст немцам отпор.

«Нескончаемый поток машин, продвигающихся в двух, а то и в трех рядах. Все доверху завалено постелью, тюками, чемоданами, ящиками, коробками, клетками со всякого рода птицей. Перемещалось все это медленно, если из чьей-то машины выскочила собачка, машина останавливалась, собачку ловили — поток стоял. Если чья-то машина ломалась, а множество таких развалюх по дороге ломалось (длительная езда на первой скорости сильно грела мотор) — поток стоял. А по краям дороги протискивались велосипедисты и идущие пешим ходом»*, — вот такие наброски к портрету малого французского апокалипсиса сделал писатель-эмигрант Анджей Бобковский, также оказавшийся в толпе беженцев из Парижа. По пути случались бомбардировки, иногда даже с убитыми и ранеными. Вокзалы, дороги и городки были переполнены испуганными людьми, по большей части женщинами, детьми и стариками, но также и разбитыми отрядами французской армии или мужчинами, по каким-то причинам не охваченными мобилизацией.

Одним из них был французский нигилист Луи-Фердинанд Селин, с наслаждением предававшийся наблюдению за человечеством в состоянии морального упадка. Причем Селина, кажется, особенно приводило в восторг то, что в таком жалком состоянии оказались именно французы. «Как быстро бы они не перемещались, — писал он, — как бы не пытались догнать французскую армию — по той ли дороге или иной, зигзагом или без передышки как разогнавшаяся машина — она всегда оказывалась впереди их, и они никогда не могли продвигаться так же поспешно, как отступавшие французские солдаты». Жан-Пьер Азема в книге «Франция времен оккупации» замечает, что французов оставила не только собственная армия, удирающая врассыпную от крещения огнем блицкрига, но и местная

*Из книги польского писателя Анджея Бобковского (1913–1961) «Наброски перышком».

власть, которая, как оно водится, первой эвакуировалась вкупе с пожарной охраной, шефом ресторана и пекарем. Общественные структуры рушились. Случались грабежи и разбой. Поезда ходили без расписания и только в южном направлении. По улицам Лимож в какое-то время скитались двести тысяч беженцев. В городке Семуа из психиатрической больницы сбежали двести больных и, переодевшись в белые халаты фармацевтов, продавали на улице свои лекарства по десять су за таблетку. А коль скоро таблетки покупали, значит, их и принимали.

— Смотрите, смотрите! Конь плывет!

Все повернулись в ту сторону. Над серой исходившей паром водой виднелась высоко задранная лошадиная голова. Конь плыл, явно не зная куда, сносимый течением на середину отмели. Иногда он выныривал, и тогда было видно, как вода переливается через его темную, поблескивающую спину. Но силы положительно покидали его, он все чаще погружался под воду, фыркал и, прижимая уши, вытягивал шею то в сторону берега, то в сторону парохода, от которого исходил запах людей и откуда он ожидал помощи.

— Казацкий конь... Хозяина ищет...

— Но ведь не разрешили же коней брать...

Вдруг резкий, короткий звук рассек воздух. Потом второй, третий...

Третий выстрел — так ведь могло быть — вырвал Бунина из задумчивости. Не совсем осмысленным взглядом он посмотрел в окно машины — рыжий с разводами темной зелени массив Эстерель заслонял море, но день был исключительно погожий — и вдруг он вздрогнул от воспоминания о тех ошалевших от страха, тонущих лошадях, предсмертное ржание которых все еще стояло у него в ушах. Только чуть позже до него дошло, что в конце 1920 года его в Крыму не было, что в то время они с Верой уже давно жили в Париже, значит, не мог он видеть, как эвакуируются солдаты генерала Врангеля. Тогда чье же это было воспоминание? Откуда оно взялось? Он оглянулся назад — и утонул в больших глазах Галины. И догадался. С Галей они понимали друг друга без слов. «Как же могла она так жестоко меня...», — мысленно начал он причитать по старой привычке, но тут же оборвал себя. Скорее всего подумал, что кроме утопленника из Киева, в эти бредовые Пиренеи едут с ними и другие российские воспоминания, и, вполне возможно, почувствовал даже облегчение.

«В Ним мы приехали на закате, с час ездили по отелям — нигде ни одного места! Потом вокзал [...] — думали уехать дальше на поезде — невозможно, тьма народу — а как влезть с 30 вещами! Ходили в буфет, ели. Полное отчаяние — ночевать на мостовой возле вокзала! М. и Г. пошли искать такси, чтобы ехать дальше в ночь, — и наткнулись на русского еврея таксиста. Ночевали у него», — написал он позднее в дневнике.

Еврей был даром небес (этого он уже не написал) так же, как и сестра милосердия на Виленском вокзале в Минске, в пенсне и чьей-то кожаной пилотской куртке, медсестра, которая сказала: «Да кто же вас не знает, Иван Алексеевич!» и пошла объяснять про него немцам. Без ее помощи тогда, в 1918 году, они бы с Верой не получили пропуска и не выехали бы из Гомеля и Киева, а, значит, не добрались бы до Одессы, а если бы они не добрались до Одессы, то, возможно, вообще не смогли бы спасти свою жизнь — как неизлечимо белых, не поддающихся перевоспитанию трудом даже в самых суровых лагерях за полярным кругом их бы убили большевики, а если бы так произошло, они бы никогда не оказались во Франции и он бы не познакомился с Галиной и не получил бы Нобелевскую премию, хотя, с другой стороны, не потерял бы Галину и не потерял бы Нобелевскую премию, иначе говоря, стоило ли? Вино затуманило голову. «Стоило, стоило!» — мог бы тогда сказать выловленный из Днепра товарищ.

Лишь в Ним они действительно поняли, что собой представляет французский исход. По сравнению с российской гражданской войной, которую им пришлось испытать на собственной шкуре, а также немецко-русской войной в Польше, о которой они читали в «Иллюстрированной России» — «О Польше я стараюсь не думать, это так страшно» записала Вера Николаевна 18 сентября 1939 года — французский исход был всего-навсего маленькой катастрофой.

«Семнадцатого, — писал он, — выехали опять в такси в Тулузу и дальше, в Монтобан, надеясь там ночевать, а потом опять на Ляфрансез, возле которого ферма Жирова. [...] Плата до Ляфрансез — 2 300 франков. Сперва широкая дорога в платанах, тень и солнце, веселое утро. [...] Остановки по дороге военными стражами, проверки документов. Море виноградников, вдали горы. Около часу в каком-то городишке остановка, подошел крестьянин лет пятидесяти и со слезами сказал: «Вы можете ехать назад — армистис!»».

Тем не менее, перемирие, о котором им «со слезами» возвестил крестьянин, будет подписано лишь спустя несколько дней — пока же французы тактично попросили немцев прервать огонь и те согласились начать переговоры. «Из заявления Петена по радио следует, что французы вообще не были в состоянии противостоять немцам. На полмиллиона солдат меньше, чем в 1917 году, не говоря уже о вооружении, не поддающемся никакому сравнению», — так автор «Набросков перышком» повествует о небезызвестном выступлении, которое французы выслушали 17 июня. Говорил Петен и о преимуществе духа удовлетворения над духом жертвы, а также о нежелании французов приложить все усилия, но указать на эти обстоятельства как на непосредственные причины поражения он не осмелился. «Чтобы никого не оскорбить», — комментирует Бобковский.

А раз уж захотелось спасти иллюзии, то за душевное спокойствие пришлось заплатить высокую цену — Франция вышла из войны и отдала все свои ресурсы в распоряжение Гитлера, приняв на себя также множество других позорных обязательств, взять хотя бы согласие на выдачу немцам любого, кого они только не потребуют. Однако, напрасно искать на тему этого жалкого армистис высказываний Бунина, а ведь он с таким негодованием комментировал большевицкий переворот в России. Тамошняя политика явно не интересовала его в той же степени, что и российская, не находила места ни в его душе, ни в его голове — прожив во Франции двадцать лет он вообще не отождествлял себя с этой страной. Он так и остался беженцем-апатридом, а превратности своей французской судьбы воспринимал точно также, как англичанин воспринимает изменение погоды: если льет дождь — тот надевает галоши и берет зонтик; если перестает идти — галоши и зонтик остаются в шкафу — только и всего.

Впрочем, этот крестьянин ошибся не один, а два раза — несмотря на радостную новость, которую он передал Бунину и его женщинам, «возвращаться назад» они не могли — у них не было проходного свидетельства, а получить его за короткое время было делом невозможным из-за жестких предписаний и легендарной французской бюрократии. Нужно было подождать, когда из смердящего облака перемирия проступит новый порядок французской жизни. Вот и начались какие-то переезды из города в город в поисках ночлега, для меня не совсем ясные, особенно потому, что записи этого путешествия Бунин и Вера сделали намного позднее и довольно общо. «Снова виноградники, виноградная степь, — писал Бунин. — За Нарбоном — Иудея, камни, опять виноградники, ряды кипарисов, насаженных от ветра. [...] Мерзкая Тулуза, огромная, вульгарная, множество польских офицеров... (По всему пути — сотни мчащихся в автомобилях беженцев). В Монтобане — ни единого места. В сумерки — Ляфрансез — тоже. И попали к Грязновым...».

Семейство Грязновых — это, кажется, были знакомые Ляли Жировой, о которых вспоминает, не называя их по имени, и Вера Николаевна, записывая в дневнике: «И мы нагрянули на бедных людей, которые всех нас приютили на одну ночь, а затем все наши дамы перешли в деревенский отель, и мы там прожили двадцать два дня. [...] Наше путешествие стоило нам очень дорого и взяло много душевных и физических сил. В Ляфрансез нет никаких удобств. И нужно было выбирать между конюшней и чистым полем! Трудно было с питанием».

По всей видимости, «все наши дамы», которые «перешли в деревенский отель», это не только Галя с Маргой, но также и Ляля с Олечкой, потому что в противном случае Вера Николаевна написала бы «обе наши дамы», а не «все наши дамы». Почему в таком случае Ляля с Олечкой не пошли жить на легендарную «ферму Жирова», о которой все они постоянно говорили?

Выяснение этой загадки, весьма банальное, даже сегодня считается каким-то постыдным секретом. А именно: у Ляли — бывшей помещицы с Украины — молодой, красивой и невероятно меланхоличной — в Париже случился роман с писателем и литературным агентом Михаилом Рощиным,

который бывал у Бунина и иногда у него гостил. Не знаю точно, как у Ляли с мужем дело дошло до сепарации, но знаю, что мужа звали Алексей, и во Франции он работал шофером, а значит, в России мог быть офицером. Из-за этого романа они расстались еще до войны, а Ляля с Олечкой пользовались гостеприимством Буниных и оставались на их иждивении года три. Также известно — от Веры Николаевны — что Олечка очень переживала расставание родителей, но ничего сделать было явно невозможно. Видимо, конфликт оказался весьма серьезным, а вечно больная Ляля, целыми днями полеживающая на диване с сигаретой в руках, скорее всего не выглядела человеком, который мог бы взять судьбу в свои руки. А потому, возможно, что Алексей Жиров не захотел предоставить жене кров в Ляфрансез, или же Ляля, дабы избежать унижения, побоялась просить его об этом и выбрала отель. Особенно учитывая то, что на ферме у Жирова — как рассказывает Вера Николаевна — было «ужасно» и «нечего есть».

Слова о том, что в Ляфрансез «нечего было есть», повторяются в дневнике Веры Николаевны несколько раз. Они могут вызывать удивление, если вспомнить «Наброски перышком» — дневник польского участника того же самого исхода французов. Бобковский в конце июня начале июля 1940 года вместе со своим другом Тадеком добрался до тех же мест, что и Бунин. Они могли даже встретиться или, что вполне вероятно, разминуться по дороге: двое беззаботных велосипедистов и доверху забитая тридцатью чемоданами машина, за которой тащился пыльный хвост. А в дневнике Бобковского еды целое множество: сыр, персики, каштановая паста, картошка и простокваша, копчености от осевшего во Франции поляка пана Будзынского, маринованные оливки, сардинки в консервах, не говоря уже о белом и красном вине. Бобковский даже пишет, что «чем дальше на юг, тем проще найти себе хлеб и еду». Откуда же такое расхождение? И на этот вопрос «Наброски перышком» дают ответ. «Вдоль дороги мы видели десятки некогда жилых домов, иногда даже целые фермы и усадьбы — все это стояло покинутым, прогнившим и развалившимся, — пишет Бобковский о специфике окрестностей Монтобана. — В трех-четырех километрах от главной дороги можно найти места, где живого духа не встретишь. Пустыня». Видимо, вот в такие места, хуже которых в этом регионе Франции найти было трудно, и попал Бунин вместе со своими женщинами. Ведь только в таком месте мог купить себе ферму бедный российский эмигрант.

Спустя три недели, в начале июля 1940 года, когда Бунины вместе с Галей и Маргой отправились обратно в Грасс, Ляля с Олей остались в Ляфрансез, на сей раз уже наверняка на ферме Жирова. Сам Алексей Жиров бесследно исчез, «предварительно отдав землю в бесплатное владение на три года какому-то итальянцу». У Ляли не было средств к существованию, а семилетняя по тем временам Олечка постоянно болела, так что в конце концов ее настигло и психическое заболевание — «от тяжелой жизни», как выразилась Вера Николаевна, которая неустанно помогала Ляле, а когда закончились собственные сбережения, сумела получить для нее помощь от французского государства и швейцарской благотворительной организации. В конечном итоге Ляля Жирова переехала в Париж и там, чтобы содержать себя и Олю, которой она оплачивала пребывание в каком-то «пансионате», устроилась бухгалтером. К несчастью, в ходе этой чужой войны в чужой стране Ляля занялась бухгалтерским учетом для немцев, и осенью 1944 французские патриоты поймали ее как колаборантку, обрили наголо и бросили в тюрьму. Лишь 11 декабря 1944 года Вера Николаевна могла с облегчением написать в дневнике: «Ляля свободна».

Мне подумалось, что как раз тогда, когда Ляля Жирова, давно не видевшая Олю, в платочке на голове ехала на встречу с дочерью, семьсот тысяч километров далее на восток, в польско-еврейском поселке Или, в Казахстане, Александр Ват все еще продолжал свое метафизическое приключение во чреве левиафана. На ногах он носил «опорки»: из кусков старых шин и тряпья ему их стачал неустрашимый сапожник Камер, на груди — выбеленный тифозной лихорадкой бакелитовый крестик из резервов представительства польского правительства в Лондоне, а над кроватью висела Матерь Божья Остробрамская — вместе с женой они поклялись, что отправятся к Ней в благодарственное

паломничество, если переживут все это. «В Или я уже, собственно, был человеком советским, в положении советских низов, пролов, — рассказывал он Милошу в «Моем веке». — В течение трех с половиной лет я жил жизнью советских трудящихся масс. Это действительно была пустыня, точь-в-точь как у Фомы Кемпийского. Настоящее средневековье. Питались, к примеру, корешками, сладкой картошкой, некоторыми ядовитыми растениями, испытывали постоянный голод, жили вместе с коровами, верблюдами, ишаками. Совершенно библейская ночевка».

Библейская... Это как раз то слово. Из-за него-то и всплыл из глубины моей памяти Ват. Оно, как элемент хлипкого моста, перекинутого между Россией и Францией того времени, велит мне перевести взгляд с запада на восток, а потом обратить его назад. На противоположном берегу находится русское слово «пещерно», которое использует Вера Николаевна, говоря о жизни Ляли с Олечкой на ферме Жирова.

Слово «пещерно» происходит от слова «пещера», в которой много веков назад жили мамонты и пещерный человек, но в православии пещера связана также с жизнью отшельника, а слово пещерник по-русски означает затворника, живущего в пещере. Ибо православные отшельники в качестве места своего уединения охотно выбирали пещеры или, иначе, печёры, скажем, в обрыве над Днепром возле Киева (неподалеку от места, где к Бунину приплыл утопленник в черном костюме). Там позднее возвели Лавру, названную в честь этих пещер/печёр Киево-Печерской. О значениях слова «пещера» можно прочесть в «Толковом словаре живого великорусского языка» Владимира Даля, да и современные словари тоже не молчат на эту тему. Рассказывают они и об этимологии слова, которое происходит от старославянского «печёра» или «печора», что непосредственно приводит нас к глаголу «печь», а опосредованно — к польской опеке и заботе.

Оба этих слова — «библейская» Александра Вата и «пещерно» Веры Николаевны — ассоциируются с чем-то очень старым, простым и связанным с христианской традицией. Ассоциации эти до такой степени похожи, что в некоторых случаях слова взаимозаменяемы. Взять хотя бы Александра Вата. О своих ночевках в Или он мог бы сказать, что были они пещерными, а Вера Николаевна о жизни на ферме Жирова могла бы сказать, что была она библейская. Пожалуй, у этих слов тот же вес.

Но если взвешивать не слова, а описываемую ими жизнь, окажется, что ни о какой взаимозаменяемости тут речи быть не может. Более того, эти два соединенные между собой берега не идут ни в какое сравнение. Конечно, Александр Ват был человеком весьма глубоким, и каждое его переживание было преобразовано им в один из эпизодов духовной эпопеи, тогда как Ляля Жирова, Вера Николаевна да и сам Бунин были людьми иного покроя. Но не о таком различии мне бы хотелось тут говорить. Прежде всего, я имею в виду качественное различие между дном жизни, на котором можно было оказаться во Франции, и тем дном, на котором — почти в то же самое время, в ходе той же самой войны — можно было оказаться на Востоке. И необязательно в советском лагере или в немецком концлагере, хотя лагеря и концлагеря уже самим своим существованием — как чистая возможность — придают военному опыту людей на Востоке дополнительную глубину, расширяют его масштаб.

По сути, дело тут в довольно простой вещи — в отличии фермы Жирова в Ляфрансез от мазанки Ватов в поселке Или. В чисто внешнем их сходстве и более глубоких различиях. Ведь и тут, и там не было проточной воды, электричества, канализации и кроватей, и тут, и там свирепствовал голод, и люди спали вместе с животными или под открытым небом. Но в то же время во Франции у Буниных был в своем распоряжении солидный дом, сложенный из камня (вместо построенной руками ссыльного мазанки из глины и коровьего навоза), во дворе наверняка был колодец, можно было раздобыть еду, на худой конец, в окрестностях. Да и климат в Ляфрансез намного мягче и расстояния короче, благодаря чему французский голод во время войны — это совсем не то, что советский голод в степи. А еще во Франции можно было поискать себе работу, заработать деньги, а потом их потратить, поскольку во французском мире существовали товары, которые можно было купить, скажем, какая-то одежда или ботинки (это вместо протертых лохмотьев и «опонок» из старой резины). Были аптеки, врачи, было топливо, автомобили и поезда. Можно было даже куда-нибудь уехать, во всяком случае это не представлялось так уж неосуществимым, думается, что никто бы не стал удерживать человека силой или угрожать ему смертью на месте, никто тут никого не вынуждал битьем, насилием или еще

большим голодом поменять гражданство, перечеркивая последнюю надежду на спасение. А когда «белая роза осыпалась тихо на землю»*, оказалось, что можно еще и отступиться от союзников, отдать большую часть страны под безобидную оккупацию и спасти от уничтожения французский стиль жизни, дабы в более-менее нормальном состоянии дождаться освобождения, которое в конце концов пришло, не потребовав от французов особых жертв. На Востоке все это было невозможно, даже самая подлая измена, самая гнусная капитуляция не могли здесь привести хоть к мало-мальски сравнимым результатам, и не только ферма Жирова, но даже тюрьма и обритая голова Ляли кажутся бесконечно удаленными от библейского поселка Или.

Различие между фермой Жирова и поселком Или является вместе с тем границей западного воображения, которую большинство людей перейти не в состоянии, и в этом никто не виноват. Вот как об этом пишет американский историк Тимоти Снайдер в книге «Кровавые земли: Европа между Гитлером и Сталиным»:

В конце Второй мировой войны американские и британские войска освободили немецкие концлагеря, такие как Берген-Бельзен и Дахау, но не освободили ни одно из важнейших мест массового истребления людей. [...] Западные союзники не дошли до «кровавых земель»** и не увидели самых страшных мест массовых убийств. И дело тут не только в том, что американцы и британцы не увидели никаких следов советских казней [...] Не увидели они и мест, где казнили немцы [...] Для большинства граждан западных стран знакомство с массовыми убийствами ограничилось фотографиями и фильмами, сделанными в немецких концлагерях. И какими бы ужасающими ни были эти снимки и кадры, это всего лишь слабое указание на то, как развивались события на «кровавых землях». Они не только не отражают всей истории, но, к сожалению, даже не служат предисловием к ней.

Это всего лишь означает, что каждый француз, которому мы бы рассказали о поселке Или, для лучшего понимания подставил бы на место поселка нечто похожее на ферму Жирова. Так происходит потому, что мы не в состоянии представить себе такое зло, которое никогда не испытали сами или наши близкие и наши предки. В подобных случаях мы всегда спасаемся тем, что образ большого зла заменяем одним из наших собственных воспоминаний или воспоминаний родственников о пережитом зле, таком, который нам кажется тут самым уместным. Именно поэтому все наши попытки открыть миру страшный восточноевропейский опыт (в данном случае «мир» всегда означает западный мир) — должны закончиться ничем. Люди из нашего мира, которые предпринимали подобные усилия, довольно быстро приходили именно к такому выводу и отступались. Как Петр Слонимский. Солдат Армии Крайовой он после войны эмигрировал во Францию и стал известным генетиком. Незадолго до смерти в одном из интервью для польской прессы он рассказал, как в свое время пытался приблизить своим французским коллегам Варшавское восстание. Те слушали его с большим вниманием, и Слонимскому показалось, что его понимают, пока в конце разговора один из них не признался, что у него во время войны немцы тоже отняли велосипед. После случившегося Слонимский к этой теме уже не возвращался.

И дело тут вовсе не в так называемом польском мученичестве, которое многих раздражает. И не в нашем несомненно богатом историческом опыте, из которого, впрочем, ничего не следует. И не в пресловутом, не раз описанном оппортунизме Запада. Тут дело в различии судеб. Разумеется, его можно пытаться как-то объяснить — например, исторически закрепленными цивилизационными и

*Так метафорично Анджей Бобковский выразился в своей книге о французской капитуляции.

**Кровавыми землями Снайдер называет территорию от центральной Польши до Западной России (включая Украину, Белоруссию, Прибалтику), в период сотрудничества национал-социализма и сталинизма (1933–1938), совместной германо-советской оккупации Польши (1939–1941), немецко-советской войны (1941–1945). Это время, пишет Снайдер, «характеризовалось таким массовым насилием, какого никогда не было в этом регионе за всю его историю. Жертвами были, прежде всего, евреи, белорусы, украинцы, поляки, русские и балтийские народности — т.е. люди, которые издавна жили на территории этих земель. В течение двенадцати лет, за период 1933–1945 гг., было уничтожено около 14 миллионов человек. Причём все эти люди стали жертвами целенаправленной политики уничтожения, а не погибли в результате военных действий. Никто из14 миллионов человек, о которых идёт речь, не был солдатом, большинство из них составляли женщины, дети, старики».

культурными отличиями, геополитикой, климатом, диетой, национальным характером и даже психоаналитической теорией Лакана — но от этого оно не перестанет нас к себе притягивать и ужасать, а прежде всего, не перестанет существовать. Не приоткроет и краешка своей тайны и не отменит свою неизбежность. И после таких объяснений унижение и голод во Франции все равно будут казаться нам куда легче и красивее наших, а французские клопы более элегантными. И не возникнет у нас неясное чувство стыда и звериный страх от возможности моментальной утраты всяческих наслоений гуманистических иллюзий, чувства, которое сопутствовало и, быть может, в дальнейшем будет сопутствовать подобному опыту на кровавых землях нашей Европы. Ведь именно так случилось в XX веке, что подобные вещи творились тут, а не там. А то, что произошло однажды, — особенно тогда, когда переходится граница дозволенного, — окончательно открывает двери для очередного повтора и эскалации.

А не запутался ли Бунинский жребий в чуждом предназначении западных европейцев, в то время как истинная его звезда, его сшитая на заказ страшная *sud'ba*, ждала в России? Эта русская судьба, от которой он отказался, бежав из Одессы, в последний раз напомнила о себе в августе 1920 года, когда Петр Струве прислал ему из Парижа в Крым телеграмму следующего содержания: «Переговорив с Александром Васильевичем Кривошеиным, мы решили, что такая сила, как вы, гораздо нужнее сейчас здесь у нас на Юге, чем за границей. Поэтому я послал вам телеграмму о вашем вызове».

Что тогда ответил Бунин Петру Струве неизвестно, однако известно, что в Крым он не поехал. И получается, что в определенном смысле Бунин отказался от своей судьбы. Может, ему бы стоило туда поехать и там, на месте, оказать поддержку Белым, как он оказывал ее в свое время в Одессе Деникину? Спустя несколько месяцев, в ноябре 1920 года, армия Врангеля потерпела окончательное поражение в сражении за Перекопский перешеек и эвакуировалась из Крыма в Константинополь. Пало поддерживаемое ею правительство Юга России во главе с Кривошеиным, а вместе с ним умерла и последняя надежда. Бунин тяжело пережил эти события. Вера Николаевна записала в дневнике, что чувство было такое, будто они потеряли близкого человека. Но все-таки переживал он эти события издалека. В защиту Бунина можно сказать, что ему уже тогда было за пятьдесят, больное сердце, а потом, он ведь, прежде всего, был писателем. Вместо жизни в России Бунин выбрал жизнь во Франции. Разумеется, это его право, но меня интересует такой вопрос: не была ли та жизнь, которую он выбрал и которую прожил во Франции, чужой жизнью? Ведь хотя до революции он был убежден, что мог бы жить вдали от родины, на Цейлоне или, как Горький, на Капри, тем не менее, ощущение собственной неадекватности не покидало его все эти реально прожитые в эмиграции годы.

В отличие хотя бы от того же Бобковского, который, несмотря на язвительное отношение к французской ментальности, без особого труда адаптировался на Западе, Бунин вообще не пустил корни в чужой земле. За тридцать лет он так и не выучил прилично местный язык, не подружился ни с кем из французов, даже в его творчестве Франция почти не прослеживается — изредка она служила ему лишь фоном для очередного воплощения русской судьбы. В противовес Бобковскому, он не размышлял о ее сути и не пытался определить свое к ней отношение. Она не была для него ни религией, ни догмой, поэтому он и не оплакивал ее падение, хотя, естественно, заметил его и зафиксировал в дневнике. Она ему не нравилась, у него к ней не было ключа, он не понимал этих людей, не знал, да и не пытался узнать, чем они живут и как любят друг друга. Он боролся за свое существование в одиночку на русской обочине французской экзистенции. Его не защищали никакие французские институты, и даже если бы он захотел, у него не было права устроиться во Франции на постоянную работу. Он существовал там так, как существует человек, который оставил свою жизнь где-то в другом месте.

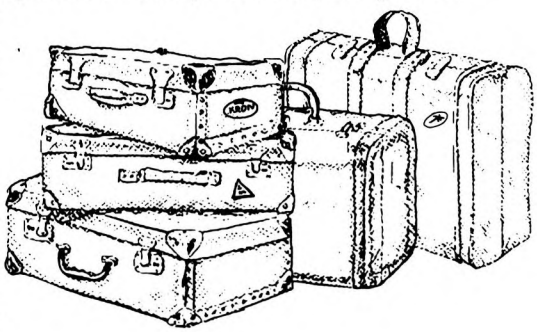
В России судьба Бунина могла быть похожей на судьбу его горячо любимого старшего брата Юлия, который в 1918 году так и не рискнул бежать из Москвы, хотя Бунин и Вера очень его уговаривали. Тогда кто-то в их семье оказался больным и нуждался в опеке, а кроме всего прочего, у Юлия в Москве была квартира, и жалко было ее бросать. После окончательного банкротства отца

оба брата стали фактически бездомными, поэтому такая вещь, как квартира, судя по всему, значила для Юлия больше, чем могло казаться. У самого же Бунина квартиры не было — на протяжении всей своей жизни он имел только книги и чемоданы, а потому в те бесчеловечные времена мог решать о своей судьбе куда свободнее. Впрочем, дело, наверно, было не в квартире. Видимо, Юлий ссылался на нее, чтобы скрыть от разгоряченного младшего брата свое глубокое, иррациональное нежелание уехать. Во всяком случае так могло быть — никто ведь тогда не знал, чем обернется эта чудовищная революция. И, пожалуй, Юлий, как и многие другие, надеялся, что этот кошмар в скором времени закончится. Как бы то ни было, он остался и вскоре после отъезда Бунина и Веры заболел, а потом попал в «Здравницу» близ Смоленского бульвара. Оттуда он писал Телешову* письма с просьбой похлопотать перед наркомом здравоохранения Николаем Семашко, чтоб его оставили в этом прибежище бессрочно, ибо оно «в буквальном смысле спасет» от смерти. В то время в квартире Юлия — из-за которой он не уехал из Москвы — стояли минусовые температуры, и не было чем топить, но даже если бы и было, откуда взять силы, чтобы самому пилить или рубить дерево. Позднее большевики «уплотнили» квартиру, то есть поселили в ней всяких «пролов», и Юлию некуда стало возвращаться. В конце апреля 1921 года он писал Телешову:

«Третьего дня я ушел из «Здравницы» и переселился в 4-й Дом Инвалидов, находящийся в Теплом переулке в доме № 3; компания — один генерал, другой полковник, третий дьякон и проч.; всего в комнате, считая меня, шесть человек <…> Мои сожители очень больной и нелюдимый народ, стонут, кряхтят, бредят и вследствие этого беспокойны и часто мешают заснуть. Во-вторых, и это главное, питание плохое и далеко не достаточное. Хлеба выдают полфунта, масла и иных жиров совсем нет».

Спустя несколько месяцев, оставаясь в согласии со своей российской судьбой, Юлий Алексеевич умер от голода и холода в Теплом переулке в Москве так же, как и миллион других русских, ушедших в могилу в 1921-1922 годах по тем же причинам. А его брат из Яшкиного переулка* в Париже узнал об этом факте — с опозданием — из газет. И чуть было сам после этого не умер. Так уж принято говорить: «чуть было не умер», однако правды в этих словах ни на грош, поскольку тот, о ком говорится, что он, дескать, «чуть было не умер», пережил не более чем душевные, хоть и очень сильные, муки. До умирания тут еще далеко, настолько далеко, что оно даже не замаячило на горизонте, а потому тот, кто «чуть было не умер», об умирании все еще не имеет никакого представления. Я отнюдь не хочу сказать, что Бунин должен был умереть так же, как его брат. Я только пытаюсь понять, а не было бы для него правдивее, если б он умер таким же образом или более-менее похожим? Не было ли для него правдивее, если б он остался в России и там встретил свою русскую судьбу вместо того, чтобы мыкаться по французской Ривьере, превращая свою одиссею разве что не в трагикомедию?

На эти вопросы ответить довольно трудно еще и потому, что тот Бунин, которого я представляю себе по его произведениям и фотографиям — стройный Бунин в белом костюме, в панаме или картузе, на пляже в Ницце или в саду прованской виллы, Бунин, запутавшийся в сетях несерьезных французских пейзажей и несерьезной французской судьбы — вообще не вписывается ни в поселок Или в Казахстане, ни в «Здравницу» в большевицкой Москве. Не сообразуется ни с тифом, ни с дезентерией, ни со следователями из НКВД с белесыми глазами, ни с тюремными соузниками с их метеоризмом в перенаселенных камерах, ни даже с теми шестью тяжело больными инвалидами, помещенными в одну палату в выстуженной московской богадельне. Я не могу себе его там представить, совершенно не вижу этого. Но, может, эта несовместимость Бунина со своей гипотетической русской судьбой не должна удивлять? Может, так оно есть, что судьба не подходит человеку до тех пор, пока она его не встретит?



*Николай Дмитриевич Телешов (1867–1957) — русский советский писатель.

*Яшкиным переулком Бунины называли rue Jacques-Offenbach, где они жили.

Аркадиуш Хабера

ПОЛЯКИ ОБ ИВАНЕ БУНИНЕ

Ниже я привожу несколько высказываний о творчестве Ивана Бунина.

Автором первой в Польше статьи, посвященной писателю, стал Владимир Фишер. Его текст был опубликован в журнале «Пшеглёнд варшавский» в 1923 г., то есть через тридцать шесть лет после поэтического дебюта Бунина.

В 1927 г. в переводе Марии Сосновской появился роман «Дело корнета Елагина». Импульсом к написанию произведения послужила история убийства варшавской актрисы Марии Висновской офицером Гродненского лейб-гвардии гусарского полка Александром Бартеневым. Трагедия произошла в ночь на 1 июля 1890 г. в Варшаве, на улице Новогродской, 14 и вызвала широкий отклик среди жителей города. В деле остались невыясненные моменты. На теле застреленной актрисы, прославившейся, главным образом, ролями роковых женщин, были обнаружены обрывки записки со словами: «Умираю не по собственной воле», а также экземпляр пьесы «Не играть любовью!». Бартенева приговорили к восьми годам каторжных работ в Сибири. Однако наказание он не отбыл. Был помилован царем. Умер в 1932 г. История поистине мелодраматическая. Поэтому можно предположить, что выбор переводчицы был продиктован не только причинами художественного толка. Повесть могла представлять интерес для широкого читателя. Оправдались ли ожидания? Трудно сказать. У нас нет сведений о количестве проданных экземпляров. Однако, во всяком случае, благодаря Сосновской, польский читатель впервые встретился с произведением автора «Темных аллей».

Известности Бунина в Польше способствовало присуждение ему в 1933 г. Нобелевской премии. Это решение было встречено с некоторым удивлением. На страницах еженедельника «Вядомости литерацке» пишет об этом Сергиуш Кулаковский, напоминая, что годом ранее на Нобелевскую премию выдвигался Дмитрий Мережковский. В свою очередь Теодор Парницкий (в том же еженедельнике, в 1934 г.) замечает: «Есть сегодня в России (…) писатели, более заслуживающие этой высочайшей литературной награды». Однако далее называет творчество Бунина выдающимся, а самого его — «самым блестящим русским новеллистом XX века». Парницкий предостерегает от того, чтобы трактовать присуждение Нобелевской премии как политический акт, направленный против советской России.

Через год после получения Буниным премии издательство Якуба Пшеворского выпустило трехтомник произведений лауреата. Первый том под названием «Деревня» включал в себя повести «Деревня» и «Суходол» в переводе Зофьи Петресовой; во второй, озаглавленный «Господин из Сан-Франциско», вошли двадцать четыре рассказа в переводе Вацлава Роговича, а в третий — «Чаша жизни» — восемнадцать рассказов, переведенных Яном Пшеворским. Следующее переиздание прозы Бунина состоялось лишь в 1957 г. «Жизнь Арсеньева», считающаяся центральным произведением в наследии писателя, опубликована на польском языке только в 1967 г. С этого момента и по сей день проза нобелевского лауреата переиздавалась многократно. Из последних переводов внимания заслуживают две позиции. В 2011 г. в переводе Ежи Шокальского вышел неоконченный труд Бунина «О Чехове». Через год на полках польских книжных магазинов появился сборник «Поздний час» в переводе Ренаты Лис. В него вошли рассказы 30-х и 40-х годов, а также уже публиковавшиеся ранее в Польше «Окаянные дни» — дневниковые записи 1918–1919 гг.

Следует обратить внимание на высказывание Ярослава Ивашкевича, сравнившего «Жизнь Арсеньева» Бунина с «Паном Тадеушем» Адама Мицкевича. Оба произведения были реакцией на изгнание, оба отличаются необычайным сенсуализмом, воспроизводят картину жизни, канувшей в прошлое, но запечатленной и сохраненной памятью. В обоих случаях изображаемый мир видится садом, калитка в который захлопнулась, и теперь, с перспективы «парижской мостовой», его образ сублимируется. Все конфликты, печали, несправедливости представляются неотъемлемым элементом

космоса, столь милым сердцу, пока жизнь текла в прекрасном саду, и столь невыносимым в период бездомности на чужой земле. Внешний реализм обоих произведений обогащен дополнительным планом — планом метафизическим. Чеслав Милош в беседе с Александром Фьютом назвал «Пана Тадеуша» крипто-метафизической поэмой. Эта формула применима ко многим эмигрантским произведениям Ивана Бунина. Мир, изображенный на их страницах, на первый взгляд реальный, — это мир иного, высшего, порядка. «Мир такой, каким он должен быть. Мир, в котором собирают грибы, варят кофе, патриархально садятся за стол и в молчанье дружном едят литовский холодец». Так говорил о «Пане Тадеуше» польский лауреат Нобелевской премии, и, думаю, не будет преувеличением, если мы отнесем эти слова к миру Бунина.

Была ли Россия Бунина такой, какой он ее описал? Безусловно, нет. И это не имеет особого значения. Писатель создал великолепный, неповторимый ее образ. Редким авторам удается воплотить в слове столь реальный мир. Именно в этом сила творчества Бунина, чему свидетельство — все новые поколения литературных критиков и читателей.

Влодзимеж Фишер

ИЗ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. ИВАН БУНИН

В текстах, посвященных русской литературе, мы постоянно совершаем одну и ту же ошибку: слишком гонимся за новинками, ищем сенсаций, полагаемся на впечатления широкого русского читателя, не интересуясь мнением серьезной русской критики; пользуемся односторонне подобранным материалом, доверяемся чужому выбору. К примеру, Горький, Андреев, Арцыбашев, Куприн считались выдающимися представителями русской литературы, хоть это не так и не было так. (…)

Значительно позже обратили мы внимание на другую плеяду — модернистов, так называемых декадентов. Бальмонта, Брюсова, Блока, Белого, Сологуба…

Вслед за ними эффектно блеснул Игорь Северянин — и вот уже клонится к закату (…).

Таким образом, мы могли наблюдать несколько течений русских писателей разного масштаба, привлекших к себе внимание успехом, которым они обязаны или актуальности содержания, или же его необычности. Однако ни разу, кажется, не упоминалось у нас имя автора, вокруг которого никогда не возникало никакой шумихи, который избегал всякого рода актуальности, презирал внешние эффекты, но медленно и постепенно завоевал высокое и повсеместное уважение среди соотечественников, а теперь начинает завоевывать за рубежом. Этот писатель — уже немолодой, ведь десять лет назад он отпраздновал двадцатипятилетний юбилей творческой деятельности, а еще прежде получил звание «почетного академика» (то есть члена Академии) — Иван Бунин, которому идеально подошел бы эпитет «классик».

В первый период своего творчества Бунин был только лириком. Стихи его, печатавшиеся в периодике, затем в знаменитых альманахах издательства «Знания», наконец выходившие там же отдельными изданиями (до 1905 г.), не вызывали бурной реакции по двум причинам. Это было время интереса к Горькому, Андрееву и им подобным — и на фоне их произведений, стремившихся к общественной актуальности, терялась бунинская поэзия природы. Кроме того, это эпоха выступлений модернистов, выступлений также эффектных и скандальных, хоть и в совершенно ином духе — а модернистов Бунин сознательно сторонился. Он презирал их завоевания в области формы и стихосложения, не соревновался с ними в этом и ничего от них не перенял. Остался верен старой технике, школе Пушкина — впрочем, в его поэзии нет места для теории, какое бы то ни было теоретизирование чуждо Бунину. Он пел подобно птице. Язык отличался безупречной чистотой и богатством, стиль — изысканной простотой; ритмы были привычны, но убедительны, рифмы не изысканны, но и не банальны; ничего вопиющего и крикливого; скромная и исключительно благородная форма (…) И содержание такое же — старое, но вечно новое: природа и любовь (…) Когда-то человек жил среди людей, к чему-то стремился, переживал восторги и разочарования любви — но все это миновало — и вот поэт ничего не хочет, никуда не спешит, предается созерцанию. Порой промелькнет какое-нибудь воспоминание,

пробудится прежнее чувство или любимое лицо предстанет перед глазами, как живое, однако поэт, чуждый какой бы то ни было сентиментальности, суровый к себе, избегает откровений и умилений. Порой звучит в этой лирике диссонанс протеста, ненависть к путам тысячелетней неволи, в которой пребывает народ, и даже по отношению к самому народу, который терпит рабство. Но остановившись перед крестом, у лесного родника, поэт все же обнаруживает в себе любовь к своему народу. (…)

Эта осторожная растроганность, как и мимолетное воспоминание о прошлом, свидетельствуют также о некой отстраненности духа поэта от толпы, от людских дел. Поэт избегает участия в жизни, стремится к нирване, хотя, разумеется, никогда ее не достигает. Глядит на жизнь с вершины. (…). Но на своей вершине Бунин не перестает чувствовать и понимать человеческую жизнь. На своей вершине он умеет ненавидеть, умеет возмущаться, даже любить. Просто не разделяет с людьми их борьбу, их цели. Не желает реагировать на злобу дня, почему и обходит 1905 год абсолютным молчанием.

Однако после этого года Бунин начал писать романы, проявил себя как реалист. Он писал о мужике не так, как писали Тургенев, Толстой, умилявшиеся крестьянской доле и впадавшие в мистическую идеализацию, «открывавшие» в мужике человека; Бунин пошел вслед за Чеховым, первым показавшим мужика во всей его нравственной деградации, но превзошел его, показав в мужике зверя. Бунинский мужик не только темен, он также морально развращен; это существо, лишенное веры, традиции, совести, разума, склонное к бесцельным преступлениям — никому не нужным, бессмысленным и жестоким. Даже прислушиваясь летней ночью к пению соловья, мужик говорит: «Вот бы из ружья-то его!». У ночного костра мужики рассказывают друг другу о совершенных ими чудовищнейших злодеяниях — рассказывают спокойно, словно о вещах само собой разумеющихся: беспричинное терзание животного, издевательство забавы ради над человеком для них в порядке вещей. Этот страшный «Ночной разговор» — так называется рассказ — написан безжалостно-спокойным тоном эпика; автор не позволяет себе даже очистительного юмора… Как это связано с его созерцательной лирикой?

Не русского мужика ненавидит Бунин; он знает, что мужик беден, темен и что сам он, поэт, вместе со всем народом, несет ответственность за его нищету. Хама ненавидит Бунин: писатель почувствовал в человечестве хама и наиболее полное его воплощение обнаружил в русском мужике. Хамство легче всего расцветает на почве нищеты и темноты, но не ими порождается; это врожденный, первородный грех. Освобождается человек путем возвышающего бескорыстного созерцания. Лишь в бескорыстном созерцании открывается ему — через запечатленную в искусстве красоту — мир. Естественное состояние человека — корысть, труд, борьба за существование: в этой борьбе очень легко утратить способность к восприятию красоты; и тогда человек оказывается низвергнут на низшую ступень — ступень хамства; ему не только оказываются недоступны высшие ценности — он начинает их разрушать, без всякой цели, просто потому, что в изматывающей борьбе за существование развил в себе инстинкт уничтожения и теперь пользуется им бездумно…

(***Из русской литературы. Иван Бунин***, «Пшеглёнд варшавский», 1923, № 24)

Рафал Блют

ПРОЗА ПОЭТА БУНИНА

Бунин, прекрасный прозаик, по своему истинному призванию является, как нам кажется, поэтом-лириком. Как бывает в подобных случаях, эта творческая двойственность выразилась в особой заботе о форме прозаических текстов, специфической образности языка, лаконизме описаний, прозрачности конструкции фразы, отчасти также повлияла на структуру коротких новелл и повестей. Однако, как нам представляется, с этой двойственностью непосредственно связана знаменательная отрицательная черта прозы Бунина. Мы имеем в виду искусственность или, быть может, литературность, какой отличается бунинское восприятие жизненной проблематики. Несмотря на то, что причинно-следственные связи формально соблюдены, в некоторых новеллах рисуемая Буниным картина для нашего обыденного, прозаического чувства реальности недостаточно убедительна. Так происходит в особенности тогда,

когда повествование непосредственно затрагивает фундаментальную этическую проблематику. И нас коробит от бесчеловечного холода эпика, а порой просто-таки возмущает жестокость, с которой писатель — бесстрастно — оперирует отвратительным материалом вивисекции. Приведу несколько примеров. Первый — новелла, пользующаяся у читателя наибольшей любовью, текст, которым Бунин прежде всего обязан присуждению Нобелевской премии. «Господин из Сан-Франциско», несмотря на видимость противопоставлений (солнечный мотив в финале, призванный компенсировать трагизм), — безнадежно печальное повествование о внезапной, ничем не предвещаемой смерти, которая настигла бездушного американского богача в роскошном итальянском отеле. Автор мастерски оперирует диссонансами, чтобы более выпукло показать всю бессмысленность нагромождения роскоши и покупаемой за деньги беззаботности. С формальной точки зрения — в самом широком смысле этого слова — автора упрекнуть не в чем. Однако в своей гипертрофированной эпичности, совершенно исключив из повествования трагизм смерти Господина из Сан-Франциско, Бунин переходит какие-то очень важные моральные границы, обнажая безжалостность и жестокость позиции наблюдателя по отношению к миру и людям.

Еще сильнее проявляется эта черта бесчеловечного эпического гипердистанцирования в коротенькой новелле под названием «Мухи». В центре ее — глубокая человеческая нищета, примитивный мужик-паралитик, судорожно цепляющийся за жизнь и целыми днями занятый тем лишь, что давит садящихся на стену у постели мух. Рассказывает историю повествователь, который наслаждается красотой окружающей природы. Снова, как в «Господине из Сан-Франциско», мастерски показан контраст между жизнью природы и этой мертвенностью вегетирующего полутрупа.

Автор упорно избегает проявления хоть каких-то чувств. Подобно натуралисту-исследователю, он лишь описывает очередной каприз природы, бездумно питающей и разрушающей жизнь.

Идя дальше, можно обнаружить нечто подобное там, где Бунин с каким-то странным, безболезненно холодным сарказмом рисует картину физического и морального вырождения помещичьей семьи. Так происходит в блестяще выстроенной повести «Суходол» или в выполненном с поистине флоберовским «бесстрастием» описании разрушительной скуки провинции («Чаша жизни»). Также и мужественной по своей объективности и натуралистической достоверности повести из крестьянской жизни («Весна»), далекой от либералистической идеализации мужика, недостает ноты милосердной снисходительности.

Весьма доброжелательно настроенный по отношению к Бунину довоенный русский критик Айхенвальд, подчеркивая, что в личности Бунина присутствует нечто недоброе, жестокое или, по крайней мере, ожесточившееся, старается убедить нас в том, что подобные элементы достаточным образом уравновешены в творчестве писателя «лирикой сострадания». Показательно, что примеры критик приводит почти исключительно из поэтических текстов. Кто знает, быть может, и в самом деле существует в творчестве этого писателя диковинная диспропорция между областями поэзии и прозы: каждая из них односторонне выражает лишь один тип переживаний, причем Бунин-лирик отвечает безнадежному скептику Бунина-прозаика. Во всяком случае не подлежит сомнению, что творчество Бунина, несмотря на отсутствие внутренней гармонии, — литература огромного масштаба и художественной силы.

(***Проза поэта Бунина***, «Вербум», Варшава, 1935)

Ярослав Ивашкевич
БУНИН

Так сложилось, что Бунина я практически не читал. Когда-то, сразу после получения им Нобелевской премии, пару рассказов — и всё. Но недавно я получил из Москвы предпоследний том собрания сочинений Бунина с предисловием Константина Паустовского. Помимо новелл, туда вошло прозаическое произведение под названием «Жизнь Арсеньева» (...).

Признаюсь, что «Жизнь Арсеньева» произвела на меня большое впечатление. Оно тем важнее, что неожиданное открытие помогло мне узнать действительно прекрасного, великого писателя, о ко-

тором мне так мало было известно. (…) Я также думаю, что именно с «Жизни Арсеньева» следовало бы начинать знакомство с Буниным польскому читателю (…).

«Жизнь Арсеньева» отчасти напоминает «Пана Тадеуша». Автор, находясь в изгнании, за много миль от описываемых мест, с небывалой любовью и тщательностью рисует мир, безвозвратно канувший в прошлое. Мир далеко не идеальный, но в силу этой дистанции — поэтизируемый. Своей любовью, своими воспоминаниями автор придает утраченным формам бытия поэтичность умирающего мира (…).

Бунин до такой степени влюблен в эту атмосферу ранней, слишком рано созревающей юности, что даже провинциальный бал в губернском городе приобретает под его пером черты сказки. Что уж говорить о запечатлевшейся в памяти природе, о которой Бунин готов говорить бесконечно, постоянно, подробно: эти весны, осени и зимы, эти леса, охоты и сады, прекраснейшие описания — связаны с чувствами автора-героя. И на этом фоне странная, удивительная, ни на что не похожая любовь молодого мальчика, которая спустя десятилетия сублимируется в блестящий роман….

(***Бунин***, «Жиче Варшавы» 1962, № 143)

Хенрик Береза
СОВЕРШЕНСТВО

«Жизнь Арсеньева» написана в 1933 г., это было время, когда и мог появиться подобный роман. Бунина и его важнейшее произведение готовила на протяжении всего XIX века великая русская литература, неустанно провоцируя дать нечто противоположное имеющемуся. Подобно тому, как «Пана Тадеуша» готовили несколько веков древнепольской литературы. Ибо прав наш мудрый Ярослав Ивашкевич, сравнивший два столь различных произведения. «Жизнь Арсеньева» — почти точь-в-точь русский «Пан Тадеуш» дореволюционной России. Дореволюционная Россия дала Достоевского и после своей гибели не могла не дать Бунина, чтобы тот сразился с Достоевским. Не будем говорить о явной и, вероятно, неизбежной разнице противоборствующих сил. Бунин — единственный писатель, решившийся бросить вызов прежде всего Достоевскому. Достоевский — единственный, кто не стоит за опытом и переживаниями героя романа Бунина. Все остальные писатели (включая Гоголя) предстают словно бы святыми покровителями жизни, несмотря на все зло и страдания, не утрачивающей своего совершенства.

Не следует понимать сказанное так, будто Бунин — певец политического или общественного порядка царской России. Бунин принял вызов Достоевского в области метафизики. Именно в этой области он открывает гармонию и порядок там, где Достоевский видел хаос и ужас. У Бунина человеческая судьба воплощается так, как и должна она воплощаться, согласно человеческим мерам полноты и совершенства. В этой судьбе возможно и реально равновесие счастья и страдания, добра и зла, восторга и отвращения. Веры и сомнения, надежды и отчаяния, любви и отчужденности. И судьба эта воплощается в той России, которую великая русская литература считала территорией попранной человечности. Разве не означает это, что не существует под солнцем такого ада, который не был бы одновременно раем?

(…) Бунин — Пруст русской литературы. «Жизнь Арсеньева» — русский аналог «В поисках утраченного времени», причем не менее совершенный. Художественным совершенством «Жизнь Арсеньева», возможно, даже превосходит роман Пруста, и это вполне естественно, ведь Бунин не был, подобно Прусту, открывателем новой литературной формы. Бунин использовал для своих целей уже открытую прозаическую форму. Использовал мастерски.

Художественное совершенство «Жизни Арсеньева» столь велико, что парализует эстетические эмоции. Человек чувствует себя беспомощным перед лицом идеального произведения искусства. Соприкоснувшись с идеальным произведением искусства, начинаешь тосковать по ошибке, изъяну, диссонансу, который бы подчеркнул гармонию. Проще говоря, у Бунина тоскуешь хотя бы по тому, что у Пруста можно назвать затянутостью. У Бунина ничто не является лишним и не отсутствует

ничто необходимое. Совершенство каждой детали во всегда присутствующем у Бунина пространстве Вселенной. От первой до последней фразы Бунин, рассказывая об одном человеке, рассказывает о России и Вселенной. С перспективы Вселенной он видит железнодорожную станцию в российской провинции и красивые ноги малороссийской хохлушки.

(***Совершенство***, «Нове ксёнжки», 1965, № 10)

Ярослав Ивашкевич

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА: ИВАН БУНИН «СУХОДОЛ»

Мой перевод повести «Суходол» — не первый польский перевод этого великолепного произведения Бунина, которое сам он называл романом. Как не первыми в Польше были мои переводы «Смерти Ивана Ильича» Толстого или «Степи» Чехова. Есть в этих текстах нечто, что влечет меня к ним — вероятно, как раз то, что я лишь стремился выразить, и что великим русским авторам удалось воплотить в совершенстве. В этом смысле перевод трех названных произведений — своего рода реализация моего собственного литературного идеала. Поэтому перевод в данном случае был для меня не тяжким трудом (хотя трудом был также), но неслыханным блаженством. Я работал с пылающими от волнения щеками, а завершал переводы со слезами на глазах.

Особенно близок, особенно трогает меня как раз «Суходол». В те годы, когда писатель трудился над своим полуавтобиографическим романом (и — чуть ранее — над «Деревней»), я, «подросток», бродил по местам подобным деревне Каменке, выведенной у Бунина под названием Суходол. Я своими глазами видел это вырождающееся дворянство, эти красивые некогда парки, заросшие и превратившиеся в дикие чащи, эти семейные могилы, в которых упокоились столь бурные и исковерканные жизни. В деревне Красноивановка, где я провел одно лето, могилы эти соседствовали с двумя полуразвалившимися домами, на них паслись лошади, цвели полевые цветы — а мы с моим воспитанником слушали «в людской» странную историю семьи, в которой выжили одни лишь женщины. Была и «тетя Тоня» (ее в самом деле так звали), которая оказалась счастливее героини Бунина лишь тем, что на сороковой весне жизни все же заполучила своего «Войткевича» (...).

Я заканчивал перевод этой типичной *long-short-story*, не только своей формой предвосхитившей современную американскую литературу, но и содержанием словно бы приближавшейся к череде «фолкнеровских» рассказов о падении могущественного прежде рода, с чувством, будто соприкоснулся с чем-то очень близким и тесно связанным с моей собственной судьбой.

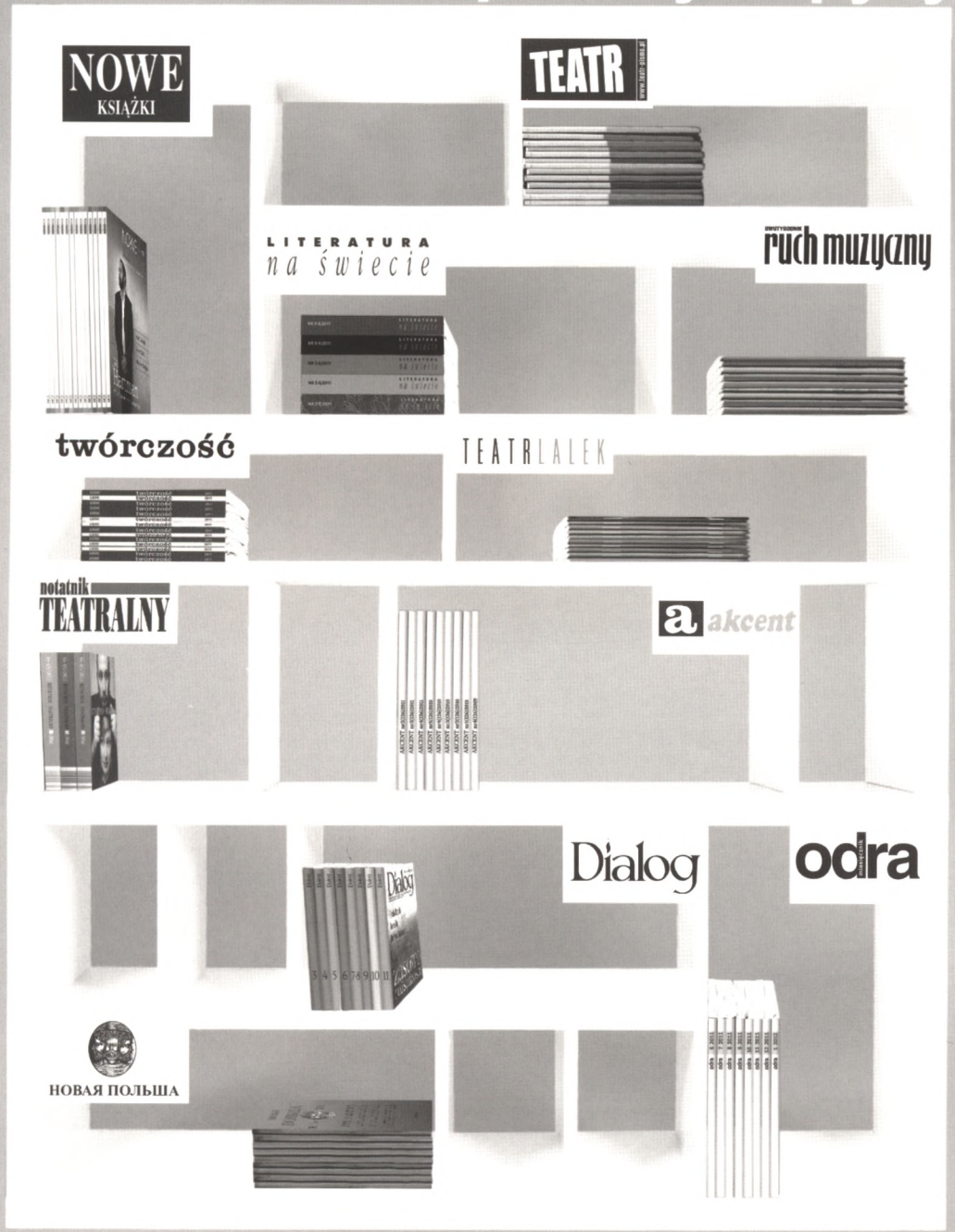
Кроме того, переводя эту повесть, я не переставал думать о пани Марусе Каспрович, в девичестве Бунин*. Ведь это история и ее предков также.

(***От переводчика: Иван Бунин «Суходол»***, «Твурчосць» 1968, № 8)

*Женой польского поэта Яна Каспровича была Мария из Буниных. Прим. А.Х.

INSTYTUT KSIĄŻKI
©POLAND

Достаточно протянуть руку



Instytut Książki Dział Wydawnictw
al. Niepodległości 213, 02-086 Warszawa, tel. +48226082374, tel./fax +48226082488
e-mail: czasopisma@instytutksiazki.pl
www.instytutksiazki.pl

Cena 8 zł. w tym 5% VAT
ISSN 1508-5589